

Министерство образования и науки РФ
Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение
высшего профессионального образования
«Уральский государственный педагогический
университет»

Хрестоматия
по истории политической мысли
Античность

Учебное пособие

Составитель
кандидат исторических наук
П.В. Рубцов

Екатеринбург
2014

УДК 321.151

ББК 66.1

X91

Ответственный редактор:

Арапова М.А., кандидат философских наук, профессор кафедры политологии и организации работы с молодежью.

Рецензенты:

Бубнов Д.В., кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора исторических исследований НИУ ВШЭ-Пермь;

Коряковцев А.А., кандидат философских наук, доцент кафедры социологии и политологии УрГПУ.

X91 Хрестоматия по истории политической мысли. Античность:
Учебное пособие / Сост. П.В. Рубцов. Уральский государственный педагогический университет. – Екатеринбург, 2014. – 160 с.

ISBN 978-5-7186-0577-8

В хрестоматии представлены основные тексты, отражающие развитие политической мысли греко-римской античности с ранних этапов по II в. н.э. Переводы наиболее важных фрагментов сверены с оригиналом и в ряде случаев уточнены.

Пособие предназначено для студентов-политологов и всех, кто интересуется историей политической мысли.

УДК 321.151

ББК 66.1

Рекомендовано Ученым Советом федерального государственного бюджетного образовательного учреждения высшего профессионального образования «Уральский государственный педагогический университет» в качестве научного издания (решение № 329 от 23.12.2014)

ISBN 978-5-7186-0577-8

«УрГПУ», 2014

© ФГБОУ ВПО

ВВЕДЕНИЕ

Цель настоящей хрестоматии заключается в том, чтобы предоставить студентам набор текстов античных авторов, отражающих различные этапы развития политической мысли греков и римлян. Собственно, роль античности в формировании политической науки как таковой не нуждается в дополнительном обосновании: и политологический лексикон, и базовые концепции, и наиболее острые вопросы политической жизни – все это уходит корнями именно в греко-римский период европейской (и не только) истории. Античное наследие, в связи с этим, занимает существенную часть курса истории политической мысли (политических учений).

Тексты в хрестоматии подобраны таким образом, чтобы их можно было использовать как на семинарских занятиях, так и для самостоятельного освоения студентами дополнительных тем. Поскольку история политической мысли представлена, с одной стороны, конкретными авторами, а с другой – концепциями, мнениями, идеологемами и т.д., необходимо, сохраняя хронологический (по возможности) порядок античных памятников, дать возможность студентам проследить как развивались представления о той или иной области политики. Соответственно, каждому тексту (или набору фрагментов) присвоен номер, заключенный в квадратные скобки: в зависимости от задач, стоящих перед преподавателем и студентами, можно обращаться к изучению политической мысли отдельных авторов, эпох или концепций создавая каждый раз необходимую последовательность фрагментов.

Представленные тексты охватывают период с VIII в. до н.э. по II в. н.э. и даны в соответствии с традиционной рубрикацией, то есть разделением на книги и главы, страницы, стихи и т.д., так, чтобы студент мог легко отыскать необходимый текст в любом издании и поместить его в более широкий контекст – это особенно актуально для таких крупных авторов, как Платон, Аристотель, Цицерон. Поскольку хрестоматия носит прикладной характер, то, конечно, поместить все релевантные тексты, отражающие все периоды развития греко-римской политической мысли не представилось возможным. Остается надеяться, что знакомство с базовыми произведениями сподвигнет студентов на обращение к другим, не менее важным текстам, благо античная литература хорошо представлена в русских переводах. В хрестоматии, как правило, использовались классические переводы античных памятников, лишь в необходимых случаях (например, в одном отрывке из аристотелевской «Политики») были сделаны некоторые исправления.

СПИСОК ТЕКСТОВ

Гомер

- [1] Илиада. I. 121-139, 148-153, 160, 172-181, 185-187, 206-244
- [2] Илиада. II. 198-206
- [3] Илиада. XII. 310-321
- [4] Одиссея. IX. 106-115
- [5] Одиссея. XIX. 109-114

Гесиод:

- [6] Теогония. 79-96; 901-906.
- [7] Труды и дни. 3-8; 214-273

Тиртей

- [8] фр. 2 (Эвномия),
- [9] фр. 7. 15-44
- [10] **Фокилид**, фр. 4

Феогнид

- [11] ст. 27-52
- [12] ст. 667-682

Солон

- [13] фр. 1 (3)
- [14] фр. 19 (12)
- [15] **Критий** (Секст Эмпирик. Против ученых. 9. 54)
- [16] **Продик** (Ксенофонт. Воспоминания о Сократе. II. 1. 21-34)
- [17] **Протагор** (Платон. Протагор. 320c-328d)
- [18] **Антифонт. Истина** (Оксиринский папирус XI. 1364)

Геродот. История

- [19] I.96-101
- [20] III.80-82.

Фукидид. История

- [21] II.34-46
- [22] V.84.3-114.1.
- [23] **Демокрит. Фрагменты** 433, 436, 440-448

Исократ. Речи.

- [24] XII. 128-134
- [25] VII. 11-28
- [26] II.9-39

Эсхин. Речи

- [27] I.4-6
- [28] III. 169-170
- [29] **Ксенофонт. Воспоминания о Сократе.** IV. 4.15-18

Платон

- [30] Критон. 50a-54d
- [31] Государство. II. 368c- 374e
- [32] Государство. IV. 420b-424a
- [33] Государство.VIII. 543a-569c

- [34] Политик. 358с-359d
- [35] Политик. 274b-275с
- [36] Политик. 291d-303d
- [37] Законы. III. 676a-681d
- [38] Законы. IV. 713b-715d
- Аристотель. Политика**
- [39] I 1.2-9,12
- [40] I 2.21
- [41] II 1.1
- [42] III 1.1-14
- [43] III 4.1-5.4
- [44] III 5.10-11
- [45] III 6.1-7.1
- [46] III 11.2-9
- [47] **Диоген Синопский. Государство (?)** (Диоген Лаэртский. VI. 71-72)
- [48] **Эпикур. Главные мысли**
- [49] **Гермах. Против Эмпедокла** (Порфирий. О воздержании от одушевленных. I. 8.1-11.2)
- [50] **Хрисипп** (Фрагменты ранних стоиков. III. 308, 314, 323, 324, 326-328, 331, 333)
- [51] **Полибий. Всеобщая история** VI. 3-18
- [52] **Цицерон. О государстве.** I. 35-71
- [53] **Квинт Туллий Цицерон. Краткое наставление по соисканию**
- [54] **Деяния божественного Августа, 34.1-35.1**
- [55] **Закон о власти Веспасиана (CIL. VI. 930)**
- [56] **Гай. Институции.** I. 1-7.
- [57] **Дигесты Юстиниана.** I. 3.31; I. 4.1; I. 21.1; II. 1.5-6
- [58] **Плиний Младший. Панегирик императору Траяну**
- [59] **Плутарх. Наставления о государственных делах**
- [60] **Элий Аристид. Похвала Риму.** 34-71

ТЕКСТЫ

Гомер

[1]

Илиада. Песнь I. 121 сл.

- Первый ему отвечал Пелейон, Ахиллес быстроногий:
«Славою гордый Атрид, беспредельно корыстолюбивый!
Где для тебя обрести добродушным ахеям награду?
Мы не имеем нигде сохраняемых общих сокровищ:
- 125 Что в городах разоренных мы добыли, всё разделили;
Снова ж, что было дано, отбирать у народа — позорно!
Лучше свою возврати, в угождение богу. Но после
Втрое и вчетверо мы, аргивяне, тебе то заплатим,
Если дарует Зевс крепкостенную Троию разрушить».
- 130 Быстро, к нему обратясь, вещал Агамемнон могучий:
«Сколько ни доблестен ты, Ахиллес, бессмертным подобный,
Хитро не умствуй: меня ни провесть, ни склонить не успеешь.
Хочешь, чтоб сам обладал ты наградой, а я чтоб, лишенный,
Молча сидел? и советуешь мне ты, чтоб деву я выдал?..
- 135 Пусть же меня удовольствуют новою мздою ахейцы,
Столько ж приятно сердцу, достоинством равною первой.
Если ж откажут, предстану я сам и из кущи исторгну
Или твою, иль Аякову мзду, или мзду Одиссея;
Сам я исторгну, и горе тому, пред кого я предстану!
-
- Грозно взглянув на него, отвечал Ахиллес быстроногий:
«Царь, облеченный бесстыдством, коварный душою мздолюбец!
- 150 Кто из ахейян захочет твои повеления слушать?

Кто иль поход совершит, иль с враждебными храбро сразится?

Я за себя ли пришел, чтоб троян, укротителей коней,

Здесь воевать? Предо мною ни в чем не виновны трояне...

.....

160 Ты же, бесстыдный, считаешь ничем то и всё презираешь

.....

Быстро воскликнул к нему повелитель мужей Агамемнон:

«Что же, беги, если бегства ты жаждешь! Тебя не прошу я

Ради меня оставаться; останутся здесь и другие;

175 Честь мне окажут они, а особенно Зевс промыслитель.

Ты ненавистнейший мне меж царями, питомцами Зевса!

Только тебе и приятны вражда, да раздоры, да битвы.

Храбростью ты знаменит; но она дарование бога.

В дом возвратясь, с кораблями беги и с дружиной своею;

180 Властвуй своими фессальцами! Я о тебе не забочусь;

Гнев твой вмещаю в ничто; а, напротив, грожу тебе так я:

.....

185 Сам увлеку я, награду твою, чтобы ясно ты понял,

Сколько я властью выше тебя, и чтоб каждый страшился

Равным себя мне считать и дерзко верстаться со мною!»

.....

Сыну Пелея рекла светлоокая дочь Эгиоха:

«Бурный твой гнев укротить я, когда ты бессмертным покорен,

С неба сошла; ниспослала меня златотронная Гера;

Вас обоих равномерно и любит она и спасает.

210 Кончи раздор, Пелейон, и, довольствуя гневное сердце,

Злыми словами язви, но рукою меча не касайся.

Я предрекаю, и оное скоро исполнено будет:

Скоро трикраты тебе знаменитыми столько ж дарами

Здесь за обиду заплатят: смирился и нам повинуйся».

- 215 К ней обращаясь вновь, говорил Ахиллес быстроногий:
«Должно, о Зевсова дочь, соблюдать повеления ваши.
Как мой ни пламенен гнев, но покорность полезнее будет:
Кто бессмертным покорен, тому и бессмертные внемлют».
Рек, и на сребренем черене стиснул могучую руку
- 220 И огромный свой меч в ножны опустил, покоряся
Слову Паллады; Зевсова дочь вознеслася к Олимпу,
В дом Эгиоха отца, небожителей к светлому сонму.
Но Пелид быстроногий суровыми снова словами
К сыну Атрея вещал и отнюдь не обуздывал гнева:
- 225 «Грузный вином, пса имеющий очи, а сердце елени!
Ты никогда ни в сраженье открытое стать перед войском,
Ни пойти на засаду с храбрейшими рати мужами
Сердцем твоим не дерзнул: для тебя то кажется смертью.
Лучше и легче стократ по широкому стану ахеян
- 230 Грабить дары у того, кто тебе прекословить посмеет.
Царь пожиратель народа! Зане над презренными царь ты, —
Или, Атрид, ты нанес бы обиду, последнюю в жизни!
Но тебе говорю, и великою клятвой клянуся.
Скипетром сим я клянуся, который ни листьев, ни ветвей
- 235 Вновь не испустит, однажды оставив свой корень на холмах,
Вновь не прозябнет, — на нем изощренная медь обнажила
Листья и кору, — и ныне который ахейские мужи
Носят в руках судии, уставов Зевесовых стражи, —
Скиптр сей тебе пред ахейцами будет великою клятвой:
- 240 Время придет, как данаев сыны пожелают Пелида
Все до последнего; ты ж, и крушася, бессилен им будешь

Помощь подать, как толпы их от Гектора мужеубийцы
Свергнутся в прах; и душой ты своей истерзаешься, бешен
Сам на себя, что ахейца храбрейшего так обесславил».

[2]

Илиада. Песнь II. 198-206

Если ж кого-либо шумного он находил меж народа,
Скиптром его поражал и обуздывал грозною речью:
200 «Смолкни, несчастный, воссядь и других совещания
слушай,
Боле почтенных, как ты! Невоинственный муж и
бессильный,
Значащим ты никогда не бывал ни в боях, ни в советах.
Всем не господствовать, всем здесь не царствовать нам,
аргивянам!
Нет в многовластии блага; да будет единый властитель,
205 Царь нам да будет единый, которому Зевс прозорливый
Скиптр даровал и законы: да царствует он над другими».

[3]

Илиада. Песнь XII. 310-321

310 «Сын Гипполохов! за что перед всеми нас отличают
Местом почетным, и брашном, и полной на пиршествах
чашей
В царстве ликийском и смотрят на нас, как на жителей неба?
И за что мы владеем при Ксанфе уделом великим,
Лучшей землей, виноград и пшеницу обильно плодящей?
315 Нам, предводителям, между передних героев ликийских
Должно стоять и в сраженье пылающем первым сражаться.
Пусть не единый про нас крепкобронный ликиянин скажет:

Нет, не бесславные нами и царством ликийским
пространным
Правят цари: они насыщаются пищею тучной,
320 Вина изящные, сладкие пьют, но зато их и сила
Дивная: в битвах они пред ликийцами первые бьются!

[4]

Одиссея. Песнь IX. 106-115

Прибыли вскоре в страну мы не знающих правды циклопов,
Гордых и злых. На бессмертных надеясь богов, ни растений
Не насаждают руками циклопы, ни пашни не пашут.
Без пахоты и без сева обильно у них все рождается -
110 Белый ячмень и пшеница. Дают виноградные лозы
Множество гроздий, и множат вино в них дожди Громовержца.
Ни совещаний, ни общих собраний у них не бывает.
Между горами они обитают, в глубоких пещерах
Горных высоких вершин. Над женой и детьми у них каждый
115 Суд свой творит полновластно, до прочих же нет ему дела.

[5]

Одиссея. Песнь XIX. 109-114

Ты - словно царь безупречный, который, блюдя благочестье,
110 Многими правит мужами могучими. Строго повсюду
Правда царит у него. Ячмень и пшеницу приносят
Черные пашни; плоды отягчают древесные ветви;
Множится скот на полях, и рыбу моря доставляют.
Все - от правленья его. И народы под ним процветают.

Геснод

[6]

Теогония. 79-96; 901-906.

- И Каллиопа — меж всеми другими она выдается:
- 80 Шествует следом она за царями, достойными чести.
 Если кого отличить пожелают Кронидовы дщери,
 Если увидят, что родом от Зевсом вскормленных царей он, -
 То орошают счастливцу язык многосладкой росой.
 Речи приятные с уст его льются тогда. И народы
- 85 Все на такого глядят, как в суде он выносит решенья,
 С строгой согласные правдой. Разумным, решительным словом
 Даже великую ссору тотчас прекратить он умеет.
 Ибо затем и разумны цари, чтобы всем пострадавшим,
 Если к суду обратятся они, без труда возмещение
- 90 Полное дать, убеждая обидчиков мягкой речью.
 Благоговейно его, словно бога, приветствуют люди.
 Как на собранье пойдет он: меж всеми он там выдается.
 Вот сей божественный дар, что приносится Музами людям.
 Ибо от Муз и метателя стрел, Аполлона-владыки,
- 95 Все на земле и певцы происходят и лирники-мужи.
 Все же цари от Крониды.
-
- Зевс же второю Фемиду блестящую взял себе в жены.
 И родила она Ор — Евномию, Дику, Ирену
 (Пышные нивы людей земнородных они охраняют),
 Также и Мойр, наиболее почтенных всемудрым Кронидом.
- 905 Трое всего их: Клофо и Лахесис с Атропос. Смертным
 Людям они посылают и доброе все и плохое.

[7]

Труды и дни. 3-8; 214-273

- Слава ль кого посетит, неизвестность ли, честь иль бесчестье -
 Все происходит по воле великого Зевса-владыки.
- 5 Силу бессильному дать и в ничтожество сильного ввергнуть,

Счастье отнять у счастливица, безвестного вдруг возвеличить,
Выпрямить сгорбленный стан или спину надменному сгорбить -
Очень легко громовержцу Кроницу, живущему в вышних.

.....
Гибельна гордость для малых людей. Да и тем, кто повыше,

215 С нею прожить нелегко; тяжело она ляжет на плечи,
Только лишь горе случится. Другая дорога надежней:
Праведен будь! Под конец посрамит гордеца непременно
Праведный. Поздно, уже пострадав, узнает это глупый.

Ибо тотчас за неправым решением Орк поспешает.

220 Правды же путь неизменен, куда бы ее ни старались
Неправосудьем своим своротить дароядные люди.
С плачем вослед им обходит она города и жилища,
Мраком туманным одевшись, и беды на тех посылает,
Кто ее гонит и суд над людьми сотворяет неправый.

215 Там же, где суд справедливый находят и житель туземный,
И чужестранец, где правды никто никогда не преступит,
Там государство цветет, и в нем процветают народы;
Мир, воспитанью способствуя юношей, царствует в крае;
Войн им свирепых не шлет никогда Громовержец-владыка.

230 И никогда правосудных людей ни несчастье, ни голод
Не посещают. В пирах потребляют они, что добудут:
Пищу обильную почва приносит им; горные дубы
Желуди с веток дают и пчелиные соты из дупел.

Еле их овцы бредут, отягченные шерстью густою,
235 Жены детей им рожают, наружностью схожих с отцами.
Всеякие блага у них в изобилие. И в море пускаются
Нужды им нет: получают плоды они с нив хлебодарных.

Кто же в надменности злой и в делах нечестивых коснеет,

Тем воздает по заслугам владыка Кронид дальнзоркий.

240 Целому городу часто в ответе бывать приходилось

За человека, который грешит и творит беззаконье.

Беды великие сводит им с неба владыка Кронион:

Голод совместно с чумой. Исчезают со света народы.

Женщины больше детей не рожают, и гибнут дома их

245 Предначертаньем владыки богов, олимпийского Зевса.

Или же губит у них он обильное войско, иль рушит

Стены у города, либо им в море суда потопляет.

Сами, цари, поразмыслите вы о возмездии этом.

Близко, повсюду меж нас, пребывают бессмертные боги

250 И наблюдают за теми людьми, кто своим кривосудьем,

Кару презревши богов, разоренье друг другу приносит.

Посланы Зевсом на землю-кормилицу три мириады

Стражей бессмертных. Людей земнородных они охраняют,

Правых и злых человеческих дел соглядатаи, бродят

255 По миру всюду они, облеченные мглою туманной.

Есть еще дева великая Дике, рожденная Зевсом,

Славная, чтимая всеми богами, жильцами Олимпа.

Если неправым деяньем ее оскорбят и обидят,

Подле родителя-Зевса немедля садится богиня

260 И о неправде людской сообщает ему. И страдает

Целый народ за нечестье царей, злоумышленно правду

Неправосудьем своим от прямого пути отклонивших.

И берегитесь, цари-дароядцы, чтоб так не случилось!

Правду блюдите в решеньях и думать забудьте о кривде.

265 Зло на себя замышляет, кто зло на другого замыслил.

Злее всего от дурного совета советчик страдает.

Зевсово око все видит и всякую вещь примечает;

Хочет владыка, глядит, — и от взоров не скроется зорких,

Как правосудье блюдется внутри государства любого.

270 Нынче ж и сам справедливым я быть меж людей не желал бы,

Да заказал бы и сыну; ну, как же тут быть справедливым,

Если чем кто неправее, тем легче управу находит?
Верю, однако, что Зевс не всегда же терпеть это будет.

Тиртей

[8]

Фр. 2 (Эвномия)

Так нам из пышного храма изрек Аполлон-дальновержец,
Златоволосый наш бог, с луком серебряным царь:
«Пусть верховодят в совете цари богочтимые, коим
Спарты всерадостный град на попечение дан,
Вкупе же с ними и старцы людские, а люди народа,
Договор праведный чтя, пусть в одномыслии с ним
Только благое вещают и правое делают дело,
Умыслов злых не тая против отчизны своей, —
И не покинет народа тогда ни победа, ни сила!»
Так свою волю явил городу нашему Феб.

[9]

Фр. 7. 15-44

Гордостью будет служить и для города и для народа
Тот, кто, шагнув широко, в первый продвинется ряд;
И, преисполнен упорства, забудет о бегстве позорном,
Жизни своей не щадя и многомошной души;
Кто ободрить может речью стоящего рядом гоплита, —
Доблестным будет бойцом воин подобный в бою.
Миг, и он вспять обратит густые ряды супостатов
И, не смущаясь душой, выдержит битвы волну.
Тот же, кто в первых рядах, распростившись с жизнью желанной,
Сгибнет, прославив отца, город и граждан своих,
Грудью удары приняв, что пронзили и щит закругленный,
И крепкий панцирь ему, — стоном застонут о нем

Все без разбора, и дряхлый старик, и юноша крепкий,
И сокрушенный тоской город родной заскорбит.
Будет в чести и могила героя, отведают чести
Дети, и дети детей, и все потомство его,
И не погибнет вовек ни громкая слава, ни имя, —
Будет бессмертным всегда, даже под землю сойдя,
Тот, кто был доблести полн, кто в схватке за землю родную
И малолетних детей злым был Ареем сражен.
Если ж боец, избежав усыпляющей смерти, победой
В ратном стяжает бою громкую славу себе,
Чтят его все, и дряхлый старик, и юноша крепкий,
И, сладость жизни вкусив, тихо он сходит в Аид.
Он и стареясь меж граждан всегда пребывает в почете,
Чести и прав у него не отнимает никто, —
Нет, перед ним каждый отрок, и сверстник, и ветхий годами
Встанут, и место свое все предоставят ему.
Пусть же отныне всем сердцем стремится до доблести высшей
Каждый дойти, позабыв про нерадивость в бою!

[10]

Фокилид, фр. 4

Так говорит Фокилид: малый град, на утесе стоящий,
Правопорядок блюдя, превосходит град Нина безумный.

Феогнид

[11]

Ст. 27-52

С умыслом добрым тебя обучу я тому, что и сам я,
Кирн, от хороших людей малым ребенком узнал.
Будь благомыслен, достоинств, почета себе и богатства
Не добивайся кривым или позорным путем.

Вот что заметь хорошенько себе: не завязывай дружбы
С злыми людьми, но всегда ближе к хорошим держись.
С этими пищу дели и питье, и сиди только с ними,
И одобренья ищи тех, кто душою велик.
От благородных и сам благородные вещи узнаешь,
С злыми погубишь и тот разум, что есть у тебя.
Помни же это и с добрыми знайся, — когда-нибудь сам ты
Скажешь: «Советы друзьям были не плохи его!»
Город беременен наш, но боюсь я, чтоб им порожденный
Муж дерзновенный не стал грозных восстаний вождем,
Благоразумны пока еще граждане эти, но очень
Близки к тому их вожди, чтобы в разнузданность впасть.
Люди хорошие, Кирн, никогда государств не губили.
То негодяи, простор наглости давши своей,
Дух развращают народа и судьями самых бесчестных
Делают, лишь бы самим пользу и власть получить.
Пусть еще в полной пока тишине наш покоится город, —
Верь мне, недолго она в городе может царить,
Где нехорошие люди к тому начинают стремиться,
Чтоб из народных страстей пользу себе извлекать.
Ибо отсюда — восстанья, гражданские войны, убийства,
Также монархи, — от них обереги нас, судьба!

.....

[12]

Ст. 667-682

Если бы я, Симонид, богатство сберег, то, конечно,
Так бы не мучился я в обществе добрых людей.
Гибнет богатство мое у меня на глазах, и молчу я,
Бедностью скован, хотя вовсе не хуже других
Знаю, ради чего понеслись мы в открытое море,
В черную канули ночь, крылья ветрил опустив.

Волны с обеих сторон захлестывают, но отчерпать
Воду они не хотят. Право, спастись нелегко!
Этого им еще мало. Они отстранили от дела
Доброго кормчего, тот править умел кораблем;
Силой деньги берут, загублен всякий порядок,
Больше теперь ни в чем равного нет дележа,
Грузчики стали у власти, негодные выше достойных.
Очень боюсь, что корабль ринут в пучину валы.
Вот какую загадку я гражданам задал достойным,
Может и низкий понять, если достанет ума.

Солон

[13]

Фр. 3 (Благозаконие)

Наша страна не погибнет вовеки по воле Зевеса
И по решению других присноблаженных богов.
Ибо хранитель такой, как благая Афина-Паллада,
Гордая грозным отцом, длани простерла над ней.
Но, уступая корысти, объятые силой безумья,
Граждане сами не прочь город великий сгубить.
Кривдой полны и владыки народа, и им уготован
Жребий — снести много бед за своеволие свое.
Им непривычно спесивость обуздывать и, отдаваясь
10 Мирной усладе пиров, их в тишине проводить, —
Нет, под покровом деяний постыдных они богатеют
И, не щадя ничего, будь это храмов казна
Или народа добро, предаются, как тати, хищенью, —
Правды священной закон в пренебрежение у них!
Но, и молчанье храня, знает Правда, что есть и что было:
Пусть, хоть и поздно, за грех все-таки взыщет она!
Будет тот час для народа всего неизбежною раной,

К горькому рабству в полон быстро народ попадет!
Рабство ж пробудит от дремы и брань, и раздор межуособный:
20 Юности радостный цвет будет войной унесен.
Ведомо иго врагов: град любезный оно сокрушает
Через крамолу, — она неправдолюбцам любя!
Беды такие народу грозят, а среди неимущих
В землю чужую тогда мало ль несчастных поидет,
Проданных в злую неволю, в позорные ввергнутых узы,
Дабы познали они рабства тяжелого гнет?
Так к дому каждого быстро идет всенародное горе,
Двери не в силах уже бега его задержать,
Через высокую стену оно перейдет и настигнет
30 Всюду, хотя б от него спрятался ты в тайнике.
Сердце велит мне афинян наставить в одном убежденье —
Что беззаконье грозит городу тучею бед,
Благозаконье же всюду являет порядок и стройность.
В силах оно наложить цепь на неправых людей,
Сгладить неровности, наглость унижить, ослабить кичливость,
Злого обмана цветы высушить вплоть до корней,
Выправить дел кривизну, и чрезмерную гордость умерить,
И разномыслия делам вместе с гневливой враждой
Быстрый конец положить навсегда, и тогда начинает
40 Всюду, где люди живут, разум с порядком царить.

[14]

Фр. 19 (12 G-P, 9W)

Хмурая туча дождем проливается или же градом;
Пламенной молнии блеск в громе находит ответ.
А от великих людей гибнет город, и к единодержцу
В плен попадает народ, если в нем разума нет.
Кто вознесется превыше других, нелегко того будет

После сдержать, — обо всем надо размыслить сейчас!

[15]

Критий (*Секст Эмпирик. Против ученых. 9. 54*)

Еще Критий, один из [тридцати] афинских тиранов, по-видимому, принадлежал к числу безбожников, поскольку он говорил, что древние законодатели сочинили бога в качестве некоего надсмотрщика за хорошими поступками и за прегрешениями людей, чтобы никто тайно не обижал ближнего, остерегаясь наказания от богов. Сказанное им гласит так:

Когда была людей жизнь неустроена,
Звероподобна, управлялась силою,
Когда ни добрый за свои дела наград
Не получал, ни злой не знал возмездия, —
Тогда прибегли, думаю, к карательным
Законам люди, чтобы правосудие,
Царя равно над всеми, и насилие
Взнуздадо б и преступника казнило бы.
Затем, когда законы воспретили им
Насильничать открыто, и они тогда
Тайком свой свершали злодеяния, —
То некий муж разумный, мудрый, думаю
Для обуздания смертных изобрел богов,
Чтобы злые, их страшась, тайком не смели бы
Зла ни творить, ни молвить, ни помыслить бы.
Для этой цели божество придумал он, —
Есть будто бог, живущий жизнью вечною,
Все слышащий, все видящий, все мыслящий,
Заботливый, с божественной природою.
Услышит он все сказанное смертными,
Увидит он все сделанное смертными.

А если ты в безмолвии замыслишь зло,
То от богов не скрыть тебе: ведь мысли им
Все ведомы. Такие речи вел он им,
Внушая им полезное учение
И истину облекши в слово лживое.
Он говорил, что боги обитают там —
Чем поразил он всех людей особенно, —
Откуда, знал он, страхи смертным кажутся
И радости нисходят в жизнь несчастную, —
Из высшей сферы, где познал он молнии
И страшные раскаты грома грозного,
И звездами усеянный небесный круг,
Созданье Крона, мудрого строителя,
Откуда блеск исходит раскаленных звезд
И влажным током дождь струится на землю.
Такие страхи пред людьми он выставил
И через них на место надлежащее
Поставил божество он речью мудрою,
Законом угасивши беззаконие.

[16]

Продик (Ксенофонт. Воспоминания о Сократе. II. 1. 21-34)

Ученый Продик в своем сочинении о Геракле, которое он читает перед многочисленной публикой, высказывает такое же мнение о добродетели; он выражается так, насколько я припомню.

Геракл, говорит он, в пору перехода из детского возраста в юношеский, когда молодые люди уже становятся самостоятельными и видно бывает, по какому пути пойдут они к жизни — по пути ли добродетели или порока, — Геракл ушел в пустынное место и сидел в раздумье, по которому пути ему идти. Ему представилось, что к нему подходят две женщины высокого роста — одна миловидная, с чертами врожденного благородства; украшением ей была чистота тела, стыдливость в очах, скромность наружности, белая одежда;

другая была упитанная, тучная и мягкотелая; благодаря косметике лицо ее казалось на вид белее и румянее, чем оно было в действительности; фигура казалась прямее, чем была от природы; глаза широко раскрыты; одежда такая, что сквозь нее может просвечивать красота молодости; она часто оглядывала себя, наблюдала также, не смотрит ли кто другой на нее, часто обертывалась даже на свою собственную тень. Когда они были уже близко от Геракла, то первая продолжала идти прежним шагом, а вторая, желая опередить ее, подбежала к Гераклу и сказала:

Я вижу, Геракл, ты в раздумье, по какому пути тебе идти к жизни. Так если ты сделаешь своим другом меня, то я поведу тебя по пути самому приятному и легкому; радости жизни ты вкусишь все, а тягостей не испытаешь во весь век свой. Во-первых, ты не будешь заботиться ни о войнах, ни о делах, а всю жизнь будешь думать только о том, какое бы кушанье или напиток тебе найти по вкусу, чем бы усладить взор или слух, чем порадовать обоняние или осязание, с какими мальчиками побольше испытать удовольствия, как помягче спать, как поменьше трудиться, чтобы все это получить. А если когда явится опасение, что не хватит средств на это, не бойся, я не поведу тебя добывать эти средства путем труда и страданий, телесных и душевных: нет, что другие зарабатывают, этим будешь пользоваться ты, не останавливаясь ни перед чем, откуда можно чем-нибудь поживиться: своим друзьям я предоставляю свободу извлекать пользу из всего.

Выслушав это, Геракл спросил: А как тебе имя, женщина?

Друзья мои, отвечала она, зовут меня Счастьем, а ненавистники называют Порочностью.

В это время подошла другая женщина и сказала: И я пришла к тебе, Геракл: я знаю твоих родителей и твои природные свойства изучила во время воспитания твоего. Поэтому я надеюсь, что если бы ты пошел путем, ведущим ко мне, то из тебя вышел бы превосходный работник на поприще благородных, высоких подвигов, и я стала бы пользоваться еще большим почетом и славой за добрые деяния. Не буду обманывать тебя прелюдиями об удовольствиях, а расскажу по правде, как боги устроим ли все в мире. Из того, что есть на свете полезного и славного, боги ничего не дают людям без труда и заботы: хочешь, чтобы боги были к тебе милостивы, надо чтить богов; хочешь быть любимым друзьями, надо делать добро друзьям; желаешь пользоваться почетом в каком-нибудь городе, надо приносить пользу городу; хочешь возбуждать восторг всей Эллады своими достоинствами, надо стараться делать добро Элладе; хочешь, чтобы земля приносила тебе плоды в изобилии, надо ухаживать за землей; думаешь богатеть от скотоводства, надо заботиться о скоте; стремишься прославиться через войну и хочешь иметь возможность освобождать друзей и покорять врагов, надо учиться у специалистов теории военного искусства и упражняться в применении ее на практике; хочешь обладать и телесной силой, надо приучать тело повиноваться рассудку и развивать его упражнением с трудами и потом.

Тут Порочность, перебив ее, как говорит Продик, сказала: Понимаешь ты, Геракл, о каком трудном и длинном пути к радостям жизни рассказывает тебе эта женщина? А я поведу тебя легким и коротким путем к счастью. Тогда Добродетель сказала: Жалкая тварь! А у тебя что есть хорошего? Какое удовольствие знаешь ты, когда ты не хочешь ничего делать для этого? Ты даже не ждешь, чтобы появилось стремление к удовольствию, а еще до появления его ты уже насыщаешься всем: ешь, не успев проголодаться, пьешь, не успев почувствовать жажду; чтобы еда казалась вкусной, придумываешь разные поварские штуки; чтобы питье казалось вкусным, делаешь себе дорогие вина и летом бегаешь во все концы и разыскиваешь снега; чтобы сон был сладким, делаешь не только постели мягкие, но и подставки под кровати, потому что тебе хочется спать не от труда, а от нечего делать. Любовную страсть ты возбуждаешь насильственно, раньше появления потребности к ней, придумывая для этого всякие средства и употребляя мужчин, как женщин; так ты воспитываешь своих друзей: ночью их бесчестишь, а днем в самые лучшие для работы часы укладываешь их спать. Хотя ты и бессмертна, по из сонма богов ты выброшена, а у людей, у хороших, ты в презрении. Самых приятных звуков — похвалы себе — ты не слышишь; самого приятного зрелища не видишь, потому что никогда не видела ли одного своего славного деяния. А кто поверит каким-нибудь словам твоим? Кто поможет тебе в какой-нибудь нужде? Кто в здравом уме решится быть в свите твоих почитателей? В молодые годы они немощны телом, в пожилые слабоумны душой; всю молодость они живут без труда, на чужой счет упитанные, а чрез старость проходят тяжело, изможденные, стыдятся своих прежних дел, тяготясь настоящими, чрез радости жизни промчавшись в молодости, а тягости отложив на старость. А я живу с богами, живу с людьми, с хорошими; ни одно благое дело, ни божеское, ни человеческое не делается без меня; я больше всех пользуюсь почетом и у богов и у людей, у кого следует, потому что я — любимая сотрудница художников, верный страж дома хозяевам, благожелательная помощница слугам, хорошая пособница в трудах мира, падежная союзница в делах войны, самый лучший товарищ в дружбе. Друзьям моим приятно и без хлопот бывает вкушение пищи и питья, потому что они ждут, чтобы у них появилась потребность в этом. Сон у них слаще, чем у праздных; им не бывает тяжело оставлять его, и из-за него они не пренебрегают своими обязанностями. Молодые радуются похвалам старших, престарелые гордятся уважением молодых; они любят вспоминать свои старинные дела, рады хорошо использовать настоящие, потому что благодаря мне любезны богам, дороги друзьям, чтимы отечеством. А когда придет назначенный роком конец, не забытые и бесславные лежат они, а воспоминаемые вечно цветут в песнях. Если ты совершишь такие труды, чадо добрых родителей, Геракл, то можно тебе иметь это блаженное счастье! Таков приблизительно был рассказ Продика о воспитании Геракла Добродетелью.

Протагор (Платон. Протагор. 320c-328d)

Было некогда время, когда боги-то были, а смертных родов еще не было. Когда же и для них пришло предназначенное время рождения, стали боги ваять их в глубине Земли из смеси земли и огня, добавив еще и того, что соединяется с огнем и землею. Когда же вознамерились боги вывести их на свет, то приказали Прометею и Эпиметею украсить их и распределить способности, подобающие каждому роду. Эпиметей выпросил у Прометея позволение самому заняться этим распределением. «А когда распределю,— сказал он,— тогда ты посмотришь». Уговорив его, он стал распределять: при этом одним он дал силу без быстроты, других же, более слабых, наделил быстротою; одних он вооружил, другим же, сделав их безоружными, измыслил какое-нибудь иное средство во спасение: кого из них он облек малым ростом, тем уделил птичий полет или возможность жить под землею, а кого сотворил рослыми, тех тем самым и спас; и так, распределяя все остальное, он всех уравнивал. Все это он измыслил из осторожности, чтобы не исчез ни один род. После же того как он дал им различные средства избегнуть взаимного истребления, придумал он им и защиту против Зевсовых времен года: он одел их густыми волосами и толстыми шкурами, способными защитити и от зимней стужи, и от зноя и служить каждому, когда он уползет в свое логово, собственной самородной подстилкой; он обул одних копытами, других же — когтями и толстой кожей, в которой нет крови. Потом для разных родов изобрел он разную пищу: для одних — злаки, для других — древесные плоды, для третьих — корни, некоторым же позволил питаться, пожирая других животных. При этом он сделал так, что они размножаются меньше, те же, которых они уничтожают, очень плодовиты, что и спасает их род.

Но был Эпиметей не очень-то мудр, и не заметил он, что полностью израсходовал все способности, а род человеческий еще ничем не украсил, и стал он недоумевать, что теперь делать. Пока он так недоумевал, приходит Прометей, чтобы проверить распределение, и видит, что все прочие животные заботливо всем снабжены, человек же наг и не обут, без ложа и без оружия, а уже наступил предназначенный день, когда следовало и человеку выйти на свет из Земли; и вот в сомнении, какое бы найти средство помочь человеку, крадет Прометей премудрое искусство Гефеста и Афины вместе с огнем, потому что без огня никто не мог бы им владеть или пользоваться. В том и состоит дар Прометея человеку. Так люди овладели умением поддерживать свое существование, но им еще не хватало умения жить обществом — этим владел Зевс,— а войти в обитель Зевса, в его верхний град, Прометею было нельзя, да и страшна была стража Зевса. Прометею удалось проникнуть украдкой только в общую мастерскую Гефеста и Афины, где они предавались своим искусным занятиям. Украв у Гефеста умение обращаться с огнем, а у Афины — ее умение, Прометей дал их человеку для его благополучия, самого же Прометея после постигло из-за Эпиметея возмездие за кражу, как говорят сказания.

С тех пор как человек стал причастен божественному уделу, только он один из всех живых существ благодаря своему родству с богом начал признавать богов

и принялся воздвигать им алтари и кумиры; затем вскоре стал членораздельно говорить и искусно давать всему названия, а также изобрел жилища, одежду, обувь, постели и добыл пропитание из почвы. Устроившись таким образом, люди сначала жили разбросанно, городов еще не было, они погибали от зверей, так как были во всем их слабее, и одного мастерства обработки, хоть оно и хорошо помогало им в добывании пищи, было мало для борьбы со зверями: ведь люди еще не обладали искусством жить обществом, часть которого составляет военное дело. И вот они стали стремиться жить вместе и строить города для своей безопасности. Но чуть они собирались вместе, как сейчас же начинали обижать друг друга, потому что не было у них умения жить сообща; и снова приходилось им расселяться и гибнуть. Тогда Зевс, испугавшись, как бы не погиб весь наш род, посылает Гермеса ввести среди людей стыд и правду, чтобы они служили украшением городов и дружественной связью.

Вот и спрашивает Гермес Зевса, каким же образом дать людям правду и стыд. «Так ли их распределить, как распределены искусства? А распределены они вот как: одного, владеющего искусством врачевания, хватает на многих не сведущих в нем; то же и со всеми прочими мастерами. Значит, правду и стыд мне таким же образом установить среди людей или же уделить их всем? »

«Всем,— сказал Зевс,— пусть все будут к ним причастны; не бывать государствам, если только немногие будут этим владеть, как владеют обычно искусствами. И закон положи от меня, чтобы всякого, кто не может быть причастным стыду и правде, убивать как язву общества».

Так-то, Сократ, и вышло по этой причине, что афиняне, как и все остальные люди, когда речь заходит о плотничьем умении или о каком-нибудь другом мастерстве, думают, что лишь немногим пристало участвовать в совете, и, если кто не принадлежит к этим немногим и подаст совет, его не слушают, как ты сам говоришь — и правильно делают, замечу я; когда же они приступают к совещанию по части гражданской добродетели, где все дело в справедливости и рассудительности, тут они слушают, как и следует, совета всякого человека, так как всякому подобает быть причастным к этой добродетели, а иначе не бывать государствам. Вот в чем, Сократ, здесь причина.

А чтобы ты не думал, будто я тебя обманываю, вот тебе еще доказательство того, что все люди в сущности считают всякого человека причастным к справедливости и прочим гражданским доблестям. Ведь насчет качеств дело обстоит так, как ты говоришь: если кто скажет про себя, что он хороший флейтист, или припишет себе другое какое-нибудь мастерство, какого у него нет, то его либо поднимают на смех, либо сердятся, и даже домашние приходят и увещевают его как помешанного. Когда же дело касается справедливости и прочих гражданских добродетелей, тут даже если человек, известный своей несправедливостью, вдруг станет сам о себе говорить всенародно правду, то такую правдивость, которую в другом случае признавали рассудительностью, все сочтут безумием: ведь считается, что каждый, каков бы он ни был на самом деле, должен провозглашать себя справедливым, а кто не прикидывается справедливым, тот не в своем уме. Поэтому необходимо с

всякому так или иначе быть причастным справедливости, в противном случае ему не место среди людей.

Вот я и говорю: раз считается, что всякий человек причастен к этой добродетели, значит, можно всякого признавать советчиком, когда о ней идет речь. А еще я попытаюсь тебе доказать, что добродетель эта не считается врожденной и возникающей самопроизвольно, но что ей научаются, и если кто достиг ее, так только прилежанием.

Никто ведь не сердится, не увещевает, не поучает и не наказывает тех, кто имеет недостатки, считающиеся врожденными или возникшими по воле случая, с тем чтобы они от них избавились, напротив, этих людей жалеют. Кто, например, будет настолько неразумен, что решится так поступить с некрасивыми, малорослыми или бессильными? Ведь все знают, я полагаю, что подобные вещи — красота и то, что ей противоположно, — достаются людям от природы и по случаю; но если у кого нет тех добрых свойств, которые, как считают, приобретаются старанием, упражнением и обучением, зато есть противоположные им недостатки, это влечет за собою гнев, наказания и увещания. К таким недостаткам относятся несправедливость, нечестие и вообще все противоположное гражданской доблести: здесь-то уже, понятно, всякий сердится на другого и вразумляет его, потому что эту добродетель можно приобрести старанием и обучением.

Если ты пожелаешь, Сократ, вдуматься, в чем смысл наказания преступников, то увидишь, что люди считают добродетель делом наживным. Никто ведь не наказывает преступников, имея в виду лишь уже совершённое беззаконие: такое бессмысленное мучительство было бы зверством. Кто старается наказывать со смыслом, тот казнит не за прошлое беззаконие — ведь не превратит же он совершённое в несовершившееся, — но во имя будущего, чтобы снова не совершил преступления ни этот человек, ни другой, глядя на это наказание. Кто держится подобного образа мыслей, тот признает, что добродетель можно воспитать: ведь он карает ради предотвращения зла. Такого мнения держатся все, кто наказывает, и в частном быту, и в общественном. Афиняне же, твои сограждане, наказывают и карают тех, кого признают преступниками, ничуть не меньше, чем все прочие люди, так что, согласно нашему рассуждению, и афиняне принадлежат к числу тех, кто признает, что добродетель — дело наживное и ее можно воспитать.

Итак, Сократ, мне кажется, я достаточно ясно показал тебе, что твои сограждане не без основания выслушивают советы по общественным вопросам и от медника, и от сапожника и считают добродетель тем, что можно подготовить и привить воспитанием.

Еще остается у тебя одно недоумение: ты не возьмешь в толк, как это хорошие люди научают своих сыновей всему, что зависит от учителей, и в этом делают их мудрыми, но не могут добиться, чтобы их сыновья хоть кого-нибудь превзошли в добродетели, которой они отличаются сами. По этому поводу, Сократ, я уже не миф тебе расскажу, а приведу разумное основание. Подумай вот о чем: существует ли нечто единое, в чем необходимо участвовать всем гражданам, если только быть государству? Именно этим, а не чем иным

разрешается твое недоумение. Если только существует это единое и если это не плотницкое, не кузнечное и не гончарное ремесло, но справедливость, рассудительность и благочестие — одним словом, то, что я называю человеческой добродетелью, и если это есть то, чему все должны быть причастны, и всякий человек, что бы он ни желал изучить или сделать, должен все делать лишь в соответствии с этим единым, а не вопреки ему, и того, кто к нему непричастен, надо учить и наказывать — будь то ребенок, мужчина или женщина,— пока тот, кого наказывают, не исправится, и если, наконец, он, несмотря на наказания и поучения, не слушается и его надо как неизлечимого изгонять из городов или убивать,— если так обстоит дело по самой природе, а между тем хорошие люди учат своих сыновей всему, только не этому, суди сам, как чудно все получается у хороших людей! Мы доказали, что они считают возможным обучать этой добродетели и в домашнем быту, и в общественном. Но если возможно учить добродетели и развивать ее, неужели эти люди начнут учить своих сыновей лишь тем вещам, неведение которых не карается смертной казнью, между тем как их детям, если они не научены добродетели и не воспитаны в ней, угрожает смерть, изгнание и, кроме того, потеря имущества — словом, полное разорение дома? Неужто же они не станут учить их этому со всей возможной заботливостью? Надо полагать, что станут, Сократ.

Пока родители живы, они с малолетства учат и вразумляют своих детей и делают это до самой своей смерти. Чуть только ребенок начинает понимать слова, и кормилица, и мать, и наставник, и отец бьются над тем, чтобы он стал как можно лучше, уча его и показывая ему при всяком деле и слове, что справедливо, а что несправедливо, что прекрасно, а что гадко, что благочестиво, а что нечестиво, что можно делать, а чего нельзя. И хорошо, если ребенок добровольно слушается; если же нет, то его, словно кривое, согнувшееся деревцо, выпрямляют угрозами и побоями.

А потом, когда посылают детей к учителям, велят учителю гораздо больше заботиться о благонравии детей, чем о грамоте и игре на кифаре. Учители об этом и заботятся; когда дети усвоили буквы и могут понимать написанное, как до той поры понимали с голоса, они ставят перед ними творения хороших поэтов, чтобы те их читали, и заставляют детей заучивать их — а там много наставлений и поучительных рассказов, содержащих похвалы и прославления древних доблестных мужей,— и ребенок, соревнуясь, подражает этим мужам и стремится на них походить.

И кифаристы, со своей стороны, заботятся об их рассудительности и о том, чтобы молодежь не бесчинствовала; к тому же, когда те научатся играть на кифаре, они учат их творениям хороших поэтов-песнотворцев, согласуя слова с ладом кифары, и заставляют души мальчиков свыкаться с гармонией и ритмом, чтобы они стали более чуткими, соразмерными, гармоничными, чтобы были пригодны для речей и для деятельности: ведь вся жизнь человеческая нуждается в ритме и гармонии.

Кроме того, посылают мальчиков к учителю гимнастики, чтобы крепость тела содействовала правильному мышлению и не приходилось бы из-за телесных недостатков робеть на войне и в прочих делах.

Так поступают особенно те, у кого больше возможностей, а больше возможностей у тех, кто богаче. Их сыновья, начав ходить к учителям с самого раннего возраста, позже всех перестают учиться. После того как они перестают ходить к учителям, государство в свою

очередь заставляет их изучать законы и жить сообразно с предписаниями этих законов, чтобы не действовать произвольно и наудачу. Подобно тому как учителя грамоты сперва намечают грифелем буквы и лишь тогда дают писчую дощечку детям, еще не искусным в письме, заставляя их обводить эти буквы, точно так же и государство, начертав законы — изобретение славных древних законодателей, — сообразно им заставляет и повелевать, и повиноваться. А преступающего законы государство наказывает, и название этому наказанию и у вас, и во многих других местах — исправление, потому что возмездие исправляет. И при таком-то и частном, и общественном попечении о добродетели ты все же удивляешься, Сократ, и недоумеваешь, можно ли ей обучить! Не этому надо удивляться, а скорее уж тому, если бы оказалось, что ей нельзя обучить.

Почему же многие сыновья доблестных отцов все-таки выходят плохими? Узнай в свою очередь и это. Ничего здесь нет удивительного, коли я верно сейчас говорил, что в этом деле — в добродетели — не должно быть невежд или же иначе не быть государству; если в самом деле так оно и есть, как я говорю, — а оно уж, наверное, обстоит не иначе, — то поразмысли об этом, взяв для примера другое какое угодно занятие или науку. Допустим, государство не могло бы существовать, если бы все мы — каждый, насколько может, — не были бы флейтистами; и допустим, что любого, кто нехорошо играет, всякий стал бы учить и бранить от своего лица и от лица народа; и положим, что в этом деле никто не стал бы завидовать другим (подобно тому как теперь никто не завидует справедливости других, их послушанию законам) и не делал бы секрета из своего мастерства, как поступают обычно теперь различные мастера (ведь нам, я думаю, полезна взаимная справедливость и добродетель, вот почему всякий усердно толкует другому о справедливом и законном и дает наставления), — так вот, если бы и в игре на флейте у нас была полная готовность усердно и без зависти учить друг друга, думаешь ли ты, Сократ, что и тогда сыновья хороших флейтистов становились бы хорошими флейтистами скорее, чем сыновья плохих? Думаю, что нет: кто от природы оказался бы очень способен к игре на флейте, тот бы с летами и прославился, чей бы он ни был сын, а кто не способен — остался бы в безвестности: часто от хорошего флейтиста происходил бы плохой, а от плохого — хороший, однако все они были бы сносными флейтистами по сравнению с неучами, с теми, кто ничего не смыслит в игре на флейте. Примени это и здесь: если какой-нибудь человек представляется тебе самым несправедливым среди тех, кто воспитан меж людьми в повиновении законам, он все-таки справедлив и даже мастер в вопросах законности, если судить о

нем по сравнению с людьми, у которых нет ни воспитания, ни судилищ, ни законов, ни особой необходимости во всяком деле заботиться о добродетели — например с какими-нибудь дикарями вроде тех, что в прошлом году поэт Ферекрат вывел на Ленеях. Наверно, очутившись среди таких людей, и ты, подобно человеконенавистникам в его хоре, рад был бы встретить хоть Еврибата или Фрионда и рыдал бы, тоскуя по испорченности здешних жителей. Ты избалован, Сократ, потому что здесь все учат добродетели кто во что горазд, и ты никем не доволен: точно так же если бы ты стал искать учителя эллинского языка, то, верно, не нашлось бы ни одного; я думаю, что если бы ты стал искать, кто бы у нас мог обучить сыновей ремесленников тому самому ремеслу, которое они переняли от своего отца в той мере, в какой владели им отец и его товарищи по ремеслу, — словом, искать того, кто мог бы их еще поучить, — я думаю, нелегко было бы отыскать им учителя; зато, будь они вовсе не сведущи, это было бы очень легко. То же самое, когда дело касается добродетели и всего прочего. Но если кто хоть немного лучше нас умеет вести людей вперед по пути добродетели, нужно и тем быть довольным. Думаю, что и я из таких и что более прочих людей могу быть полезен другим и помочь им стать достойными людьми; этим я заслуживаю взимаемой мною платы и даже еще большей по усмотрению моих учеников. Поэтому оплату я взимаю вот каким образом: кто у меня обучается, тот, если хочет, платит, сколько я назначу; если же он не согласен, пусть пойдет в храм, заверит там клятвенно, сколько, по его мнению, стоят мои уроки, и столько мне и внесет. Итак, Сократ, сказал он, я изложил тебе и миф, и доказательство того, что можно научить добродетели; таково же мнение и афинян, и нет ничего удивительного, если у хороших отцов бывают негодные сыновья, а у негодных — хорошие: вот, например, сыновья Поликрета, сверстники Парала и нашего Ксантиппа, ничего не стоят по сравнению со своим отцом; то же самое и сыновья некоторых других мастеров. Но не надо их в этом винить — они еще не безнадёжны, ведь они молоды.

[18]

Антифонт. Истина (Оксиринский папирус XI. 1364)

Фрагмент А. Справедливость (заключается в том, чтобы) не нарушать законы государства, в котором состоишь гражданином. Так, человек будет извлекать для себя наиболее пользы из применения справедливости, если он в присутствии свидетелей станет соблюдать законы, высоко их чтя, оставаясь же наедине без свидетелей, (будет следовать) законам природы. Ибо предписания законов произвольны (искусственны, (веления же) природы необходимы. И (сверх того) предписания законов суть результат соглашения, а не возникшие сами собой (порождения природы), веления же природы суть самовозникшие, а не продукт соглашения (людей между собой). Итак, тот, кто нарушает законы, если это остается тайным от (остальных) участников соглашения, свободен от позора и наказания; если же (его противозаконный поступок) открывается, то его постигает позор и кара. Но если кто-нибудь попытается насильственно нарушить что-нибудь из коренящихся в самой природе

(требований), идя против (естественной возможности), то если это и остается скрытым от всех людей, бедствие будет ничуть не меньшим и нисколько не больше, если это все увидят. Ибо (в этом случае) вред причиняется не вследствие мнения (людей) но поистине. Вообще же рассмотрение этих (вопросов) приводит к выводу, что многие (предписания, признаваемые) справедливыми по закону, враждебны природе. И в самом деле, установлены законы относительно глаз, что им следует видеть и чего не следует; и для ушей, что им следует слышать и чего не следует; и для языка, что следует ему говорить и чего не следует; и для мысли, на что ей следует устремляться и на что не следует. Итак, природе нисколько не более родственно и нисколько не более сообразно как то, от чего законы отвращают людей, так и то, к чему они их побуждают. С другой стороны, жизнь и смерть (одинаково) есть (дело) природы, и, однако, жизнь принадлежит (к числу) того, что полезно для людей, смерть же к тому, что не полезно.

Что же касается полезных (вещей), то те из них, которые установлены законами, суть оковы природы, те же, которые определены природой, приносят свободу. Таким образом неверно, по крайней мере с точки зрения правильного взгляда на вещи, (будто вещи), причиняющие страдание, оказывают природе больше пользы, чем доставляющие радость. Равным образом было бы неверно (считать), что то, что причиняет огорчение, более полезно, нежели то, что доставляет удовольствие. Ибо то, что поистине полезно, не должно вредить, но помогать.....(По закону справедливы и те), кто защищается (против причиняемой им несправедливости) и сами не начинают действовать, (воздавая злом за зло); так же те, которые поступают хорошо по отношению к своим родителям, хотя бы те и были дурны, равным образом те, которые предоставляя другим обвинять, сами не обвиняют (противную сторону). Среди вышеперечисленных (поступков), пожалуй, можно найти немало враждебных природе. В этих-то поступках заключается (причина) того, что люди страдают больше, когда можно было бы меньше страдать, и испытывают меньше удовольствий, когда можно было бы больше наслаждаться, и (чувствуют себя) несчастными, когда можно не быть таковыми. Итак, если бы тем, которые держатся таких (пассивных) взглядов, была бы оказана какая-либо поддержка со стороны законов, а тем, которые не принимают, но держатся противоположных точек зрения, причинялся бы узаконенный ущерб, то тогда повиновение законам было бы не бесполезным. Ныне же положение вещей оказывается таковым, что тем, которые держатся такого рода взглядов, право, (вытекающее) из закона, недостаточно помогает. Во-первых, нынешнее положение вещей допускает, чтобы обижаемый страдал и обидчик совершал несправедливость. И даже в случае перенесения (дела) в суд у потерпевшего нет никакого особого преимущества перед причинившим (обиду). Ибо он должен убедить облеченных правом карать, что он потерпел (несправедливость). (Только таким образом) он может добиваться возможности получить удовлетворение. Но эти же самые средства остаются в распоряжении также у совершившего (несправедливость), если он хочет (отрицать).....успех зависит от того, насколько именно силен дар убеждения у

того, кто обвиняет, у потерпевшего и причинившего (несправедливость), ибо победа достигается и посредством речей....

Геродот. История

[19]

1.96-101. Жил в Мидии мудрый человек по имени Деиок, сын Фраорта. Этот то Деиок страстно желал стать царем и сумел выполнить это свое желание вот как: мидяне жили тогда по деревням, и Деиок в своем [родном] селении уже и раньше пользовался уважением, а теперь старался еще усерднее соблюдать справедливость, отправляя правосудие. И так он поступал в то время, когда во всей Мидии царило великое беззаконие, хотя и знал, что кривда правде — всегда враг. Видя такие его качества, односельчане выбрали его судьей. И именно потому-то Деиок и был честным и праведным судьей, что стремился к царской власти. Этим он и заслужил у односельчан изрядную похвалу, и даже жители других селений (прежде ставшие жертвой несправедливости), прослышав, что Деиок — единственно праведный судья, с радостью приходили к нему для разбора своих тяжб, пока в конце концов не стали доверяться только ему одному.

Между тем [число] приходящих к Деиоку людей все увеличивалось, так как люди слышали, что он выносил справедливые приговоры. Тогда-то Деиок решил, что [теперь] все в его руках и отказался восседать [на судейском кресле], на котором он прежде судил народ. Он заявил, что вообще больше не будет творить суд, так как ему не выгодно, пренебрегая собственными делами, по целым дням разбирать чужие тяжбы. Между тем грабежи и беззакония в селениях пошли еще сильнее прежнего. Тогда мидяне собрались в одном месте для совещания о положении дел. При этом, как я думаю, приверженцы Деиока говорили примерно вот как: «Не можем мы больше жить так, как [живем] ныне! Давайте изберем себе царя. Тогда в земле нашей воцарятся закон и порядок, и сами мы сможем вернуться к обычным делам, и беззаконие не заставит нас покинуть родину». Такими речами в общем они убедили друг друга и решили избрать царя.

Когда затем начали совещаться, кого же выбрать царем, то все стали настоятельно восхвалять и предлагать Деиока, пока наконец единодушно не избрали его на царство. Тогда Деиок повелел построить дворец, подобающий его царскому достоинству, и дать ему телохранителей. Мидяне же повиновались и воздвигли на указанном им самим месте большой и неприступный дворец [замок] и позволили набирать телохранителей по всей Мидии. По воцарении Деиок заставил мидян построить один [новый] город и защищать его; остальные же города покинуть на произвол судьбы. Мидяне исполнили и это его повеление, и Деиок воздвиг большой укрепленный город — нынешние Акбатаны, в котором одна стена кольцом охватывала другую. Крепостные стены были построены так, что одно кольцо [стен] выдавалось над другим только на высоту бастиона. Местоположение города на холме благоприятствовало такому устройству [стен], однако местность была еще немного изменена искусственно. Всех колец стен было семь; внутри

последнего кольца находятся царский дворец и сокровищница. Длина наибольшего кольца стен почти такая же, что и у кольцевой стены Афин. Бастионы первого кольца стен белые, второго — черные, третьего — желто-красные, четвертого — темно-синие, пятого — сандаракового цвета. Таким образом, бастионы всех этих пяти колец пестро окрашены. Что же до двух последних колец, то бастионы одного были посеребренные, а другого — позолоченные.

Такие-то стены воздвиг Деиок вокруг своего дворца. Прочему же народу он повелел поселиться около стен. По окончании строительства [дворца] Деиок первым делом ввел вот какой порядок [дворцового церемониала]: никто не должен иметь непосредственного доступа к царю, но по всем делам сноситься с ним через слуг [вестников], лицезреть же самого царя [не дозволяется] никому. Кроме того, для всех без исключения считалось непристойным смеяться или плевать в присутствии царя. Таким величием Деиок окружил себя, чтобы оградиться от сверстников и друзей юности, происходивших из знатных семейств и не уступавших ему в доблести. Не видя его, они не будут завидовать или посягать на его жизнь, но, как он думал, будут считать его высшим существом.

Когда Деиок установил такие порядки и упрочил свою царскую власть, то строго соблюдал законность. Жалобы подавались царю в письменном виде. Он рассматривал их и отсылал обратно. Так поступал он с жалобами; в других же случаях царь завел вот какой порядок. Слыша о каком-нибудь преступлении, Деиок призывал к себе виновников и наказывал по заслугам. По всей стране были у него соглядатаи и наушники.

Так-то Деиок объединил мидийский народ и царствовал над всей Мидией.

[20]

III.80-82. Когда волнение улеглось и прошло пять дней, заговорщики стали совещаться о [будущем] устройстве государства. Они держали речи, которые иным эллинам, правда, кажутся невероятными, но все же действительно были произнесены. Так, Отан высказался за то, чтобы передать власть всему персидскому народу. Он сказал: «По-моему, не следует опять отдавать власть в руки одного единодержавного владыки. Это и неприятно, и нехорошо. Вы знаете ведь, до чего дошло своеволие Камбиса, и испытали на себе высокомерие мага. Как же может государство быть благоустроенным, если самодержец волен творить все, что пожелает? И действительно, если бы даже самый благородный человек был облечен такой властью, то едва ли остался бы верен своим прежним убеждениям. От богатства и роскоши, его окружающих, в нем зарождается высокомерие, а зависть и без того присуща человеческой натуре. А у кого два этих порока, у того уже они все. Он творит множество преступных деяний: одни — из за пресыщения своеволием, другие — опять таки из зависти. Конечно, такой властитель должен бы быть лишен зависти, так как ему, как государю, принадлежит все. Однако самодержец по своей натуре поступает со своими подвластными, [исходя из] совершенно противоположного [взгляда]. Ведь он завидует «лучшим» людям за то только,

что те здоровы и невредимы, а любит самых дурных граждан. Более всего он склонен внимать клевете. Это человек, с которым ладить труднее всего на свете. За сдержанное одобрение [его поступков] он распаляется, видя в этом недостаточную почитительность, а за высокое уважение он недоволен тобой, как льстецом. Но вот я перехожу к самому плохому: он нарушает отеческие обычаи и законы, насилует женщин, казнит людей без суда. Что до народного правления, то оно, прежде всего, обладает преимуществом перед всеми [другими] уже в силу своего прекрасного имени — «исономия». Затем народ правитель не творит ничего из того, что позволяет себе самодержец. Ведь народ управляет, [раздавая] государственные должности по жребию, и эти должности ответственны, а все решения зависят от народного собрания. Итак, я предлагаю уничтожить единовластие и сделать народ владыкой, ибо у одного народоправства все блага и преимущества».

Таково было мнение Отана. Мегабиз же советовал передать власть олигархии и говорил вот что: «То, что сказал Отан об отмене самодержавной власти, повторю и я. Но что до его второго предложения — отдать верховную власть народу, то это далеко не самый лучший совет. Действительно, нет ничего безрассуднее и разнузданнее негодной черни. Поэтому недопустимо нам, спасаясь от высокомерия тирана, подпасть под владычество необузданной черни. Ведь тиран, по крайней мере, знает, что творит, а народ даже и не знает. Откуда же, в самом деле, у народа разум, если он не учен и не имеет никакой врожденной доблести? Очертя голову, подобно [бурному] весеннему потоку, без смысла и рассуждения, бросается народ к кормилу правления. Пусть ценит народное правление лишь тот, кто желает зла персам! Мы же облечем верховной властью тесный круг высшей знати (в их числе будем и мы). Ведь от „лучших“ людей, конечно, исходят и лучшие решения [в государственных делах]».

Таково было мнение Мегабиза. Третьим же объявил свое мнение Дарий в таких словах: «По моему, Мегабиз верно отзывался о народе; на олигархию же у меня взгляд иной. Если мы возьмем из трех предложенных нам на выбор форм правления каждую в ее самом совершенном виде, т. е. совершенную демократию, совершенную олигархию и совершенную монархию, то последняя, по моему, заслуживает гораздо большего предпочтения. Ведь нет, кажется, ничего прекраснее правления одного наилучшего властелина. Он безусловно управляет народом, исходя из наилучших побуждений, и при такой власти лучше всего могут сохраняться в тайне решения, [направленные] против врагов. Напротив, в олигархии, если даже немногие [лучшие] и стараются приносить пользу обществу, то обычно между отдельными людьми возникают ожесточенные распри. Ведь каждый желает первенствовать и проводить [в жизнь] свои замыслы. Так у них начинается яростная вражда между собой, отчего происходят смуты, а от смут — кровопролития. От кровопролитий же дело доходит до единовластия, из чего совершенно ясно, что этот последний образ правления — наилучший. При демократии опять-таки пороки неизбежны, а лишь только низость и подлость проникают в общественные дела, то это не приводит к вражде среди подлых людей, а,

напротив, [между ними] возникают крепкие дружественные связи. Ведь эти вредители общества обычно действуют заодно, [устраивая заговоры]. Так идет дело, пока какой-нибудь народный вождь не покончит с ними. За это такого человека народ уважает, и затем этот прославленный [вождь] быстро становится единодержавным властителем. Отсюда еще раз ясно, что единовластие — наилучший образ правления. Наконец, одним словом: откуда у нас, персов, свобода? Кто даровал ее нам? Народ, лучшие люди или единодержавный властитель? По-моему, все же если свобода дарована нам единодержавным властителем, то мы должны крепко держаться этого [образа правления] и вообще не нарушать добрых отеческих обычаев, ибо „мало хорошего в этом“».

Фукидид. История

[21]

II. 34-46. Когда наступило время для произнесения речи в честь павших первыми на этой войне, оратором был выбран Перикл, сын Ксантиппа. Он выступил перед гробницей на высоко поднятом помосте, для того чтобы слова его были слышны как можно дальше в толпе, и держал следующую речь.

«Большинство выступавших здесь до меня ораторов воздавали уже хвалу законодателю, который к установленным погребальным обрядам в честь павших прибавил еще обычай держать надгробную речь, ибо прекрасен обычай чествовать героев, павших на поле брани. Я предпочел бы гражданам, проявившим героическую доблесть на деле, только делом и воздавать почести, именно так, как вы видите ныне при этой, совершаемой городом, погребальной церемонии: по-моему, несправедливо оценку доблести столь многих героев ставить в зависимости от дарования одного человека и от того, будет ли хороша его речь или плоха. Действительно, трудно оратору найти надлежащую меру заслуг там, где вряд ли возможно утвердить в душе слушателей хотя бы доверие к истинности сказанного. Ведь афинянин, хорошо осведомленный о событиях как их сочувствующий участник, найдет речь оратора слишком слабой сравнительно с тем, что он ожидал бы услышать и что ему самому известно. С другой стороны, человек, непричастный к событиям, услышав о деяниях, превосходящих его собственные силы, пожалуй, из зависти подумает, что иные подвиги слишком преувеличены. Ведь люди верят в истинность похвал, воздаваемых другим, лишь до такой степени, в какой они считают себя способными совершить подобные подвиги. А все, что свыше их возможностей, тотчас же вызывает зависть и недоверие. Но так как наши предки признали этот обычай похвальным, то и я, повинаясь закону, насколько это в моих силах, буду стараться удовлетворить желаниям и убеждениям каждого.

Начну прежде всего с предков. Ведь и справедливость, и пристойность велят нам в этих обстоятельствах воздать дань их памяти. Наши предки всегда неизменно обитали в этой стране и, передавая ее от поколения к поколению, своей доблестью сохранили ее свободу до нашего времени. И если они

достойны хвалы, то еще более достойны ее отцы наши, которые, умножив наследие предков своими трудами, создали столь великую державу, какой мы владеем, и оставили ее нам, ныне живущему поколению. И еще больше укрепили ее могущество мы сами, достигшие ныне зрелого возраста. Мы сделали наш город совершенно самостоятельным, снабдив его всем необходимым как на случай войны, так и в мирное время. Военные подвиги, которые и мы и отцы совершили, завоевывая различные земли или стойко обороняясь в войнах с варварами или эллинами, общеизвестны, и я не стану о них распространяться. Но прежде чем начать хвалу павшим, которых мы здесь погребает, хочу сказать о строе нашего города, о тех наших установлениях в образе жизни, которые и привели его к нынешнему величию. Полагаю, что и сегодня уместно вспомнить это, и всем собравшимся здесь гражданам и чужеземцам будет полезно об этом услышать.

Для нашего государственного устройства мы не взяли за образец никаких чужеземных установлений. Напротив, мы скорее сами являем пример другим, нежели в чем-нибудь подражаем кому-либо. И так как у нас городом управляет не горсть людей, а большинство народа, то наш государственный строй называется народоправством. В частных делах все пользуются одинаковыми правами по законам. Что же до дел государственных, то на почетные государственные должности выдвигают каждого по достоинству, поскольку он чем-нибудь отличился не в силу принадлежности к определенному сословию, но из-за личной доблести. Бедность и темное происхождение или низкое общественное положение не мешают человеку занять почетную должность, если он способен оказать услуги государству. В нашем государстве мы живем свободно и в повседневной жизни избегаем взаимных подозрений: мы не питаем неприязни к соседу, если он в своем поведении следует личным склонностям, и не выказываем ему хотя и безвредной, но тягостно воспринимаемой досады. Терпимые в своих частных взаимоотношениях, в общественной жизни не нарушаем законов, главным образом из уважения к ним, и повинемся властям и законам, в особенности установленным в защиту обижаемых, а также законам неписаным, нарушение которых все считают постыдным.

Мы ввели много разнообразных развлечений для отдохновения души от трудов и забот, из года в год у нас повторяются игры и празднества. Благопристойность домашней обстановки доставляет наслаждение и помогает рассеять заботы повседневной жизни. И со всего света в наш город, благодаря его величию и значению, стекается на рынок все необходимое, и мы пользуемся иноземными благами не менее свободно, чем произведениями нашей страны.

В военных попечениях мы руководствуемся иными правилами, нежели наши противники. Так, например, мы всем разрешаем посещать наш город и никогда не препятствуем знакомиться и осматривать его и не высылаем чужестранцев из страха, что противник может проникнуть в наши тайны и извлечь для себя пользу. Ведь мы полагаемся главным образом не столько на военные приготовления и хитрости, как на наше личное мужество. Между тем как

наши противники при их способе воспитания стремятся с раннего детства жестокой дисциплиной закалить отвагу юношей, мы живем свободно, без такой суровости, и тем не менее ведем отважную борьбу с равным нам противником. И вот доказательство этому: лакедемоняне вторгаются в нашу страну не одни, а со своими союзниками, тогда как мы только сами нападаем на соседние земли и обычно без большого труда одолеваем их, хотя их воины сражаются за свое достояние. Со всей нашей военной мощью враг никогда еще не имел дела, так как нам всегда одновременно приходилось заботиться и об экипаже для кораблей и на суше рассылать в разные концы наших воинов. Случись врагам в стычке с нашим отрядом где-нибудь одержать победу, они уже похваляются, что обратили в бегство целое афинское войско; так и при неудаче они всегда уверяют, что уступили лишь всей нашей военной мощи. Если мы готовы встречать опасности скорее по свойственной нам живости, нежели в силу привычки к тягостным упражнениям, и полагаемся при этом не на предписание закона, а на врожденную отвагу, — то в этом наше преимущество. Нас не тревожит заранее мысль о грядущих опасностях, а испытывая их, мы проявляем не меньше мужества, чем те, кто постоянно подвергается изнурительным трудам. Этим, как и многим другим, наш город и вызывает удивление.

Мы развиваем нашу склонность к прекрасному без расточительности и предаемся наукам не в ущерб силе духа. Богатство мы ценим лишь потому, что употребляем его с пользой, а не ради пустой похвалы. Признание в бедности у нас ни для кого не является позором, но больший позор мы видим в том, что человек сам не стремится избавиться от нее трудом. Одни и те же люди у нас одновременно бывают заняты делами и частными, и общественными. Однако и остальные граждане, несмотря на то, что каждый занят своим ремеслом, также хорошо разбираются в политике. Ведь только мы одни признаем человека, не занимающегося общественной деятельностью, не благонамеренным гражданином, а бесполезным обывателем. Мы не думаем, что открытое обсуждение может повредить ходу государственных дел. Напротив, мы считаем неправильным принимать нужное решение без предварительной подготовки при помощи выступлений с речами за и против. В отличие от других, мы, обладая отвагой, предпочитаем вместе с тем сначала основательно обдумывать наши планы, а потом уже рисковать, тогда как у других невежественная ограниченность порождает дерзкую отвагу, а трезвый расчет — нерешительность. Истинно доблестными с полным правом следует признать лишь тех, кто имеет полное представление как о горестном, так и о радостном и именно в силу этого-то и не избегает опасностей. Добросердечность мы понимаем иначе, чем большинство других людей: друзей мы приобретаем не тем, что получаем от них, а тем, что оказываем им проявления дружбы. Ведь оказавший услугу другому — более надежный друг, так как старается заслуженную благодарность поддержать и дальнейшими услугами. Напротив, человек благодетельствованный менее ревностен: ведь он понимает, что совершает добрый поступок не из приязни, а по обязанности.

Мы – единственные, кто не по расчету на собственную выгоду, а доверяясь свободному влечению, оказываем помощь другим.

Одним словом, я утверждаю, что город наш – школа всей Эллады, и полагаю, что каждый из нас сам по себе может с легкостью и изяществом проявить свою личность в самых различных жизненных условиях. И то, что мое утверждение – не пустая похвальба в сегодняшней обстановке, а подлинная правда, доказывается самим могуществом нашего города, достигнутым благодаря нашему жизненному укладу. Из всех современных городов лишь наш город еще более могуществен, чем идет о нем слава, и только он один не заставит врага негодовать, что он терпит бедствие от такого противника, как мы, а подвластных нам – жаловаться на ничтожество правителей. Столь великими деяниями мы засвидетельствовали могущество нашего города на удивление современникам и потомкам. Чтобы прославить нас, не нужно ни Гомера, ни какого-либо другого певца, который доставит своей поэзией преходящее наслаждение, но не найдет подтверждения в самой истине. Все моря и земли открыла перед нами наша отвага и повсюду воздвигла вечные памятники наших бедствий и побед. И вот за подобный город отдали доблестно свою жизнь эти воины, считая для себя невозможным лишиться родины, и среди оставшихся в живых каждый, несомненно, с радостью страдает за него.

Поэтому-то я так распространился о славе нашего города. Я желал и показать, что в нашей борьбе мы защищаем нечто большее, чем люди, лишенные подобного достоинства; и, воздавая в этой речи хвалу деяниям павших, привести наглядные подтверждения их героизма. Итак, самое главное в моей хвалебной речи уже сказано. Ведь всем тем, что я прославил здесь, наш город обязан доблестным подвигам этих людей и героев, подобных им. Во всей Элладе, пожалуй, немного найдется людей, слава которых в такой же мере соответствовала бы их деяниям. Полагаю, что постигая этих воинов участь является первым признаком и последним утверждением доблести человека, как славное завершение его жизни. Ведь даже тем людям, кто ранее не выполнял своего долга, по справедливости можно найти оправдание в их доблестной борьбе за родину. Действительно, загладив зло добром, они принесли этим больше пользы городу, чем причинили вреда ранее своим образом жизни. А эти герои не утратили мужества, презрели наслаждение богатством или надежду разбогатеть когда-либо, и не отступили и перед опасностью. Отмщение врагу они поставили выше всего, считая величайшим благом положить жизнь за родину. Перед лицом величайшей опасности они пожелали дать отпор врагам, пренебрегая всем остальным, и в чаянии победы положиться на свои собственные силы. Признав более благородным вступить в борьбу на смерть, чем уступить, спасая жизнь, они избежали упреков в трусости и решающий момент расставания с жизнью был для них и концом страха, и началом посмертной славы.

Эти воины честно исполнили свой долг перед родным городом, положив за него жизнь. А всем оставшимся в живых надлежит молить богов о более счастливой участи, а в отношении врагов вести себя не менее доблестно, чем

усопшие. Пусть все граждане не только со слов оратора оценят, сколь прекрасно для города отражать врага, о чем можно было бы долго распространяться (хотя вы и сами это не хуже знаете). Напротив, пусть вашим взорам повседневно предстает мощь и краса нашего города и его достижения и успехи, и вы станете его восторженными почитателями. И, радуясь величию нашего города, не забывайте, что его создали доблестные, вдохновленные чувством чести люди, которые знали, что такое долг, и выполняли его. При неудаче в каком-либо испытании они все же не могли допустить, чтобы город из-за этого лишился их доблести, и добровольно принесли в жертву родине прекраснейший дар – собственную жизнь. Действительно, отдавая жизнь за родину, они обрели себе непреходящую славу и самую почетную гробницу не только здесь, мне думается, где они погребены, но и повсюду, где есть повод вечно прославлять их хвалебным словом или славными подвигами. «Ведь гробница доблестных – вся земля», и не только в родной земле надписями на надгробных стелах запечатлена память об их славе, но и на чужбине также сохраняются в живой памяти людей если не сами подвиги, то их мужество. Подобных людей примите ныне за образец, считайте за счастье свободу, а за свободу – мужество и смотрите в лицо военным опасностям. Ведь людям несчастным, влачащим жалкое существование, без надежды на лучшее будущее, нет основания рисковать жизнью, но тем подобает жертвовать жизнью за родину, кому в жизни грозит перемена к худшему, для кого неудачная война может стать роковой. Благородному же человеку страдания от унижения мучительнее смерти, которая для него становится безболезненной, если только он погибает в сознании своей силы и с надеждой на общее благо. Вот почему я не буду скорбеть ныне вместе с вами, присутствующими здесь родителями этих героев, а обращусь к вам с утешением. Ведь, как вы знаете сами, пережив все это, из личного опыта, человеческая судьба исполнена превратностей. Счастлив тот, кому, подобно этим воинам, уготован столь прекрасный конец или выпадет на долю столь благородная печаль, как вам, и тот, кому в меру счастливой жизни была суждена и счастливая кончина. Я понимаю, конечно, как трудно мне утешать вас в утрате детей, о чем вы снова и снова будете вспоминать при виде счастья других, которым и вы некогда наслаждались. Счастье неизведанное не приносит скорби, но – горе потерять счастье, к которому привыкнешь. Те из вас, кому возраст еще позволяет иметь других детей, пусть утешатся этой надеждой. Новые дети станут родителям утешением, а город наш получит от этого двойную пользу: не оскудеет число граждан, и сохранится безопасность. Ведь кто не заботится о будущности детей, тот не может принимать справедливые и правильные решения на пользу своих сограждан. Вы же, престарелые, радуйтесь, что большую часть своей жизни вы были счастливы и скоро ваши дни окончатся: да послужит вам утешением впредь слава ваших сынов. Лишь жажда славы не иссякает; даже в возрасте, когда люди уже бесполезны обществу, и их радует не стяжание, как утверждают иные, а почет. Вам же, присутствующим здесь сыновьям и братьям героев, будет, конечно, трудно состязаться с ними в доблести (ведь усопших принято обычно

восхвалять), и даже при наивысшем проявлении доблестей вы с трудом добьетесь не равного с ними, но хотя бы близкого к этому признания. Действительно, при жизни доблестные люди возбуждают зависть, мертвым же (они ведь не являются уже соперниками) воздают почет без зависти. И наконец, если мне надо вспомнить о доблести женщин, которые теперь станут вдовами, то я подведу итог, ограничившись кратким советом. Наивысшей похвалой для вас будет, если вы не потеряете присущей вам женственной природы как супруги и гражданки, и та женщина заслуживает величайшего уважения, о которой меньше всего говорят среди мужчин, в порицание или в похвалу.

Итак, подобно своим предшественникам, я, по обычаю, высказал в своей речи то, что считал необходимым сказать в честь погибших героев. Отчасти мы уже воздали павшим почести погребения, а наш город возьмет на себя содержание их детей до поры возмужалости – это высокая награда, подобная венку, пожалованному осиротевшим детям героев за столь великие подвиги. Ведь в городе, где за военную доблесть положена величайшая награда, там и граждане самые доблестные. А теперь, оплакав должным образом своих близких, расходитесь».

[22]

V.84.3-II.4.1. Итак, стратеги Клеомед, сын Ликомеда, и Тисий, сын Гисимаха, расположились на острове лагерем с упомянутыми силами. Однако до начала враждебных действий они отправили послов, чтобы договориться с мелосцами. Мелосцы же не допустили послов в народное собрание, но предложили изложить свое поручение в кругу властей и нескольких знатнейших граждан.

Афинские послы сказали следующее: «Наши переговоры ведутся не в народном собрании, очевидно, с той целью, чтобы мы сразу не ввели в обман ваших людей, если бы смогли развернуть перед ними в одной связной речи соблазнительные и неопровержимые доводы. Мы ведь понимаем, что ради этого вы и привели нас в этот тесный круг. Оградите же себя от этого соблазна еще вернее, вы, заседающие здесь; судите не по одной речи: вы можете прерывать нас и возражать по каждому отдельному пункту в случае несогласия с ним. И прежде всего скажите, согласны ли вы с нашим предложением?»

Мелосские синедры отвечали: «Мы не возражаем против вашего благожелательного предложения спокойно обсудить дело. Однако ваши военные приготовления (а не только намерения) явно противоречат вашим словам. Ведь мы видим, что вы пришли сюда как судьи с притязанием на окончательное решение в предстоящих переговорах. И, по всей вероятности, если мы при этом останемся правы, а потому не уступим, то будет война; если же согласимся, то нас ожидает рабство.

Афиняне. Конечно, если вы пришли, чтобы строить догадки о будущем или с какой-либо иной целью, а не для того, чтобы обсуждать меры для спасения

вашего города, мы можем кончить переговоры. Если же вы пришли для такого обсуждения, то мы можем к нему приступить.

Мелосцы. Людям в нашем положении естественно и простительно много говорить и высказывать различные мнения. И притом, это собрание созвано для нашего спасения. Поэтому пусть обсуждение, если вам угодно, идет, как предлагаете вы.

Афиняне. Очень хорошо. Однако мы и сами не будем прибегать к красивым, но неубедительным словам, распространяясь о том, что наше право на владычество приобретено победой над Мидянином или что мы пришли наказать вас за причиненную обиду, и вас просим – не думайте убедить нас тем, что вы, будучи колонией лакедемонян, не участвовали в их походах, или тем, что никогда не чинили нам обид: добивайтесь только того, что и вы и мы по здравому рассуждению одинаково считаем возможным. Ведь вам, как и нам, хорошо известно, что в человеческих взаимоотношениях право имеет смысл только тогда, когда при равенстве сил обе стороны признают общую для той и другой стороны необходимость. В противном случае более сильный требует возможного, а слабый вынужден подчиниться.

Мелосцы. Как нам, по крайней мере, кажется, полезно – раз уж вы решили, устранив вопрос о праве, говорить только о пользе, – чтобы вы не отменяли понятие общего блага; чтобы с каждым человеком, находящимся в опасности, поступали по пристойной справедливости и чтобы получил какую-то помощь и тот, чья правота не доказана с полной очевидностью. И это так же в ваших интересах, как и в наших, тем более что в случае падения вы подадите другим пример жестокого возмездия.

Афиняне. Мы не падаем духом при мысли, что может наступить конец нашему владычеству. Ведь не те, кто господствует над другими, как лакедемоняне, страшнее всего побежденным (да и не с лакедемонянами теперь у нас идет борьба), но гораздо опаснее подчиненные, если они восстанут против своих властителей и победят их. Но заботу об этом вы уж предоставьте нам. Мы постараемся показать вам, что пришли ради пользы нашего владычества, и будем говорить с вами теперь о спасении вашего города. Ведь мы не желаем такого господства над вами, которое было бы для вас тягостно; напротив, мы хотим вашего спасения к обоюдной выгоде.

Мелосцы. Но как же рабство может быть нам столь же полезно, как вам владычество?

Афиняне. Потому что вам будет выгоднее стать подвластными нам, нежели претерпеть жесточайшие бедствия. Наша же выгода в том, чтобы не нужно было вас уничтожить.

Мелосцы. Но не согласитесь ли вы оставить нас нейтральными, не врагами вам, а друзьями, с условием не вступать ни в один из союзов?

Афиняне. Ваша неприязнь вредит нам не столь сильно: ваша дружба в глазах подвластных нам будет признаком нашей слабости, а вражда ваша – доказательством мощи.

Мелосцы. Неужели подвластные вам считают правильным не делать различия в отношении к городам, вовсе независимым от вас, и теми вашими колониями, которые после восстания вновь подчинены вами?

Афиняне. По мнению наших подданных, ни у тех, ни у других нет недостатка в возражениях. Все же они понимают, что независимые города сохраняют свободу потому лишь, что в состоянии защищаться, и мы не нападаем на них из страха. Поэтому ваше подчинение, помимо расширения нашего господства, усилит нашу безопасность. Тем более что мы господствуем на море, и вы как островитяне, будучи слабее других островитян, должны нам подчиниться.

Мелосцы. А разве наше предложение не может обеспечить вам безопасности? Но так как вы, отклонив наши соображения, основанные на требованиях справедливости, убеждаете нас подчиниться требованиям вашей выгоды, то и мы также попытаемся объяснить вам нашу выгоду, убедить вас в том, что она совпадает с вашей. Неужели вы хотите все нейтральные города сделать своими врагами? Ведь, увидев нашу участь, они поймут, что когда-нибудь придет и их черед. Разве этим вы еще больше не усилите ваших нынешних врагов и не заставите против воли стать вашими врагами тех, кто и не помышлял об этом?

Афиняне. Нам вовсе не так опасны какие-то материковые города, которые еще долго будут медлить с мероприятиями для защиты своей свободы. Мы опасаемся скорее независимых островитян вроде вас и всех, которые уже раздражены необходимостью подчиниться нам. Ведь эти еще не покоренные города, дав волю своему безрассудству, скорее всего подвергнут и самих себя, и нас явной опасности.

Мелосцы. Действительно, если и вы идете на столь великую опасность, чтобы сохранить свое господство, и уже поработанные города – чтобы освободиться от него, то для нас, еще свободных, было бы величайшей низостью и трусостью не испытывать все средства спасения, прежде чем стать рабами.

Афиняне. Вовсе нет, если только вы здраво рассудите. Ведь вы не состязаетесь в доблести с равным противником, которому уступить зазорно, а ищите спасения, встретив противника, которому вы не в силах противостоять.

Мелосцы. Как известно, военное счастье иной раз благоприятствует даже более слабому и разница в силах обоих противников не дает безусловного перевеса одному из них. Если мы тотчас уступим вам, то лишаемся всякой надежды; если же будем действовать, то у нас останется хоть надежда выстоять.

Афиняне. Надежда, утешение во всякой опасности если и повредит человеку, располагающему избытком средств, то не погубит его окончательно. Но тот, кто ставит на карту все свое состояние (ведь надежда по природе расточительна), лишь в самый момент своего полного крушения, когда уже поздно остерегаться, видит всю ее обманчивость. Вы – бессильны, и ваше существование на волоске. Не подвергайте же себя такой опасности, не повторяйте ошибок большинства людей, которые в беде или во время недуга, когда спасение еще не превышает человеческих возможностей, пренебрегают действительными надеждами, обращаются к призрачным и прибегают к

предсказаниям, оракулам и подобным обманным средствам, которые верящим в них несут гибель.

Мелосцы. Будьте уверены, мы хорошо знаем, как трудно бороться против вашего могущества и счастья (если оно и тут даст вам преимущества). Однако мы все же верим, что божество нас не умалит, ибо мы благочестиво противостоям вам, поступающим несправедливо. Недостаток военных сил нам возместит союз с лакедемонянами, которые, хотя бы ради племенного родства и из чувства чести, должны оказать нам помощь. Поэтому-то наша решимость сопротивляться не так уже неразумна.

Афиняне. Благость богов, надеемся, не оставит и нас, ибо мы не оправдываем и не делаем ничего противоречащего человеческой вере в божество или в то, что люди между собой признают справедливым. Ведь о богах мы предполагаем, о людях же из опыта знаем, что они по природной необходимости властвуют там, где имеют для этого силу. Этот закон не нами установлен, и не мы первыми его применили. Мы лишь его унаследовали и сохраним на все времена. Мы уверены также, что и вы (как и весь род людской), будь вы столь же сильны, как и мы, несомненно, стали бы так же действовать. Итак, со стороны божества у вас, полагаем, нет оснований опасаться поражения. Что же до лакедемонян, то если вы воображаете, что они чести ради помогут вам, то мы преклоняемся перед вашим прекраснодушием, но не завидуем вашему неразумию. Лакедемоняне сами по себе в большинстве своих внутренних установлений проявляют много доблести. О внешней же их политике многое можно было бы сказать, но лучше, пожалуй, обобщая, охарактеризовать ее так: среди всех известных нам людей они с наибольшей откровенностью отождествляют приятное для них – с честным, а выгодное – со справедливым. А при таком образе их мыслей видеть в них вашу надежду на спасение в нынешних условиях неосновательно.

Мелосцы. Однако именно этот их образ мыслей и позволяет нам верить, что они, соблюдая свою выгоду, не захотят предать мелосцев, своих колонистов, утрачивая доверие своих друзей в Элладе и потворствуя своим врагам.

Афиняне. Но разве вы не думаете, что выгода зависит от безопасности, а справедливая и честная политика приносит только опасность? На эту политику лакедемоняне большей частью и не осмеливаются.

Мелосцы. Все же думается, что ради нас они будут готовы скорее, чем ради других, подвергнуться риску и сочтут его в этом случае меньшим. Ведь мы находимся вблизи от театра военных действий в Пелопоннесе, и лакедемоняне могут скорее положиться на нашу преданность им, так как мы – их соплеменники.

Афиняне. Тот, кого призывают на помощь на войне, находит опору не в доброжелательстве ищущего помощи, но в превосходстве его военной мощи. И лакедемоняне придают этому больше значения, чем другие: они так мало доверяют собственным военным силам, что нападают на соседей только вместе с многочисленными союзниками. Поэтому маловероятно, чтобы при нашем господстве на море они переправились на ваш остров.

Мелосцы. Но они ведь могут послать нам и союзников. Ведь Критское море велико, и поэтому господствующему на нем флоту труднее захватить противника, чем последнему скрыться от него. Если же лакедемонянам не удастся помочь нам на море, они могут напасть на вашу землю и на ваших союзников (еще оставшихся у вас после похода Брасида). Тогда вам придется воевать уже не за чужую страну, но за союзную область и вашу собственную землю.

Афиняне. Если действительно случится что-либо подобное, то для нас это не будет неожиданностью, да и вам по опыту известно, что афиняне еще никогда не снимали осады из страха перед врагом в другом месте. Мы замечаем, однако, что несмотря на то, что вы, по вашим словам, желаете договориться о спасении вашего города, вы в этой долгой беседе вовсе не упомянули о средствах спасения, на которые люди обычно рассчитывают. Ваша крепчайшая опора - это надежда на будущее. Ваши собственные силы слишком слабы в сравнении с противостоящей вам теперь мощью, которую вам не одолеть. Поэтому с вашей стороны было бы весьма неразумно, отсылая нас, не принять более здравого решения. Вы не поддадитесь, конечно, тому ложному чувству чести, которое в явных и несущих позор и опасность положениях чаще всего толкает людей на гибель. Действительно, многие заранее видели, что им предстоит, но так называемое чувство чести соблазнительной силой этого слова довело их до того, что они, склонившись перед ним, попадали в непоправимые беды, а затем прибавляли к ним еще больший позор, скорее из-за своего постыдного безрассудства, чем в силу неблагоприятных обстоятельств. Итак, будьте же благоразумны и остерегайтесь этого. Не думайте, что противоречит нашей чести отказ от сопротивления великой державе, которая выставляет умеренные требования, заключающиеся в том, чтобы вы присоединились к союзу с нею (с уплатой дани), сохраняя владение своей землей. Если вам предлагают выбор: война или безопасность - не настаивайте из упрямства на худшем. Ведь те, кто не уступает равным себе, с могущественными ведет себя благоразумно, а со слабыми - умеренно, преуспевают более всего. Итак, после нашего ухода всесторонне обсудите положение и подумайте, что вы решаете судьбу отечества, преуспевание или гибель которого теперь всецело зависит от единого вашего решения.

Затем афиняне покинули собрание. Мелосцы же, оставшись одни, посоветовались между собой и приняли решение в том же смысле, как они высказывались уже раньше во время переговоров с афинянами, и отвечали так: «Афиняне! Наше мнение и воля неизменны, и мы не желаем в один миг отказываться от свободы в городе, существующем уже 700 лет. Полагаясь на судьбу, до сих пор по божественной воле хранившую нас, и на помощь людей и в их числе лакедемонян, мы попытаемся сохранить нашу свободу. Мы предлагаем вам мир и дружбу, но в войне желаем остаться нейтральными и просим вас покинуть нашу страну, заключив приемлемый для обеих сторон договор».

Таков был ответ мелосцев. Афиняне же, считая, что на этом переговоры закончены, ответили им: «Итак, если судить по вашим решениям, то вы -

единственные люди, для кого будущее достовернее настоящего, которое у вас пред глазами, и вы принимаете незримое за уже осуществляющееся, так как оно вам желательно. Предавшись всецело вере в лакедемонян и в судьбу, вы рискнули всем, но вы все и потеряете!»

Затем афинские послы возвратились в свой лагерь. А так как мелосцы не пошли ни на какие уступки, то афинские военачальники тотчас же открыли военные действия <...> [Впоследствии] мелосцам пришлось сдаться на милость победителей. Афиняне перебили всех взрослых мужчин и обратили в рабство женщин и детей. Затем они колонизовали остров, отправив туда 500 поселенцев.

[23]

Демокрит. Фрагменты

433 (Стобей. VI. 1.43) Интересы государства должно ставить выше всего прочего, и должно заботиться, чтобы оно хорошо управлялось. Чтобы содействовать этому, не следует бороться против справедливости и для своей [личной] пользы применять насилие против общего блага. Ибо хорошо управляемое государство есть величайший оплот: в нем все заключается и, когда оно сохраняется, все цело, а погибает оно, с ним вместе и все гибнет.

436 (Там же. VI. 6.19) По самой природе управлять свойственно лучшему.

440 (Там же. IV. 1.34). Гражданская война есть бедствие для той и другой враждующей стороны. Ибо и для победителей и для побежденных она одинаково гибельна.

441 (Там же. IV. 1.40). Только при единомыслии могут быть совершаемы великие дела, как, например, удачные войны для государств, в противном же случае это невозможно.

442 (Там же. IV. 1.46). Если люди состоятельные решаются давать неимущим деньги взаймы, помогать им и оказывать благодеяние, то это значит, что в данном обществе имеется взаимное сочувствие, единение между гражданами, братство, взаимная защита, единомыслие граждан и многие другие блага, которые невозможно перечислить.

443 (Там же. IV. 1.43). Бедность в демократии настолько же предпочтительнее так называемого благополучия граждан при царях, насколько свобода лучше рабства.

444 (Там же. IV. 1.43, 44). Хорошим [гражданами] не следует, пренебрегая своими собственными делами, заниматься чужими. Ибо это было бы плохо для их частных дел. [С другой стороны], если кто-нибудь пренебрегает общественными делами, то он приобретает дурную репутацию, даже если он ничего не ворует и [вообще] не совершает никакой несправедливости. Ведь даже и тому, кто не относится с нерадением [к общественным делам] и не совершает несправедливости, грозит опасность приобрести дурную репутацию и даже претерпеть кое-какие неприятности. Делать ошибки – неизбежно, но нелегко заслужить прощение у людей.

445 (Там же. IV. 1. 43, 45). «Чем менее достойны дурные граждане получаемых ими почетных должностей, тем более они становятся небрежными и исполняются глупости и наглости».

446 (Там же. IV. 5.47). «Люди больше помнят о сделанных [начальствующими лицами] ошибках, чем об удачных делах их. И ведь такое [отношение] правильно. В самом деле, подобно тому как не должно хвалить того, кто возвращает вверенные на хранение деньги, не возвращающий же заслуживает порицания и наказания, точно так же и начальствующее лицо. Ибо оно избрано не для того, чтобы дурно вести дело, но чтобы [вести его] хорошо».

447 (Там же. IV. 5.48). «При ныне существующем порядке управления нет никакого средства [воспрепятствовать], чтобы правители, если даже они и весьма хороши, не испытали несправедливости. Ибо не подобает, чтобы правитель был ответствен перед кем-нибудь другим, кроме как перед самим собой, и не подобает, чтобы тот, кто господствовал над другими, попадал [через год] сам под власть этих других. Должно же быть устроено таким образом, чтобы [правитель], не совершавший никакой несправедливости, если даже он и строго преследовал совершавших несправедливость, не попадал [впоследствии] под власть их, но чтобы какой-нибудь закон или какое-нибудь другое [средство] защищали поступавшего справедливо [правителя]».

448 (Там же. IV. 40.20). Общая нужда тяжелее частной нужды отдельного человека. Ибо в случае общей нужды не остается никакой надежды на помощь.

Исократ. Речи

[24]

XII. 128-134. Тезей владел царством, прекрасно защищенным от опасностей и чрезвычайно могущественным. Он совершил за время своего правления много великих дел и на войне, и в управлении государством. Однако всем этим он пренебрег. Он предпочел непреходящую славу, добытую тяжкими трудами и битвами, развлечениям и беззаботному счастью, которое могла доставить ему в то время царская власть. И поступил он так не в преклонном возрасте, пресытившись обладанием этих благ, но находясь в расцвете сил, он, как говорят, передал управление государством народу, а сам ради своего города и остальных эллинов продолжал вести жизнь, полную опасностей.

Я, насколько это возможно, напомнил теперь о доблести Тезея, а обо всех его подвигах обстоятельно рассказал прежде. Что же касается тех, кто принял на себя управление государством, которое им передал Тезей, то я не знаю, будет ли моя похвала достойна их образа мыслей. Незнакомые с различными формами правления, они безошибочно выбрали государственный строй, который все согласились бы признать не только самым доступным для народа и самым справедливым, но также и наиболее полезным для всех, а для тех, кто этим государственным строем пользуется, и самым приятным. Так, они установили демократию – но не ту, при которой управление идет кое-как, распушенность считается свободой, а возможность для каждого делать то, что

он захочет, – счастьем. Они установили демократию, при которой подобные явления осуждаются; эта демократия пользуется аристократическим принципом. Большинство причисляет аристократическую форму правления, являющуюся весьма полезной, к государственным устройствам, так же как и правление с имущественным цензом. Ошибаются они не по невежеству, но лишь потому, что никогда не заботились ни о чем надлежащем. Я же утверждаю, что существуют только три формы правления - олигархия, демократия, монархия. Среди народов, живущих при каждой из этих форм правления, одни привыкли ставить у власти и во главе всех дел достойнейших граждан, от которых можно ожидать самого лучшего и самого справедливого управления; эти хорошо управляют своими делами – как внутренними, так и внешними – при любом государственном строе. Другие пользуются услугами самых наглых и скверных людей, не думающих о государственной пользе, но ради собственной жадности готовых на что угодно; у них государства управляются в соответствии с испорченностью тех, кто стоит у власти. Есть еще и такие люди, у которых управление устроено совсем иначе, а не так, как я только что говорил. Каждый раз, когда такие люди воспрянут духом, то больше всего ценят тех, кто говорит им в угод, когда же они пребывают в страхе, то обращаются к самым лучшим и самым благоразумным. Вот у такого народа дела идут попеременно – иногда хуже, иногда лучше. Такова природа и таковы возможности различных государственных устройств.

[25]

VII. 11-28. ...ничто не может произойти надлежащим образом у тех, кто заранее не принимает правильных решений об управлении своим государством. Даже если эти люди и достигнут успеха в некоторых предприятиях по счастливой случайности или благодаря доблести какого-либо мужа, то вскоре они снова испытывают те же затруднения, как это и видно из событий нашего прошлого. Даже после того, как наш город утвердил свою власть над всей Элладой, после морской победы Конона и похода Тимофея, мы не сумели хотя бы на время удержать наше счастье; мы быстро утратили и разрушили его. Ибо у нас нет политики, которая могла бы заниматься нашими делами как должно. Мы даже не прилагаем никаких усилий, чтобы создать ее надлежащим образом. Разве мы не знаем, что успех приходит и остается не у тех, кто возводит вокруг себя самые красивые и крепкие стены или собирает наибольшее количество людей в одно и то же место, но у тех, кто лучше и рассудительнее других управляет своим городом. Политика - душа города. Она имеет над городом такую же власть, как разум над Телом. Она думает обо всем, сохраняет все полезное и избегает того, что приносит беду. Это ей служат и законы, и ораторы, и рядовые граждане; и каждый из них поступает хорошо или плохо в зависимости от своей политики. А нас ничуть не заботит, что наша политика извращена. Мы и не думаем искать средства к ее исправлению. Вместо этого, сидя по лавкам ремесленников, мы осуждаем теперешние порядки и сетуем на то, что никогда еще при демократии нами не управляли хуже, чем теперь. На самом же деле, в поступках и в образе мыслей,

которых мы придерживаемся, мы любим нынешнюю политику больше завещанной нам предками. Вот именно в защиту последней я и намереваюсь говорить, и ради этого я испросил разрешение у пританов. Я твердо убежден, что лишь эта политика смогла бы не только отвратить грядущие опасности, но и освободить нас от бедствий нашего времени, если бы мы захотели снова вернуться к той демократии, которую установил Солон, самый демократичный из законодателей, и вновь восстановил в ее первоначальном виде Клисфен, изгнавший тиранов и вернувший власть народу. Мы не могли бы найти другую политику, более демократичную и более полезную всему городу. И вот доказательство наиболее убедительное: при этой политике люди совершили множество великих и прекрасных подвигов, заслужили славу у всего человечества и с общего согласия эллинов стали гегемонами Эллады; те же, кто был приверженцем нынешнего строя, возбудили у всех ненависть к себе, испытали много несчастий и лишь с трудом избежали величайших бедствий. Возможно ли восхвалять и даже любить тот строй, который и прежде причинил нам много зла, и теперь с каждым годом становится все хуже? Разве мы не должны бояться, что, если так пойдет дальше, мы в конце концов потерпим полное крушение, встретив опасности еще большие, чем те, которые угрожали нам в прежние времена.

А чтобы вы могли сделать выбор между этими двумя политиями, подробно ознакомившись с обеими, а не ограничиваясь общими выслушанными вами соображениями, вам нужно отнестись внимательно к тому, о чем я говорю; я же, со своей стороны, постараюсь как можно короче изложить основные характерные черты каждой из политий.

Люди, управлявшие в то время городом, установили политику, но такую, которая на словах называлась бы самой мягкой и направленной на всеобщее благо, а в действительности для людей, имеющих с ней дело, оказывалась бы совершенно другой. И не так воспитывала эта политика граждан, чтобы они считали распущенность – демократией, противозаконие – свободой, невоздержность на язык – равенством, а возможность делать все, что вздумается – счастьем. Таких она не терпела и наказывала и тем самым добивалась того, чтобы граждане становились добродетельнее и рассудительнее. Наиболее же содействовало хорошему управлению городом то, что существовали две признанные формы равенства. Одна из них предоставляла всем одинаковые права, другая воздавала каждому должное. Хорошо понимая, какая из них была более полезной, наши предки отвергали как несправедливое то равенство, которое требовало одних и тех же почестей для хороших и дурных, и предпочли то, которое оценивает и наказывает каждого по его заслугам. Положив это в основу управления городом, они не замещали должностей по жребию из всех граждан, но отбирали лучших и наиболее способных к тому или другому виду государственной деятельности. Ибо они надеялись, что и все остальные будут вести себя так, как и руководящие делами государства. Такой отбор они считали более демократичным, чем выборы по жребию. Ведь при жребии все решает случайность, и высшие должности часто могут получить сторонники

олигархии, тогда как при отборе добродетельных кандидатов, народ получит полную возможность избирать людей, наиболее преданных существующей политике.

И вот причина, почему это нравилось большинству и почему при замещении должностей не возникало борьбы: граждане были приучены к труду и бережливости; они не оставляли в пренебрежении свое имущество, злоумышляя против чужого, не поправляли своих дел за счет общественного достояния, а в случае нужды оказывали помощь государству из своих собственных средств; они не подсчитывали заранее и точно доходов от общественных обязанностей, зато хорошо знали размер прибыли от своего личного имущества. Они никогда не прикасались к тому, что принадлежало государству, и поэтому в те времена было труднее найти желающих управлять, чем теперь встретить человека, который не стремился бы к этому; они считали заботу об общественных делах служением народу, а не средством получения личных доходов. С самого первого дня вступления в должность они не искали источников дохода, пропущенных их предшественниками, но прежде всего думали о том, не осталось ли забытым какое-либо дело, требующее срочного завершения. Короче говоря, наши предки ясно понимали, что народ, подобно тирану, должен назначать представителей власти, карать провинившихся и выносить решения по спорным вопросам; а люди, располагающие достаточными средствами к жизни, должны посвятить себя заботам об общественных делах как слуги народа. Ибо проявляя справедливость, они достойны похвалы и вправе дорожить этой почестью; при плохом же управлении они не заслуживают никакого снисхождения и подвергаются самым суровым наказаниям. Кто бы мог найти демократию, более надежную и более справедливую, чем та, которая выдвигает на занятия общественными делами людей наиболее способных и в то же время сохраняет за народом высшую власть над ними?

Таково было устройство их политики. Из этого видно, что и в повседневной жизни они всегда поступали справедливо и согласно закону. Ибо когда народ создает такие прекрасные принципы поведения в делах государственных, то и частная жизнь неизбежно отражает характер его общественного строя.

[26]

II. 9-39. ...сначала надо выяснить, что составляет долг людей, обладающих царской властью. Ведь если мы в целом сумеем правильно схватить существо этого дела, то, опираясь на это, мы лучше сможем рассуждать и о частностях. Все, конечно, согласится с тем, что цари обязаны избавлять свое государство от несчастий, охранять его благополучие и добиваться того, чтобы оно из малого стало великим, ибо все прочие дела, происходящие каждодневно, следует выполнять ради этой цели. При этом совершенно ясно, что людям, претендующим на такое могущество и преследующим столь великие цели, не следует быть беспечными и нерадивыми; они должны всячески заботиться о том, чтобы превзойти своим разумом других, ибо известно, что успех правления царей зависит от того, сколь совершенен будет их разум. Поэтому

никому из атлетов не нужно так развивать свое тело, как царям – свою душу. Ведь вообще на всех празднествах не устанавливается даже части тех наград, за которые вы боретесь каждый день. Помня об этом, ты должен приложить все усилия к тому, чтобы настолько же отличаться от прочих людей добродетелью, насколько ты превосходишь их своим положением. Не думай, что усердие полезно лишь в прочих делах, а для морального и умственного совершенствования оно не имеет никакой силы. Не осуждай человечество на такое несчастье: не думай, что в то время как для животных мы нашли различные средства, с помощью которых можно укротить и улучшить их нрав, самим себе мы ничем не сможем помочь в достижении добродетели. Наоборот, проникнись убеждением, что и воспитание и усердие в огромной степени могут помочь совершенствованию нашей природы. Сближайся с людьми самыми разумными из твоего окружения, приглашай таких же со стороны, кого только сможешь. Знай, что тебе не должен остаться неизвестным ни один из знаменитых поэтов или софистов; будь слушателем одних, учеником других, готовь себя к тому, чтобы стать судьей менее знающих и соперником более сведущих. Посредством такой подготовки ты скорее всего станешь таким, каким, по нашему мнению, должен быть всякий, кто намерен царствовать правильно и управлять государством как следует. Более же всего ты поощришь себя к этому, если проникнешься убеждением, что скверно, когда худшие правят лучшими, а неразумные распоряжаются умными. Ведь чем сильнее ты будешь презирать чужую глупость, тем больше будешь развивать собственный разум.

Итак, тем, кто намерен достигнуть надлежащей цели, следует начинать с этого, но, кроме того, они должны относиться благожелательно к людям и любить свой город. Ведь невозможно как следует управлять ни лошадьми, ни собаками, ни людьми, ни кем-либо другим, если не относиться с любовью к тому, кого приходится опекать. Заботься о народе и ставь выше всего, чтобы твое правление было ему угодно. Знай, что из всех форм правления – и олигархических, и всяких иных, – те долгие других сохраняются, которые лучше всего заботятся о народе. Ты сможешь отлично управлять народом, если не будешь позволять бесчинствовать толпе и не станешь спускать бесчинства над нею другим, если, напротив того, будешь следить, чтобы лучшие жили в почете, а прочие ни в чем не терпели обиды. Это первый и самый важный принцип хорошего правления. Из установлений и обычаев отменяй или изменяй такие, которые существуют без всякой пользы. Всеми силами старайся изыскать лучшие установления; в противном случае заимствуй то, что есть правильного у других. Ищи для своего государства законы в целом справедливые и полезные, согласные между собой, такие, при которых у граждан возникает менее всего споров, а их разрешение становится наиболее быстрым, ибо именно такие качества и должны быть присущи хорошим установлениям. Старайся сделать для своих граждан труд прибыльным, а тяжбы – убыточными, с тем чтобы этих последних они избегали, а к труду относились с большим рвением. Выноси решения по поводу их споров между собой нелицеприятные и не противоречащие друг другу; всегда суди

одинаково об одном и том же, ибо прилично и полезно, чтобы мнение царей о справедливости оставалось неизменным так же, как хорошо установленные законы. Управляй городом так же, как отцовским хозяйством: с блеском и царственной пышностью при возведении сооружений, со строгостью при взимании налогов, чтобы одновременно и имя свое прославить, и средствами располагать достаточными. Великолепие проявляй не в каких-либо дорогостоящих и преходящих затеях, а в том, о чем уже было сказано, равно как в красивых приобретениях и в благодеяниях друзьям, ибо такого рода издержки и тебе самому будут полезны и потомкам останутся более ценным достоянием, чем потраченные при этом деньги.

Во всем, что касается богов, поступай так, как указали предки; учти, однако, что лучшим приношением и величайшим служением богам будет, если ты выразишь себя наиболее достойным и справедливым человеком, ибо можно ожидать, что именно такие люди, а не те, кто приносит множество жертв, заслужат у богов какой-либо милости. Назначай на почетные должности самых близких тебе людей, истинным же доверием почитай самых преданных. Наиболее надежной охраной для себя считай доблесть друзей, преданность граждан и собственный разум. С их помощью скорее всего можно и приобрести тираническую власть, и удержать ее. Заботься о личном имуществе граждан; имей в виду, что все их траты расточают, а все их приобретения увеличивают твое собственное состояние. Ведь все, что принадлежит населению города, составляет собственность того, кто правильно в нем царствует. Всегда старайся показать, что ты более всего ценишь правду, чтобы твои слова внушали больше доверия, чем клятвы других. Для всех чужеземцев сделай свой город надежным пристанищем и справедливым участником деловых соглашений, более же всего цени из приезжающих не тех, кто везет тебе дары, а тех, кто сам хочет удостоиться их от тебя, ибо почитая таких людей, ты больше прославишься и среди других. Искрени всякий страх из умов граждан и не стремись к тому, чтобы были объаты ужасом те, кто ни в чем не виновен. Ведь как ты других сумеешь расположить к себе, так ты и сам будешь относиться к ним. Не делай ничего в гневе, однако делай вид, что ты раздражен, когда тебе это удобно; Будь в глазах людей и грозным – благодаря умению все замечать, и снисходительным – вследствие обыкновения наказывать мягче, чем того требует проступок.

Доказывай свою способность к управлению не суровостью и не жестокостью наказаний, а стремлением всех превзойти своей мудростью, так, чтобы люди считали, что об их благополучии ты сумеешь позаботиться лучше, чем они сами. Своими знаниями и подготовкой покажи, что ты можешь воевать, а своим отказом от каких бы то ни было несправедливых притязаний - что ты склонен к миру. Так относись к более слабым государствам, как ты хотел бы, чтобы более сильные относились к тебе. В спор вступай не по любому поводу, а лишь из-за того, что в случае победы принесет тебе пользу. Никчемными считай не тех, кто с пользой готов уступить, а тех, кто с ущербом для себя стремится выиграть. Верь, что величие духа присуще не тем, кто берется за дела не по своим силам, а тем, кто стремится к прекрасному и способен

завершить любое свое начинание. Подражай не тем, кто распространил свою власть на множество новых владений, а тем, кто лучше всего управился с уже имеющимися. Имей в виду, что полного счастья ты достигнешь не в том случае, если со страхом, опасностью и насилием будешь повелевать всеми людьми, а если, оставаясь таким, каким следует, и действуя так же, как теперь, будешь стремиться к умеренным целям и всегда достигать их.

Своими друзьями делай не всех желающих, а лишь близких тебе по характеру, и не тех, с кем ты сможешь очень приятно провести время, а тех, чья помощь будет наиболее полезна для управления государством. Тщательной проверке подвергай людей, которые тебя окружают, ибо ты должен знать, что все, кто не имеет к тебе доступа, будут судить о тебе по поведению твоих приближенных. При выборе людей для руководства делами, которые совершаются без твоего участия, не упускай из виду, что ответственность за любые их поступки все равно падет на тебя. Верными считай не тех, кто одобряет все, что бы ты ни говорил или ни делал, а тех, кто порицает тебя за ошибки. Предоставь свободу открыто высказывать свои мысли людям рассудительным, чтобы в случае затруднений иметь помощников, готовых помочь тебе советом. Различай хитрых льстецов и преданных слуг с тем, чтобы плуты не пользовались преимуществом перед честными. Прислушивайся к высказываниям людей друг о друге и старайся понять одновременно и говорящих, что они за люди, и тех, о ком они говорят. Лживых клеветников карай теми же наказаниями, как и преступников.

Властвуй над собою ничуть не меньше, чем над другими; считай, что самое высокое проявление царственных качеств состоит в том, чтобы не быть рабом никаких удовольствий, а напротив, управлять своими страстями еще больше, чем гражданами. Не завязывай никаких знакомств наобум или без расчета, но прични себя находить удовольствие в беседах, из которых и сам почерпнешь полезное, и другим дашь повод судить о тебе лучше. Не проявляй тщеславия в том, что вполне доступно и дурным; лучше гордись добродетелью, которая никак не может быть достоянием негодных. Знай, что проявления уважения бывают подлинными не тогда, когда они высказываются публично и под влиянием страха, а когда люди, находясь у себя дома, больше восхищаются твоими решениями, чем удачей. Старайся скрыть, если тебе случится увлечься каким-либо вздором; наоборот, выставляй напоказ свое рвение в серьезном и значительном деле. Не думай, что всем прочим следует жить благопристойно, а царям позволено предаваться беспутству; лучше сделай собственную скромность примером для других, памятуя о том, что нравственный облик всего государства всегда схож с характером правителей. Пусть будет для тебя признаком успешного царствования, если ты увидишь, что, благодаря твоим стараниям, подданные твои все более преуспевают в богатстве и благоразумии. Знай, что более ценно оставить детям хорошую славу, чем большое богатство, ибо одно преходяще, другое же бессмертно. Деньги можно приобрести с помощью славы, славу же не купить за деньги. Деньги бывают и у никчемных людей, славы же могут достигнуть только выдающиеся. Допускай роскошь в своей одежде и украшениях, но сохраняй суровую

простоту, как это подобает царям, во всех других отношениях, чтобы сторонние наблюдатели считали тебя достойным власти, судя по твоему внешнему виду, а близкие придерживались того же мнения, зная о твоих духовных силах. Всегда обдумывай свои слова и поступки, чтобы допускать как можно меньше ошибок. Конечно, самое лучшее – это дожидаться наиболее удобного случая, но если в обстоятельствах трудно разобраться, тогда лучше отступить, чем зарваться сверх меры. Ведь разумная мера скорее заключается в недостатке, чем в избытке. Старайся быть вежливым, не теряя, однако, достоинства. Ведь достоинство приличествует положению тирана, вежливость же нужна при общении с людьми. Однако это самое трудное из всех предписаний, ибо ты легко можешь убедиться, что люди, стремящиеся сохранить достоинство, по большей части оказываются холодными, а делающие быть вежливыми производят впечатление приниженных. Следует обладать обоими этими качествами, но при этом избегать присущих каждому из них недостатков. Если ты захочешь основательно овладеть каким-либо предметом, знание которого приличествует царям, то изучай его и на опыте, и с помощью философии, ибо занятие философией укажет тебе путь, а практические упражнения дадут силу, чтобы справиться с любым делом.

Наблюдай за всем, что происходит или случается с простыми людьми и с тиранами, ибо если ты будешь держать в памяти события прошлого, то лучше будешь судить о будущем. Ужасно, если в противоположность простым людям, которые подчас идут на гибель, чтобы смертью своей снискать похвалу, цари не будут отваживаться на поступки, которыми они еще при жизни могут прославить свое имя. Стремись к тому, чтобы твои изображения остались скорее напоминанием о твоей доблести, чем воспроизведением твоей внешности. Более всего старайся обеспечить безопасность и себе, и городу; если же придется подвергнуться опасности, предпочитай славную гибель позорному спасению. Во всех делах помни о своей царской власти и заботься о том, чтобы не совершить чего-нибудь недостойного столь высокого положения. Не допускай, чтобы ты погиб со своею смертью: коль скоро ты получил смертное тело, старайся по крайней мере оставить бессмертную память о своей душе. Приучай себя все время рассуждать о хороших поступках, чтобы выработать в себе привычку и думать о том же, о чем говоришь. Что при размышлении покажется тебе наилучшим, то и на деле совершай. Чьей славе завидуешь, тех и поступкам подражай. Что ты хотел бы посоветовать своим детям, тому стремись и сам следовать. Пользуйся этими моими наставлениями или старайся найти лучшие. Мудрыми считай не тех, кто тонко спорит о мелочах, а тех, кто правильно рассуждает о важном; и не таких, которые другим обещают счастье, а сами испытывают массу затруднений, но таких, которые о себе говорят в меру, зато способны управляться с делами и ладить с людьми и не приходят в смущение от превратностей жизни, а умеют хорошо и спокойно переживать и удачи, и неудачи.

Эсхин. Речь

[27]

I. 4-6. Я хорошо знаю, граждане афиняне, что вещи, о которых я намерен говорить в начале своего выступления, вы слышали, по-видимому, уже и от других. Однако мне кажется, будет уместно, если и я теперь выступлю перед вами с тем же самым рассуждением. В самом деле, общепризнано, что во всем мире есть три вида государственного устройства: тирания, олигархия и демократия. Тирании и олигархии управляются личной волею правителей, а государства с демократическим строем – установленными законами. Вы хорошо также знаете, афиняне, что безопасность граждан демократического государства и его политический строй охраняют законы, тогда как безопасность тиранов и олигархов – недоверие и вооруженная стража. Поэтому олигархам и всем, кто управляет государством на основе неравенства, надо остерегаться людей, которые насильственным путем стремятся ниспровергнуть существующий порядок. Напротив, нам, чье государство основано на равенстве и законности, нужно остерегаться тех, чьи речи или чей образ жизни противоречат законам. Ибо вы будете сильны лишь в том случае, если у вас будут хорошие законы и вам не будут угрожать те, кто их нарушает. Я считаю, что, когда мы составляем законы, мы должны заботиться только о том, чтобы принять законы хорошие и полезные для нашего государства. Однако, коль скоро мы приняли эти законы, надо повиноваться им, а неповинующихся – наказывать, если только мы желаем процветания нашему государству.

[28]

III. 169-170. Я думаю, все вы согласны в том, что у приверженца демократии должны быть следующие качества: во-первых, он должен быть человеком хорошего происхождения и со стороны отца, и со стороны матери. Это для того, чтобы он из-за неприятностей, связанных с происхождением, не относился враждебно к законам, охраняющим демократический строй. Во-вторых, у него должны быть предки, совершившие что-либо хорошее для народа или уже во всяком случае не питавшие к народу вражды. Это для того, чтобы он, мстя за неудачи своих предков, не стремился причинить вред нашему государству.

В-третьих, он должен быть рассудительным и скромным в своей повседневной жизни, для того, чтобы из-за безудержной расточительности не брать взяток и не действовать вопреки интересам народа.

В-четвертых, он должен быть благоразумным человеком и искусным оратором. Ибо хорошо, когда рассудительность оратора помогает ему выбирать наилучшие решения, а его образованность и красноречие убеждают слушателей. Если же оба качества не соединены в одном человеке, то благоразумие всегда следует предпочесть красноречию. В-пятых, он должен быть человеком храброй души, чтобы не покинуть город в период бедствий и опасностей.

Человеку олигархических убеждений обязательно присущи качества, противоположные перечисленным.

[29]

Ксенофонт. *Воспоминания о Сократе. IV. 4.15-18.*

Заметил ли ты, спросил Сократ, что спартанец Ликург несколько не возвысил бы Спарту над другими государствами, если бы не вселил в нее в высокой степени дух повиновения законам? Правители в государствах – разве ты этого не знаешь? – самые лучшие те, которые являются главными виновниками того, что граждане повинуются законам. Государство, в котором граждане наиболее повинуются законам, и в мирное время благоденствует и на войне неодолимо. Далее, единоклассники граждан, по общему мнению, есть величайшее благо для государства; очень часто там совет старейшин и лучшие люди увещивают граждан быть единоклассниками; везде в Элладе есть закон, чтобы граждане давали клятву жить в единоклассии, и везде эту клятву дают. Думаю я, это делается не для того, чтобы граждане присуждали награду одним и тем же хорам, чтобы хвалили одних и тех же флейтистов, чтобы отдавали преимущество одним и тем же поэтам, чтобы вообще находили удовольствие в одних и тех же предметах, но чтобы повиновались законам. Если граждане соблюдают их, то государства бывают очень сильны и благоденствуют; а без единоклассия ни государство, ни домашнее хозяйство процветать не могут. Обратимся к частной жизни: кто реже подвергается наказанию со стороны государства, кто чаще получает награды? Тот, кто повинуется законам. Кто в суде реже проигрывает дела, кто чаще выигрывает? Кому лучше можноверить охрану имущества, сыновей, дочерей? Кого государство в целом своем составе признает более заслуживающим доверия, как не того, кто соблюдает законы? От кого скорее могут получить, что следует по праву, родители, родные, слуги, друзья, сограждане, иностранцы? Кому неприятели больше поверят при заключении перемирия, договора, соглашения о мире? С кем всякий охотнее вступит в союз, как не с тем, кто соблюдает законы? Кому союзники скоро вверят предводительство на войне, начальство над гарнизоном, свои города? От кого скорее можно рассчитывать получить благодарность за оказанное благодеяние, как не от того, кто соблюдает законы? Кому скорее можно оказать благодеяние, как не тому, от кого надеешься получить благодарность? С кем всякий больше захочет быть в дружбе, как не с таким, и с кем меньше захочет быть во вражде? С кем всякий меньше захочет воевать, как не с тем, с кем больше всего желает быть в дружбе и меньше всего во вражде и с кем очень многие желают быть друзьями и союзниками и очень немногие – личными врагами и неприятелями на поле битвы? Итак, Гиппий, мое мнение таково, что законное и справедливое – одно и то же; если ты держишься противного мнения, скажи.

Платон

[30]

Критон. 50a-54d. Сократ. Ну так посмотри вот на что: если бы, в то время как мы собирались бы удрать отсюда – или как бы это там ни называлось, – если бы в это самое время пришли сюда Законы и Государство и, заступив нам дорогу, спросили: «Скажи-ка нам, Сократ, что это ты задумал делать? Не задумал ли ты этим самым делом, к которому приступаешь, погубить и нас, Законы, и все Государство, насколько это от тебя зависит? Или тебе кажется, что еще может стоять целым и невредимым то государство, в котором судебные приговоры не имеют никакой силы, но по воле частных лиц становятся недействительными и уничтожаются?» Что скажем мы на это или на что-нибудь подобное, Критон? Ведь не одни только риторы могут сказать многое в защиту того закона, который мы отменяем и который требует, чтобы судебные решения сохраняли силу. Или, может быть, мы возразим, что ведь это же город поступил с нами несправедливо и решил дело неправильно? Это мы, что ли, им скажем?

Критон. Разумеется это самое, Сократ!

Сократ. «Как же это так, – могут сказать Законы, – разве у нас с тобою, Сократ, был еще какой-нибудь договор кроме того, чтобы твердо стоять за судебные решения, которые вынесет город?» И если бы мы стали этому удивляться, то, вероятно, они сказали бы: «Ты

нашим словам не удивляйся, Сократ, но отвечай; кстати, это твое обыкновение – пользоваться вопросами и ответами. Отвечай же нам: за какую нашу вину собираешься ты погубить нас и город? Не мы ли, во-первых, родили тебя, и не с нашего ли благословения отец твой получил себе в жены мать твою и произвел тебя на свет? Ну вот и скажи: порицаешь ли ты что-нибудь в тех из нас, которые относятся к браку?» «Нет, не порицаю», – сказал бы я на это. «Но, может быть, ты порицаешь те, которые относятся к воспитанию родившегося и к его образованию, каковое ты и сам получил? Разве не хорошо распорядились те из нас, которые этим заправляют, требуя е от твоего отца, чтобы он дал тебе мусическое и гимнастическое воспитание?» «Хорошо», – сказал бы я на это.

«Так. Ну а после того, что ты родился, воспитан и образован, можешь ли ты отрицать, во-первых, что ты наше порождение и наш раб – и ты и твои предки? Если же это так, то думаешь ли ты, что по праву можешь с нами равняться? И что бы мы ни намерены были с тобою делать, находишь ли ты справедливым и с нами делать то же самое? Или, может быть, ты думаешь так, что если бы у тебя был отец или господин, то по отношению к ним ты не был бы равноправным, так что если бы ты от них терпел что-нибудь, то не мог бы ни воздавать им тем же самым, ни отвечать бранью на брань, ни побоями на побои и многое тому подобное, ну а уж с Отечеством и Законами все это тебе позволено, так что если мы, находя это справедливым, вознамеримся тебя уничтожить, то и ты, насколько это от тебя зависит, вознамеришься уничтожить нас, Отечество и Законы, и при этом будешь говорить, что поступаешь справедливо, – ты, который поистине заботишься о добродетели? Или уж ты в своей мудрости не замечаешь того, что Отечество драгоценнее и матери, и отца, и всех остальных предков, что оно неприкосновеннее и

священное и в большем почете и у богов, и у людей – у тех, у которых есть ум, и что если Отечество сердится, то его нужно бояться, уступать и угождать ему больше, нежели отцу, и либо его вразумлять, либо делать то, что оно велит, и если оно приговорит к чему-нибудь, то нужно претерпевать это спокойно, будут ли то розги или тюрьма, пошлет ли оно на войну, пошлет ли на раны или на смерть, – что все это нужно делать, что это справедливо и что отнюдь не следует сдаваться врагу, или бежать от него, или бросать свое место, но что и на войне, и на суде, и повсюду следует делать то, что велит Город и Отечество, или же вразумлять их, когда этого требует справедливость, учинять же насилие над матерью или над отцом, а тем паче над Отечеством есть нечестие?» Что мы на это скажем, Критон? Правду ли говорят Законы или нет? Критон. Мне кажется, правду.

Сократ. «Ну вот и рассмотрим, Сократ, – скажут, вероятно, Законы, – правду ли мы говорим, что ты задумал несправедливо то, что ты задумал теперь с нами сделать. В самом деле, мы, которые тебя родили, вскормили, воспитали, наделили всевозможными благами, и тебя и всех прочих граждан, – в то же время мы предупреждаем каждого из афинян, после того как он занесен в гражданский список и познакомился с государственными делами и с нами, Законами, что если мы ему не нравимся, то ему предоставляется взять свое имущество и идти, куда он хочет, и если мы с городом кому-нибудь из вас не нравимся и пожелает кто-нибудь из вас ехать в колонию или поселиться еще где-нибудь, ни один из нас, Законов, не ставит ему препятствий и не запрещает уходить куда угодно, сохраняя при этом свое имущество. О том же из вас, кто остается, зная, как мы судим в наших судах и ведем в городе прочие дела, о таком мы уже говорим, что он на деле согласился с нами исполнять то, что мы велим; а если он не слушается, то мы говорим, что он втройне нарушает справедливость: тем, что не повинуетсЯ нам, своим родителям, тем, что не повинуетсЯ нам, своим воспитателям; и тем, что, согласившись нам повиноватсЯ, он и не повинуетсЯ нам и не вразумляет нас, когда мы делаем что-нибудь нехорошо, и хотя мы предлагаем, а не грубо повелеваем исполнять наши решения и даем ему на выбор одно из двух: или вразумлять нас, или исполнять – он не делает ни того ни другого.

Таким-то вот обвинениям, говорим мы, будешь подвергаться и ты, если сделаешь то, что у тебя на уме, и притом не меньше, а больше, чем все афиняне». А если бы я сказал: «Почему же?», то они, пожалуй, справедливо заметили бы, что ведь я-то крепче всех афинян условился с ними насчет этого. Они сказали бы: «У нас, Сократ, имеются великие доказательства тому, что тебе нравились и мы, и наш город, потому что не сидел бы ты в нем так, как не сидит ни один афинянин, если бы он не нравился тебе так, как ни одному афинянину; и никогда-то не выходил ты из города ни на праздник, ни еще куда бы то ни было, разве что однажды на Истм да еще на войну; и никогда не путешествовал, как прочие люди, и не нападала на тебя охота увидеть другой город и другие законы, с тебя было довольно нас и нашего города – вот до чего предпочитал ты нас и соглашался жить под нашим управлением; да и детьми обзавелся ты в нашем городе потому, что он тебе нравится. Наконец, если бы

хотел, ты еще на суде мог бы потребовать для себя изгнания и сделал бы тогда с согласия города то самое, что задумал сделать теперь без его согласия. Но в то время ты напускал на себя благородство и как будто бы не смущался мыслию о смерти и говорил, что предпочитаешь смерть изгнанию, а теперь и слов этих не стыдишься, и на нас, на Законы, не смотришь, намереваясь нас уничтожить, и поступаешь ты так, как мог бы поступить самый негодный раб, намереваясь бежать вопреки обязательствам и договорам, которыми ты обязался жить под нашим управлением. Итак, прежде всего отвечай нам вот на что: правду ли мы говорим или неправду, утверждая, что ты не на словах, а на деле огласился жить под нашим управлением?» Что мы на это скажем, мой милый Критон? Не согласимся ли мы с этим?

Критон. Непременно, Сократ.

Сократ. «В таком случае, — могут они сказать, — не нарушаешь ли ты обязательства и договоры, которые ты с нами заключил, не бывши принужденным их заключать и не бывши обманутым и не имевши надобности решить дело в короткое время, но за целые семьдесят лет, в течение которых тебе можно было уйти, если бы мы тебе не нравились и если бы договоры эти казались тебе несправедливыми. Ты же не предпочитал ни Лакедемона, ни Крита, столь благоустроенных, как ты постоянно это утверждаешь, ни еще какого-нибудь из эллинических или варварских государств, но выходил отсюда реже, чем выходят хромые, слепые и прочие калеки, — так, особенно по сравнению с прочими афинянами, нравился тебе и наш город, и мы, Законы. А вот теперь ты отказываешься от наших условий? Последовал бы ты нашему совету, Сократ, и не смешил бы ты людей своим уходом из города!

Подумай-ка, в самом деле: нарушив эти условия и оказываясь виновным в чем-нибудь подобном, что сделаешь ты хорошего для себя самого и для своих близких? Что твоим близким будет угрожать изгнание, что они могут лишиться родного города или потерять имущество, это по меньшей мере очевидно. Что же касается тебя самого, то если ты пойдешь в один из ближайших городов, в Фивы или Мегару, так как они оба, Сократ, управляются хорошими законами, то ты придешь туда врагом государственного порядка этих городов, и всякий, кому дорог его город, будет на тебя коситься, считая тебя разрушителем законов, и ты утвердишь за твоими судьями славу, будто бы они правильно решили дело, потому что разрушитель законов весьма может показаться разрушителем молодежи и людей неразумных. Так не намерен ли ты избегать и городов, которые управляются хорошими законами, и людей самых достойных? Но в таком случае стоит ли тебе продолжать жить? Или ты пожелаешь сблизиться с этими людьми и не постыдишься с ними беседовать? Но о чем же беседовать, Сократ? Или о том же, о чем и здесь, — о том, что для людей нет ничего дороже, чем доблесть и праведность, соблюдение уставов и законов? И ты не полагаешь, что а это было бы недостойно Сократа? Надо бы полагать. Но допустим, ты ушел бы дальше от этих мест и прибыл в Фессалию, к друзьям Критона; это точно, что беспорядок там и распущенность величайшие, и, вероятно, они с удовольствием стали бы слушать твой рассказ о том, как это

было смешно, когда ты бежал из тюрьмы переряженный, надевши козлиную шкуру или еще что-нибудь, что надевают обыкновенно при побеге, и изменив свою наружность. А что ты, старый человек, которому, по всей вероятности, недолго осталось жить, решился так малодушно цепляться за жизнь, этого тебе никто не заметит? Может быть, и не заметит, если ты никого не обидишь, а иначе, Сократ, ты услышишь много такого, чего вовсе и не заслужил. И вот будешь ты жить, заискивая у всякого рода людей, и ничего тебе не останется делать, кроме как наслаждаться едой, все равно как если бы ты отправился в Фессалию на ужин. А беседы о справедливости и прочих добродетелях, они куда денутся? Но разумеется, ты желаешь жить ради детей, для того, чтобы вскормить и воспитать их? Как же это, однако? Вскормишь и воспитаешь, уведя их в Фессалию, и вдобавок ко всему прочему сделаешь их чужеземцами? Или ты этого не думаешь делать, а думаешь, что они получат лучшее воспитание и образование, если будут воспитываться при твоей жизни, хотя бы и вдали от тебя? Или ты думаешь, что твои близкие будут о них заботиться, если ты переселишься в Фессалию, а если переселишься в Аид, то не будут? Надо полагать, что будут, если они только на что-нибудь годятся, твои так называемые близкие.

Нет, Сократ, послушайся ты нас, своих воспитателей, и не ставь ничего впереди справедливости – ни детей, ни жизни, ни еще чего-нибудь, чтобы, придя в Аид, ты мог оправдаться этим пред тамошними правителями. В самом деле, если ты сделаешь то, что намерен сделать, то и здесь не будет хорошо ни для тебя, ни для кого-нибудь из твоих – не будет ни справедливо, ни согласно с волею богов, да и после того, как придешь туда, будет не лучше; и если ты уйдешь теперь, то уйдешь обиженный не нами, Законами, а людьми. Если же выйдешь из тюрьмы, столь постыдно воздавши за несправедливость и зло, нарушивши заключенные с нами договоры и обязательства и причинив зло как раз тем, кому всего менее следовало причинять его, – самому себе, друзьям, Отечеству, нам, то и мы будем на тебя сердиться при твоей жизни, да и там наши братья, законы Аида, не примут тебя с радостью, зная, что ты и нас готов был уничтожить, насколько это от тебя зависело. Но да не убедит тебя Критон послушаться скорее его, нежели нас».

[31]

Государство. II. 368с- 374е. Тут Главкон и остальные стали просить меня помочь любым способом и не бросать рассуждения, но, напротив, тщательно исследовать, что такое справедливость и несправедливость и как обстоит с истинной их полезностью. И я сказал свое мнение:

– Исследование, которое мы предприняли, – дело немаловажное, оно под силу, как мне кажется, лишь человеку с острым зрением. Мы недостаточно искусны, а по-моему, чтобы произвести подобное разыскание, это все равно что заставлять людей с не слишком острым зрением читать издали мелко написанные буквы. И вдруг кто-то из них сообразит, что те же самые буквы бывают и крупнее, где-нибудь в надписи большего размера! Я думаю, прямо

находкой была бы возможность прочесть сперва крупное, а затем разобрать и мелкое, если это одно и то же.

– Конечно, – сказал Адимант, – но какое же сходство усматриваешь ты здесь, Сократ, с разысканиями, касающимися справедливости?

– Я тебе скажу. Справедливость, считаем мы, бывает свойственна отдельному человеку, но бывает, что и целому государству.

– Конечно.

– А ведь государство больше отдельного человека?

– Больше.

– Так в том, что больше, вероятно, и справедливость имеет большие размеры и ее легче там изучать. Поэтому, если хотите, мы сперва исследуем, что такое справедливость в государствах, а затем точно так же рассмотрим ее и в отдельном человеке, то есть рассмотрим, в чем меньшее сходно с большим.

– По-моему, это хорошее предложение.

– Если мы мысленно представим себе возникающее государство, мы увидим там зачатки справедливости и несправедливости, не так ли?

– Пожалуй, что так.

Есть надежда, что в таком случае легче будет заметить то, что мы ищем.

– Конечно.

– Так надо, по-моему, попытаться этого достичь. Думаю, что дела у нас тут будет более чем достаточно. Решайте сами.

– Уже решено, – сказал Адимант. – Приступай же.

– Государство, – сказал я, – возникает, как я полагаю, когда каждый из нас не может удовлетворить сам себя, но во многом еще нуждается. Или ты приписываешь начало общества чему-либо иному?

– Нет, ничему иному.

– Таким образом, каждый человек привлекает то одного, то другого для удовлетворения той или иной потребности. Испытывая нужду во многом, многие люди собираются воедино, чтобы обитать сообща и оказывать друг другу помощь: такое совместное поселение и получает у нас название государства, не правда ли?

– Конечно.

– Таким образом, они кое-что уделяют друг другу и кое-что получают, и каждый считает, что так ему будет лучше.

– Конечно.

– Так давай же, – сказал я, – займемся мысленно построением государства с самого начала. Как видно, его создают наши потребности.

– Несомненно.

– А первая и самая большая потребность – это добыча пищи для существования и жизни.

– Безусловно.

– Вторая потребность – жилье, третья – одежда, и так далее.

– Это верно.

– Смотри же, – сказал я, – каким образом государство может обеспечить себя всем этим: не так ли, что кто-нибудь будет земледельцем, другой – строителем,

третий – ткачом? И не добавить ли нам к этому сапожника и еще кого-нибудь из тех, кто обслуживает телесные наши нужды?

– Конечно.

– Самое меньшее, государству необходимо состоять из четырех или пяти человек.

– По-видимому.

– Так что же? Должен ли каждый из них выполнять свою работу с расчетом на всех? Например, земледелец, хотя он один, должен ли выращивать хлеб на четверых, тратить вчетверо больше времени и трудов и уделять другим от того, что он произвел, или же, не заботясь о них, он должен производить лишь четвертую долю этого хлеба, только для самого себя, и тратить на это всего лишь четвертую часть своего времени, а остальные три его части употребить на постройку дома, изготовление одежды, обуви и не хлопотать о других, а производить все своими силами и лишь для себя?

– Пожалуй, Сократ, – сказал Адимант, – первое будет легче, чем это.

– Здесь нет ничего странного, клянусь Зевсом. Я еще раньше обратил внимание на твои слова, что люди рождаются не слишком похожими друг на друга, их природа бывает различна, так что они имеют различные способности к тому или иному делу. Разве не таково твое мнение?

– Да, таково.

– Так что же? Кто лучше работает – тот, кто владеет многими искусствами или же только одним?

– Тот, кто владеет одним.

– Ясно, по-моему, и то, что стоит упустить время для какой-нибудь работы, и ничего не выйдет.

– Конечно, ясно.

– И по-моему, никакая работа не захочет ждать, когда у работника появится досуг; наоборот, он постоянно должен уделять ей внимание, а не заниматься ею так, между прочим.

– Непременно.

– Поэтому можно сделать все в большем количестве, лучше и легче, если выполнять одну какую-нибудь работу соответственно своим природным задаткам, и притом вовремя, не отвлекаясь на другие работы.

– Несомненно.

– Так вот, Адимант, для обеспечения того, о чем мы говорили, потребуется больше чем четыре члена государства. Ведь земледелец, вероятно, если нужна хорошая соха, не сам будет изготавливать ее для себя, или мотыгу и прочие сельскохозяйственные орудия. В свою очередь и домостроитель – ему тоже требуется многое. Подобным же образом и ткач, и сапожник. Не так ли?

– Это правда.

– Плотники, кузнецы и разные такие мастера, если их включить в наше маленькое государство, сделают его многолюдным.

– И даже очень.

– Все же оно не будет слишком большим, даже если мы к ним добавим волопасов, овчаров и прочих пастухов, чтобы у земледельцев были волы для

пахоты, у домостроителей вместе с земледельцами – подъяремные животные для перевозки грузов, а у ткачей и сапожников – кожа и шерсть.

– Но и немалым будет государство, где все это есть.

– Но разместить такое государство в местности, где не понадобится ввоза, почти что невозможно.

– Невозможно.

– Значит, вдобавок понадобятся еще и люди для доставки того, что требуется, из другой страны.

– Понадобятся.

– Но если такой посредник отправится в другую страну порожняком, не взяв с собой ничего такого, в чем нуждаются те люди, от которых он собирается забрать то, что нужно здесь, то он так и уедет от них ни с чем.

– По-моему, да.

– Следовательно, здесь нужно будет производить не только то, что достаточно для самих себя, но и все то, что требуется там, сколько бы этого ни требовалось.

– Да, это необходимо.

– Нашей общине понадобится побольше земледельцев и разных ремесленников.

– Да, побольше.

– И посредников для всякого рода ввоза и вывоза. А ведь это – купцы. Разве нет?

– Да.

– Значит, нам потребуются и купцы.

– Конечно.

– А если это будет морская торговля, то вдобавок потребуется еще и немало людей, знающих морское дело.

– Да, немало.

– Так что же? Как будут они передавать друг другу все то, что каждый производит внутри самого государства? Ведь ради того мы и основали государство, чтобы люди вступили в общение.

– Очевидно, они будут продавать и покупать.

– Из этого у нас возникнет и рынок, и монета – знак обмена.

– Конечно.

– Если земледелец или кто другой из ремесленников, доставив на рынок то, что он производит, придет не в одно и то же время с теми, кому нужно произвести с ним обмен, неужели же он, сидя на рынке, будет терять время, нужное ему для работы?

– Совсем нет, – сказал Адимант. – Найдутся ведь люди, которые, видя это, предложат ему свои услуги. В благоустроенных государствах это, пожалуй, самые слабые телом и непригодные ни к какой другой работе. Они там, на рынке, только того и ждут, а чтобы за деньги приобрести что-нибудь у тех, кому нужно сбыть свое, и опять-таки обменять это на деньги с теми, кому нужно что-то купить.

– Из-за этой потребности появляются у нас в городе мелкие торговцы. Разве не назовем мы так посредников по купле и продаже, которые засели на рынке? А тех, кто странствует по городам, мы назовем купцами.

– Конечно.

– Бывают, я думаю, еще и какие-то иные посредники: разумение их таково, что с ними не очень-то стоит общаться, но они обладают телесной силой, достаточной для тяжелых работ. Они продают внаем свою силу и называют жалованьем цену за этот наем, потому-то, я думаю, их и зовут наемниками. Не так ли?

– Конечно, так.

– Для полноты государства, видимо, нужны и наемники.

– По-моему, да.

– Так разве не разрослось у нас, Адимант, государство уже настолько, что можно его считать совершенным?

– Пожалуй.

– Где же в нем место справедливости и несправедливости? В чем из того, что мы разбирали, они проявляются?

– Я лично этого не вижу, Сократ. Разве что в какой-то взаимной связи этих самых занятий.

– Возможно, ты прав. Надо тщательно исследовать и не отступаться. Прежде всего рассмотрим образ жизни людей, так подготовленных. Они будут производить хлеб, вино, одежду, обувь, будут строить дома, летом большей частью работать обнаженными и без обуви, а зимой достаточно одетыми и обутыми. Питаться они будут, изготовляя себе крупу из ячменя и пшеничную муку; крупу будут варить, тесто месить и выпекать из него великолепные булки и хлеб, раскладывая их в ряд на тростнике или на чистых листьях. Возлежа на подстилках, усеянных листьями тиса и мирта, они будут пировать, и сами и их дети, попивая вино, будут украшать себя венками и воспевать богов, радостно общаясь друг с другом; при этом, остерегаясь бедности и с войны, они будут иметь детей не свыше того, чем позволяет им их состояние.

Тут Главкон прервал меня:

– Похоже, ты заставляешь этих людей угощаться без всяких приправ!

– Твоя правда, – сказал я, – совсем забыл, что у них будут и приправы. Ясно, что у них будет и соль, и маслины, и сыр, и лук-порей, и овощи, и они будут варить какую-нибудь деревенскую похлебку. Мы добавим им и лакомства: смокву, горошек, бобы; плоды мирта и буковые орехи они будут жарить на огне и в меру запивать вином. Так проведут они жизнь в мире и здоровье и, достигнув, по всей вероятности, глубокой старости, скончаются, завещав своим потомкам такой же образ жизни.

– Если бы, Сократ, – возразил Главкон, – устраиваемое тобой государство состояло из свиней, какого, как не этого, задал бы ты им корму?

– Но что же иное требуется, Главкон?

– То, что обычно принято: возлежать на ложах, обедать за столом, есть те кушанья и лакомства, которые имеют нынешние люди, – вот что, по-моему, нужно, чтобы не страдать от лишений.

– Хорошо, – сказал я, – понимаю. Мы, вероятно, рассматриваем не только возникающее государство, но и государство богатое. Может быть, это и неплохо. Ведь, рассматривая и такое государство, мы, вполне возможно, заметим, каким образом в государствах возникает справедливость и несправедливость. То государство, которое мы разобрали, представляется мне подлинным, то есть здоровым. Если вы хотите, ничто не мешает нам присмотреться и к государству, которое лихорадит. В самом деле, иных, по-видимому, не удовлетворит все это и такой простой образ жизни – им подавай и ложа, и столы, и разную утварь, и кушанья, мази и благовония, а также гетер, вкусные пироги, да чтобы всего этого было побольше. Выходит, что необходимым надо считать уже не то, о чем мы говорили вначале, – дома, обувь, одежду, нет, подавай нам картины и украшения, золото и слоновую кость – все это нам нужно. Не правда ли?

– Да.

– Так не придется ли увеличить это государство? То, здоровое, государство уже недостаточно, его надо заполнить кучей такого народа, присутствие которого в государстве не вызвано никакой необходимостью; таковы, например, всевозможные охотники, а также подражатели – их много по части рисунков и красок, много и в мусическом искусстве: поэты и их исполнители, рапсоды, актеры, хоревты, подрядчики, мастера различной утвари, изделий всякого рода и женских уборов. Понадобится побольше и посредников: разве, по-твоему, не нужны будут там наставники детей, кормилицы, воспитатели, служанки, цирюльники, а также кулины и повара? Понадобятся нам и свинопасы. Этого не было у нас в том, первоначальном государстве, потому что ничего такого не требовалось. А в этом государстве понадобится и это, да и множество всякого скота, раз идет в пищу мясо. Не так ли?

– Конечно.

– Потребность во врачах будет у нас при таком образе жизни гораздо больше, чем прежде.

– Много больше.

– Да и страна, тогда достаточная, чтобы прокормить население, теперь станет мала. Или как мы скажем?

– Именно так.

– Значит, нам придется отрезать часть от соседней страны, если мы намерены иметь достаточно пастбищ и пашен, а нашим соседям в свою очередь захочется отхватить часть от нашей страны, если они тоже пустятся в бесконечное стяжательство, перейдя границы необходимого.

– Это совершенно неизбежно, Сократ.

– В результате мы будем воевать, Главкон, или как с этим будет?

– Да, придется воевать.

– Пока мы еще ничего не станем говорить о том, влечет ли за собой война зло или благо, скажем только, что мы открыли причину войны – главного источника частных и общественных бед, когда она ведется.

– Конечно.

— Вдобавок, друг мой, придется увеличить наше государство не на какой-то пустяк, а на целое войско: оно выступит на защиту всего достояния, на защиту того, о чем мы теперь говорили, и будет отражать нападение.

— Как так? Разве мы сами к этому не способны?

— Не способны, если ты и все мы правильно решили этот вопрос, когда строили наше воображаемое государство. Решили же мы, если ты помнишь, что не возможно одному человеку с успехом владеть многими искусствами.

— Ты прав.

— Что же? Разве, по-твоему, военные действия не требуют искусства?

— И даже очень.

— Разве надо больше беспокоиться о сапожном, а не о военном искусстве?

— Ни в коем случае.

— Чтобы у нас успешнее шло сапожное дело, мы запретили сапожнику даже пытаться стать земледельцем, или ткачом, или домостроителем; так же точно и всякому другому мы поручили только одно дело, к которому он годится по своим природным задаткам, этим он и будет заниматься всю жизнь, не отвлекаясь ни на что другое, и достигнет успеха, если не упустит время. А разве не важно хорошее выполнение всего, что относится к военному делу? Или оно настолько легко, что земледелец, сапожник, любой другой ремесленник может быть вместе с тем и воином? Прилично играть в шашки или в кости никто не научится, если не занимался этим с детства, а играл так, между прочим. Неужели же стоит только взять щит или другое оружие и запастись военным снаряжением – и сразу станешь способен сражаться, будь то в рядах гоплитов или других воинов? Никакое орудие только оттого, что оно очутилось у кого-либо в руках, не делает его сразу мастером или атлетом и будет бесполезно, если человек не умеет с ним обращаться и недостаточно упражнялся.

— Иначе этим орудиям и цены бы не было!

— Значит, чем более важно дело стражей, тем более оно несовместимо с другими занятиями, ведь оно требует мастерства и величайшего старания.

— Думаю, что это так.

— Для этого занятия требуется иметь соответствующие природные задатки.

— Конечно.

— Пожалуй, если только мы в состоянии, нашим делом было бы отобрать тех, кто по своим природным свойствам годен для охраны государства.

[32]

Государство. IV. 420b-424a. Мы основываем это государство, вовсе не имея в виду сделать как-то особенно счастливым один из слоев его населения, но, наоборот, хотим сделать таким все государство в целом. Ведь именно в таком государстве мы рассчитывали найти справедливость, а несправедливость, наоборот, в наилучшем государственном строе и на основании этих наблюдений решить вопрос, так долго нас занимающий. Сейчас мы лепим в нашем воображении государство, как мы полагаем, счастливое, но не в отдельно взятой его части, не так, чтобы лишь кое-кто в нем был счастлив, но

так, чтобы оно было счастливо все в целом; а вслед за тем мы рассмотрим государство, ему противоположное. <...> «Вот и сейчас – не заставляй нас соединять с должностью стражей такое счастье, что оно делает их кем угодно, только не стражами. Мы сумели бы и земледельцев нарядить в пышные одежды, оделъ в золото и предоставить им лишь для собственного удовольствия возделывать землю, а гончары пускай с удобством разлягутся у очага, пьют себе вволю и пируют, пододвинув поближе гончарный круг и занимаясь своим ремеслом лишь столько, сколько им захочется. И всех остальных мы подобным же образом можем сделать счастливыми, чтобы так процветало все государство.

Нет, не уговаривай нас, ведь если мы тебя послушаем, то и земледелец не будет земледельцем, и гончар – гончаром, и вообще никто из людей, составляющих государство, не сохранит своего лица. Впрочем, в иных случаях это еще не так важно. Ведь если сапожники станут негодными, испорченными и будут выдавать себя не за то, что они есть на самом деле, в этом государстве еще нет беды. Но если люди, стоящие на страже законов и государства, таковы не по существу, а только такими кажутся, ты увидишь, что они разрушат до основания все государство, и только у них одних будет случай хорошо устроиться и процветать».

Если мы сделаем стражей подлинными стражами, они никоим образом не станут причинять зла государству. А кто толкует о каких-то земледельцах, словно они не члены государства, а праздные и благополучные участники всенародного пиршества, тот, вероятно, имеет в виду не государство, а что-то иное. Нужно решить, ставим ли мы стражей, имея в виду наивысшее благополучие их самих, или же нам надо заботиться о государстве в целом и его процветании. Стражей и их помощников надо заставить способствовать этому и надо внушить им, чтобы они стали отличными мастерами своего дела, да и всем остальным тоже. Таким образом, при росте и благоустройстве нашего государства надо предоставить всем сословиям возможность иметь свою долю в общем процветании соответственно их природным данным. <...> – Так, по-видимому, мы нашли для наших стражей еще что-то такое, чего надо всячески остерегаться, как бы оно не проникло в государство незаметным для стражей образом.

– Что же это такое?

– Богатство и бедность. Одно ведет к роскоши, лени, новшествам, другая кроме новшеств – к низостям и злодеяниям. <...>

– Счастлив ты, если считаешь, что заслуживает названия государства какое-нибудь иное, кроме того, которое основываем мы.

– Но почему же?

– У всех остальных название должно быть длиннее, потому что каждое из них представляет собою множество государств, а вовсе не «город», как выражаются игроки. Как бы там ни было, в них заключены два враждебных между собой государства: одно – бедняков, другое – богачей; и в каждом из них опять-таки множество государств, так что ты промахнешься, подходя к ним как к чему-то единому. Если же ты подойдешь к ним как к множеству и

передашь денежные средства и власть одних граждан другим или самих их переведешь из одной группы в другую, ты всегда приобретешь себе союзников, а противников у тебя будет немного. И пока государство управляется разумно, как недавно и было нами установлено, его мощь будет чрезвычайно велика; я говорю не о показной, а о подлинной мощи, если даже государство защищает всего лишь тысяча воинов. Ни среди эллинов, ни среди варваров нелегко найти хотя бы одно государство, великое в этом смысле, между тем как мнимо великих множество и они во много раз больше нашего государства. Или ты считаешь иначе?

– Нет, клянусь Зевсом.

– Стало быть, как раз это и служило бы нашим правителям пределом для необходимой величины устраиваемого ими государства; и соответственно его размерам они и определяют ему количество земли, не посягая на большее.

– О каком пределе ты говоришь?

– По-моему, вот о каком: государство можно увеличивать лишь до тех пор, пока оно не перестает быть единым, но не более этого.

– Прекрасно.

– Стало быть, мы дадим нашим стражам еще и такое задание: всячески следить за тем, чтобы наше государство было не слишком малым, но и не мнимо большим – оно должно быть достаточным и единым.

– Легкую же мы им задали задачу!

– А еще легче будет им то, о чем мы уже упоминали, говоря, что потомство стражей, если оно неудачно, надо переводить в другие сословия, а одаренных людей из остальных сословий – в число стражей. Этим мы хотели показать, что и каждого из остальных граждан надо ставить на то одно дело, к которому у него есть способности, чтобы, занимаясь лишь тем делом, которое ему подобает, каждый представлял бы собою единство, а не множество: так и все государство в целом станет единым, а не множественным.

– Эта задача проще той.

– Кто-нибудь, возможно, найдет, дорогой мой Адимант, что все наши требования слишком многочисленны и высоки для стражей. Между тем всё это пустяки, если они будут стоять, как говорится, на страже одного лишь великого дела или, скорее, не великого, а достаточного.

– А что это за дело?

– Обучение и воспитание. Если путем хорошего обучения стражи станут умеренными людьми, они и сами без труда разберутся в этом, а также и во всем том что мы сейчас опускаем, например подыскание себе жены и брак, а также деторождение. Ведь все это надо согласовать с пословицей: «У друзей все общее».

– Это было бы вполне правильно.

– Да и в самом деле, стоит только дать первый толчок государственному устройству, и оно двинется вперед само, набирая силы, словно колесо. Ведь правильное воспитание и обучение пробуждает в человеке хорошие природные задатки, а у кого они уже были, те благодаря такому воспитанию

становятся еще лучше и вообще, и в смысле передачи их своему потомству, что наблюдается у всех живых существ.

[33]

Государство.VIII. 543a-569c Пусть так. Мы с тобой уже согласились, Главкон, что в образцово устроенном государстве жены должны быть общими, дети – тоже, да и все их воспитание будет общим; точно так же общими будут военные и мирные занятия, а царями надо всем этим должны быть наиболее отличившиеся в философии и в военном деле.

– Да, мы в этом согласились.

– И договорились насчет того, что, как только будут назначены правители, они возьмут своих воинов и расселят их по тем жилищам, о которых мы упоминали ранее; ни у кого не будет ничего собственного, но всё у всех общее. Кроме жилищ мы уже говорили, если ты помнишь, какое у них там будет имущество.

– Помню, мы держались взгляда, что никто не должен ничего приобретать, как это все делают теперь. За охрану наши стражи, подвигающиеся в военном деле, будут получать от остальных граждан вознаграждение в виде запаса продовольствия на год, а обязанностью их будет заботиться обо всем государстве.

– Ты правильно говоришь. Раз с этим у нас покончено, то, чтобы продолжить наш прежний путь, давай припомним, о чем у нас была речь перед тем, как мы уклонились в сторону.

– Нетрудно припомнить. Ты закончил свое рассуждение об устройстве государства примерно теми же словами, что и сейчас, а именно что ты считаешь хорошим рассмотренное нами тогда государство и соответствующего ему человека, хотя мог бы указать на государство еще более прекрасное и соответственно на такого человека. Раз подобное государственное устройство правильно, сказал ты, все остальные порочны.

Насколько помню, ты говорил, что Четыре вида имеется четыре вида порочного государственного устройства и что стоило бы в них разобраться, дабы увидеть их порочность воочию; то же самое, сказал ты, касается и соответствующих людей: их всех тоже стоит рассмотреть. Согласившись между собой, мы взяли бы самого лучшего человека и самого худшего и посмотрели бы, правда ли, что наилучший человек – самый счастливый, а наихудший – самый жалкий, или дело обстоит иначе. Когда я задал вопрос, о каких четырех видах государственного устройства ты говоришь, тут нас прервали Полемарх и Адимант, и ты вел с ними беседу, пока мы не подошли к этому вопросу.

– Ты совершенно верно припомнил.

– Так вот ты снова и займи, подобно борцу, то же самое положение и на тот же самый мой вопрос постарайся ответить так, как ты собирался тогда.

– Если только это в моих силах.

– А мне и в самом деле не терпится услышать, о каких это четырех видах государственного устройства ты говорил.

– Услышишь, это нетрудно. Я говорю как раз о тех видах, которые пользуются известностью. Большинство одобряет критско-лакедемонское устройство. На втором месте, менее одобряемая, стоит олигархия: это государственное устройство, преисполненное множества зол. Из нее возникает отличная от нее демократия. Прославленная тирания отлична от них всех – это четвертое и крайнее заболевание государства. Может быть, у тебя есть какая-нибудь иная идея государственного устройства, которая ясно проявлялась бы в каком-либо виде? Ведь наследственная власть и приобретаемая за деньги царская власть, а также разные другие, подобные этим государственные устройства занимают среди указанных устройств какое-то промежуточное положение и у варваров встречаются не реже, чем у эллинов.

– Да, об этом рассказывают много удивительного.

– Итак, ты знаешь, что у различных людей непременно бывает столько же видов духовного склада, сколько существует видов государственного устройства. Или ты думаешь, что государственные устройства рождаются неведь откуда – от дуба либо от скалы, а не от тех нравов, что наблюдаются в государствах и влекут за собой все остальное, так как на их стороне перевес?

– Ни в коем случае, но только от этого.

– Значит, раз видов государств о соответствии пять, то и у различных людей должно быть пять различных устройств души.

– И что же?

– Человека, соответствующего правлению лучших – аристократическому, мы уже разобрали и правильно признали его хорошим и справедливым.

– Да, его мы уже разобрали.

– Теперь нам надо описать и худших, иначе говоря, людей, соперничающих между собой и честолюбивых – соответственно лакедемонскому строю, затем – человека олигархического, демократического и тиранического, чтобы, указав на самого несправедливого, противопоставить его самому справедливому и этим завершить наше рассмотрение вопроса, как относится чистая справедливость к чистой несправедливости с точки зрения счастья или несчастья для ее обладателя. И тогда мы либо поверим Фрасимаху и устремимся к несправедливости, либо придем к тому выводу, который теперь становится уже ясен, и будем соблюдать справедливость.

– Безусловно, надо так сделать.

– Раз мы начали с рассмотрения государственных нравов, а не отдельных лиц, потому что там они более четки, то и теперь возьмем сперва государственный строй, основывающийся на честолюбии (не могу подобрать другого выражения, все равно назовем ли мы его «тимократией» или «тимархией»), и соответственно рассмотрим подобного же рода человека; затем – олигархию и олигархического человека; далее бросим взгляд на демократию и понаблюдаем человека демократического; наконец, отправимся в государство, управляемое тиранически, и посмотрим, что там делается, опять-таки обращая внимание на тиранический склад души. Таким образом, мы постараемся стать достаточно сведущими судьями в намеченных нами вопросах.

– Такое рассмотрение было бы последовательным и основательным.

– Ну так давай попытаемся указать, каким способом из аристократического правления может получиться тимократическое. Может быть, это совсем просто, и изменения в государстве обязаны своим происхождением раздорам, возникающим внутри той его части, которая обладает властью? Если же в ней царит согласие, то, хотя бы она была и очень мала, строй останется незбылемым.

– Да, это так.

– Что же именно может, Главкон, пошатнуть наше государство и о чем могут там спорить между собой попечители и правители? Или хочешь, мы с тобой, как Гомер, обратимся с мольбой к Музам, е чтобы они нам поведали, «как впервые вторгся раздор», и вообразим, что они станут отвечать нам высокопарно, на трагический лад и как будто всерьез, на самом же деле это будет с их стороны лишь шутка, и они будут поддразнивать нас, как детей.

– Что же они нам скажут?

– Что-нибудь в таком роде: «Трудно пошатнуть государство, устроенное подобным образом. Однако раз всему, что возникло, бывает конец, то даже и такой строй не сохранится вечно, но подвергнется разрушению. Означать же это будет следующее: урожай и неурожай бывает не только на то, что произрастает из земли, но и на то, что на ней обитает, – на души и на тела, всякий раз как круговращение приводит к полному завершению определенного цикла: у недолговечных существ этот цикл краток, у долговечных – наоборот. Хотя и мудры те, кого вы воспитали как руководителей государства, однако и они ничуть не больше других людей будут способны установить путем рассуждения, основанного на ощущении, наилучшую пору плодоношения и, напротив, время бесплодия для вашего рода. Этого им не постичь, и сами они станут рожать детей в неурочное время. Для божественного потомства существует кругооборот, охватываемый совершенным числом, а для человеческого есть число 12, в котором – первое из всех – возведение в квадратные и кубические степени, содержащие три промежутка и четыре предела (уподобление, неуподобление, рост и убыль), с делает все соизмеримым и выразимым. Из этих чисел четыре трети, сопряженные с пятеркой, после трех увеличений дадут два гармонических сочетания, одно – равностороннее, то есть взятое сотней столько же раз, а другое – с той же длиной, но продолговатое; иначе

говоря, число выразимых диаметров пятерки берется сто раз с вычетом каждый раз единицы, а из невыразимых вычитается по двойке, и они сто раз берутся кубом тройки. Все в целом это число геометрическое, и оно имеет решающее значение для лучшего или худшего качества рождений. Коль это останется невдомек нашим стражам и они не в пору сведут невест с женихами, то не родятся дети с хорошими природными задатками и со счастливой участью. Прежние стражи назначают своими преемниками лучших из этих детей, но все равно те не будут достойны и, чуть лишь займут должности своих отцов, станут нами пренебрегать, несмотря на то что они стражи. Мусические искусства, а вслед за тем и гимнастические они не оценят как должно; от этого юноши у нас будут менее образованны, и из их среды выйдут

правители, не слишком способные блести и испытывать Гесиодовы поколения, ведь и у вас они те же, то есть золотое, серебряное, медное и железное. Когда железо примешается к серебру, а медь к золоту, возникнут отклонения и нелепые сочетания, а это, где бы оно ни случилось, сразу порождает вражду и раздор. Надо признать, что, где бы ни возник раздор, он «вечно такой природы».

– Признаться, Музы отвечают нам правильно.

– Это и немудрено, раз они Музы.

– А что они говорят после этого?

– Если возник раздор, это значит, что каждые два рода увлекали в свою сторону: железный и медный влекли к наживе, приобретению земли и дома, а также золота и серебра, а золотой и серебряный рода, не бедные, но, наоборот, по своей природе богатые, вели души к добродетели и древнему устройению. Борясь и соперничая друг с другом, они пришли наконец к чему-то среднему: согласились установить частную собственность на землю и дома, распределив их между собою, а тех, кого они до той поры охраняли как своих свободных друзей и кормильцев, решили обратить в рабов, сделав из них сельских рабочих и слуг, сами же занялись военным делом и сторожевой службой.

– Эта перемена, по-моему, оттуда и пошла.

– Значит, такой государственный строй – нечто среднее между аристократией и олигархией.

– Несомненно.

— Так совершится этот переход; и каким же будет тогда государственное устройство? По-видимому, отчасти оно будет подражанием предшествовавшему строю, отчасти же – олигархии, раз оно занимает промежуточное положение, но кое-что будет в нем и свое, особенное.

– Да, будет.

– В почитании правителей, в том, что защитники страны будут воздерживаться от земледельческих работ, ремесел и остальных видов наживы, в устройстве совместных трапез, в телесных упражнениях и воинских состязаниях – во всем подобном этот строй будет подражать предшествовавшему.

– Да.

– Там побоятся ставить мудрых людей на государственные должности, потому что там уже нет подобного рода простосердечных и прямых людей, а есть лишь люди смешанного нрава; там будут склоняться на сторону тех, что яростны духом, а также и тех, что попроще – скорее рожденных для войны, чем для мира; там будут в чести военные уловки и ухищрения, ведь это государство будет вечно воевать. Вот каковы будут многочисленные особенности этого строя.

– Да.

– Такого рода люди будут жадны до денег, как это водится при олигархическом строе; в омрачении они, как дикари, почитают золото и серебро, у них заведены кладовые и домашние хранилища, чтобы все это прятать, свои жилища они окружают оградой, и там, прямо-таки как в собственном логове, они тратятся, не считаясь с расходами, на женщин и на кого угодно.

- Совершенно верно.
- Они бережливы, так как деньги у них в чести; свое состояние они скрывают и не прочь пожить на чужой счет. Удовольствиям они предаются втайне, убегая от закона, как дети от строгого отца, ведь воспитало их насилие, а не убеждение, потому что они пренебрегали подлинной Музой, той, чья область – речи и философия, а телесные упражнения ставили выше мусического искусства.
- Ты говоришь о таком государственном строе, где зло полностью смешалось с добром.
- Действительно, в нем все смешано; одно только там бросается в глаза – соперничество и честолюбие, так как там господствует яростный дух.
- И это очень сильно заметно.
- Подобный государственный строй возникает, не правда ли, именно таким образом и в таком виде. В моем изложении он очерчен лишь в общем и подробности опущены, ибо уже и так можно заметить, каким там будет человек: отменно справедливым или, напротив, очень несправедливым, а рассматривать все правления и все нравы, вовсе ничего не пропуская, было бы делом очень и очень долгим.
- <...>
- Следующим после этого государственным строем была бы, я так думаю, олигархия.
- Что за устройство ты называешь олигархией?
- Это строй, основывающийся на имущественном цензе; у власти стоят там богатые, а бедняки не участвуют в правлении.
- Понимаю.
- Надо ли сперва остановиться на том, как тимократия переходит в олигархию?
- Да, конечно.
- Но ведь и слепому ясно, как совершается этот переход.
- Как?
- Скопление золота в кладовых у частных лиц губит тимократию; они прежде всего выискивают, на что бы его употребить, и для этого перетолковывают законы, мало считаясь с ними; так поступают и сами богачи, и их жены.
- Естественно.
- Затем, наблюдая, в чем кто преуспевает, и соревнуясь друг с другом, они уподобляют себе и все население.
- Это также естественно.
- Чем больше они ценят дальнейшее продвижение по пути наживы, тем меньше почитают они добродетель. Разве не в таком соотношении находятся богатство и добродетель, что, положи их на разные чаши весов, и одно всегда будет перевешивать другое?
- Конечно.
- Раз в государстве почитают богатство и богачей, значит, там меньше ценятся добродетель и ее обладатели.
- Очевидно.

- А люди всегда предаются тому, что считают ценным, и пренебрегают тем, что не ценится.
- Это так.
- Кончается это тем, что вместо стремления выдвинуться и удостоиться почестей развивается склонность к стяжательству и наживе и получают одобрение богачи – ими восхищаются, их назначают на государственные должности, а бедняки там не в почете.
- Конечно.
- Установление имущественного ценза становится законом и нормой олигархического строя: чем более этот строй олигархичен, тем выше ценз; чем менее олигархичен, тем ценз ниже. Заранее объявляется, что к власти не допускаются те, у кого нет установленного имущественного ценза. Такого рода государственный строй держится применением вооруженной силы или же был еще прежде установлен путем запугивания. Разве это не верно?
- Да, верно.
- Короче говоря, так он и устанавливается.
- Да. Но какова его направленность и в чем состоит та порочность, которая, как мы сказали, ему свойственна?
- Главный порок – это норма, на которой он основан. Посуди сам: если кормчих на кораблях назначать согласно имущественному цензу, а бедняка, будь он и больше способен к управлению кораблем, не допускать...
- Никуда бы не годилось такое кораблевождение!
- Так разве не то же самое и в любом деле, где требуется управление?
- Я думаю, то же самое.
- За исключением государства? Или в государстве так же?
- Еще гораздо больше, поскольку управлять им крайне трудно, а значение этого дела огромно.
- Так вот уже это было бы первым крупным недостатком олигархии.
- По-видимому.
- А разве не так важно следующее...
- Что именно?
- Да то, что подобного рода государство неизбежно не будет единым, а в нем как бы будут два государства: одно – бедняков, другое – богачей. Хотя они и будут населять одну и ту же местность, однако станут вечно злоумышлять друг против друга.
- Клянусь Зевсом, этот порок не менее важен.
- Но нехорошо еще и то, что они, пожалуй, не смогут вести какую бы то ни было войну, так как неизбежно получится бы, что олигархи, дав оружие в руки толпы, боялись бы ее больше, чем неприятеля, либо, отказавшись от вооружения толпы, выказали бы себя настоящими олигархами даже в военном деле. Вдобавок они не пожелали бы тратиться на войну, так как держатся за деньги.
- Это нехорошо.
- Так как же? Ведь мы уже и раньше не одобрили, что при таком государственном строе одни и те же лица будут и землю обрабатывать, и

деньги наживать, и нести военную службу, то есть заниматься всем сразу. Или, по-твоему, это правильно?

– Ни в коем случае.

– Посмотри, не при таком ли именно строе разовьется величайшее из всех этих зол?

– Какое именно?

– Возможность продать все свое имущество – оно станет собственностью другого, – а продавши, продолжать жить в этом же государстве, не принадлежа ни к одному из его сословий, то есть не будучи ни дельцом, ни ремесленником, ни всадником, ни гоплитом, но тем, кого называют бедняками и неимущими.

– Такой строй словно создан для этого!

– При олигархиях ничто не препятствует такому положению, иначе не были бы в них одни чрезмерно богатыми, а другие совсем бедными.

– Верно.

– Взгляни еще вот на что: когда богатый человек расходует свои средства, приносит ли это хоть какую-нибудь пользу подобному государству в том смысле, как мы только что говорили? Или это лишь видимость, будто он принадлежит к тем, кто правит, а, по правде говоря, он в государстве и не правитель, и не подданный, а попросту растратчик готового?

– Да, это лишь видимость, а на деле он не что иное, как расточитель.

– Если ты не возражаешь, мы скажем, что, как появившийся в сотах трутень – болезнь для роя, так и подобный тунеядец в доме – болезнь для государства.

– Конечно, Сократ.

– И не правда ли, Адиант, всех летающих трутней бог сотворил без жала, а вот из тех, что ходят пешком, он одним не дал жала, зато других наделил ужаснейшим. Те, у кого жала нет, весь свой век – бедняки, а из наделенных жалом выходят те, кого кличут преступниками.

– Сущая правда.

– Значит, ясно, что, где бы ты ни увидел бедняков в государстве, там укрываются и те, что воруют, срезают кошельки, оскверняют храмы и творят много других злых дел.

– Это ясно.

– Так что же? Разве ты не замечаешь бедняков в олигархических государствах?

– Да там чуть ли не все бедны, за исключением правителей.

– Так не вправе ли мы думать, что там, с другой стороны, много и преступников, снабженных жалом и лишь насильственно сдерживаемых стараниями властей?

– Конечно, мы можем так думать.

– Не признать ли нам, что такими люди становятся там по необразованности, вызванной дурным воспитанием и скверным государственным строем?

– Да, будем считать именно так.

– Вот каково олигархическое государство и сколько в нем зол (а возможно, что и еще больше).

– Да, все это примерно так.

– Пусть же этим завершится наш разбор того строя, который называют олигархией: власть в нем основана на имущественном цензе.

<...>

– Олигархия переходит в демократию примерно следующим образом: причина здесь в ненасытной погоне за предполагаемым благом, состоящим якобы в том, что надо быть как можно богаче.

– Как ты это понимаешь?

– Да ведь при олигархии правители, стоящие у власти, будучи богатыми, не захотят ограничивать законом распущенность молодых людей и запрещать им расточать и губить свое состояние; напротив, правители будут скупать их имущество или давать им под проценты ссуду, чтобы самим стать еще богаче и могущественнее.

– Это у них – самое главное.

– А разве не ясно, что гражданам такого государства невозможно и почитать богатство, и вместе с тем обладать рассудительностью – тут неизбежно либо то, либо другое будет у них в пренебрежении.

– Это достаточно ясно.

– В олигархических государствах не обращают внимания на распущенность, даже допускают ее, так что и людям вполне благородным иной раз не избежать там бедности.

– Конечно.

— В таком государстве эти люди, думаю я, сидят без дела, но зато у них есть и жало, и оружие; одни из них кругом в долгах, другие лишились гражданских прав, а иных постигло и то и другое; они полны ненависти к тем, кто владеет теперь их имуществом, а также и к прочим и замышляют переворот.

– Да, все это так.

– Между тем дельцы, поглощенные своими делами, по-видимому, не замечают таких людей; они приглядываются к остальным и своими денежными ссудами наносят раны тем, кто податлив, взимая проценты, во много раз превышающие первоначальный долг, они разводят в государстве множество трутней и нищих.

– И еще какое множество!

– А когда в государстве вспыхнет такого рода зло, они не пожелают его тушить с помощью запрета распоряжаться своим имуществом кто как желает и не прибегнут к использованию другого закона, который устраняет всю эту беду посредством другого закона...

– Какого это?

– Того, который следует за уже упомянутым и заставляет граждан стремиться к добродетели. Ведь если предписать, чтобы большую часть добровольных сделок граждане заключали на свой страх и риск, стремление к наживе не отличалось бы таким бесстыдством и в государстве меньше было бы зол, подобных только что нами указанным.

– И даже намного меньше.

– В наше время из-за подобных вещей правители именно так настроили подвластных им граждан. Что же касается самих правителей и их окружения,

то молодежь у них избалованная, ленивая телом и духом и слабая; у нее нет выдержки ни в страданиях, ни в удовольствиях, и вообще она бездеятельна.

– Как же иначе?

– Самим же им, кроме наживы, ни до чего нет дела, а о добродетели они радуют ничуть не больше, чем бедняки.

– Да, ничуть.

– Вот каково состояние и правящих, и подвластных. Между тем им приходится иметь дело друг с другом и в путешествиях, и при любых других видах общения: на праздничных зрелищах, в военных походах, на одном и том же корабле, в одном и том же войске; наконец, и посреди опасностей они наблюдают друг друга, и ни в одном из этих обстоятельств бедняки не оказываются презренными в глазах богатых. Наоборот, нередко бывает, что человек неимущий, худой, опаленный солнцем, оказавшись во время боя рядом с богачом, выросшим в тенистой прохладе и нагулявшим себе за чужой счет жирок, видит, как тот задыхается и совсем растерялся. Разве, по-твоему, этому бедняку не придет на мысль, что подобного рода люди богаты лишь благодаря малодушию бедняков, и разве при встрече без посторонних глаз с таким же бедняком не скажет он ему: «Господа-то наши – никчемные люди»?

– Я уверен, что бедняки так и делают.

– Подобно тому как для нарушения равновесия болезненного тела достаточно малейшего толчка извне, чтобы ему расхвораться, – а иной раз расстройство в нем бывает и без внешних причин, – так и государство, находящееся в подобном состоянии, заболевает и воюет само с собой по малейшему поводу, причем некоторые его граждане опираются на помощь со стороны какого-либо олигархического государства, а другие – на помощь демократического; впрочем, иной раз междоусобица возникает и без постороннего вмешательства.

– И даже очень часто.

– Демократия, на мой взгляд, осуществляется тогда, когда бедняки, одержав победу, некоторых из своих противников уничтожат, иных изгонят, а остальных уравниют в гражданских правах и в замещении государственных должностей, что при демократическом строе происходит большей частью по жребию.

– Да, именно так устанавливается демократия, происходит ли это силой оружия или же потому, что ее противники, устранившись, постепенно отступят.

– Как же людям при ней живется? – спросил я. – И каков этот государственный строй? Ведь ясно, что он отразится и на человеке, который тоже приобретет демократические черты.

– Да, это ясно, – ответил Адиант.

– Прежде всего это будут люди свободные: в государстве появится полная свобода и открытость и возможность делать что хочешь.

– Говорят, что так.

– А где это разрешается, там, очевидно, каждый устроит себе жизнь по своему вкусу.

- Да, это ясно.
- Я думаю, что при таком государственном строе люди будут очень различны.
- Конечно.
- Казалось бы, это самый лучший государственный строй. Словно ткань, испещренная всеми цветами, так и этот строй, испещренный разнообразными нравами, может показаться всего прекраснее. Вероятно, многие, подобно детям и женщинам, любующимся всем пестрым, решат, что он лучше всех.
- Конечно.
- При нем удобно, друг мой, избрать государственное устройство.
- Что ты имеешь в виду?
- Да ведь вследствие возможности делать что хочешь он заключает в себе все роды государственных устройств. Пожалуй, если у кого появится желание, как у нас с тобой, основать государство, ему необходимо будет отправиться туда, где есть демократия, и уже там, словно попав на рынок, где торгуют всевозможными правлениями, выбрать то, которое ему нравится, а сделав выбор, основать свое государство.
- Вероятно, там не будет недостатка в образчиках.
- В демократическом государстве нет никакой надобности принимать участие в управлении, даже если ты к этому и способен; не обязательно и подчиняться, если ты не желаешь, или воевать, когда другие воюют, или соблюдать, подобно другим, условия мира, если ты мира не жаждешь. И опять-таки, если какой-нибудь закон запрещает тебе управлять либо судить, ты все же можешь управлять и судить, если это тебе придет в голову. Разве не чудесна на первый взгляд и не соблазнительна подобная жизнь?
- Пожалуй, но лишь ненадолго.
- Далее. Разве не великолепно там милосердие в отношении некоторых осужденных? Или ты не видел, как при таком государственном строе люди, приговоренные к смерти или к изгнанию, тем не менее остаются и продолжают вращаться в обществе; словно никому до него нет дела и никто его не замечает, разгуливает такой человек прямо как полубог.
- Да, и таких бывает много.
- Эта снисходительность вовсе не мелкая подробность демократического строя; напротив, в этом сказывается презрение ко всему тому, что мы считали важным, когда основывали наше государство. Если у человека, говорили мы, не выдающаяся натура, он никогда не станет добродетельным; то же самое, если с малолетства – в играх и в своих занятиях – он не соприкасается с прекрасным. Между тем демократический строй, высокомерно поправ все это, нисколько не озабочен тем, кто от каких занятий переходит к государственной деятельности. Человеку оказывается почет, лишь бы он обнаружил свое расположение к толпе.
- Да, весьма благородная снисходительность!
- Эти и подобные им свойства присущи демократии – строю, не имеющему должного управления, но приятному и разнообразному. При нем существует своеобразное равенство – уравнивающее равных и неравных.

<...>

- Как из олигархии возникла демократия, не так же ли и из демократии получается тирания?
- То есть?
- Благо, выдвинутое как конечная цель – в результате чего и установилась олигархия, – было богатство, не так ли?
- Да.
- А ненасытное стремление к богатству и пренебрежение всем, кроме наживы, погубили олигархию.
- Правда.
- Так вот, и то, что определяет как благо демократия и к чему она ненасытно стремится, именно это ее и разрушает.
- Что же она, по-твоему, определяет как благо?
- Свободу. В демократическом государстве только и слышишь, как свобода прекрасна и что лишь в таком государстве стоит жить тому, кто свободен по своей природе.
- Да, подобное изречение часто повторяется.
- Так вот, как я только что и начал говорить, такое ненасытное стремление к одному и пренебрежение к остальному искажает этот строй и подготавливает нужду в тирании.
- Как это?
- Когда во главе государства, где демократический строй и жажда свободы, доведется встать дурным виночерпием, государство это сверх должного опьяняется свободой в неразбавленном виде, а своих должностных лиц карает, если те недостаточно снисходительны и не предоставляют всем полной свободы, и обвиняет их в мерзком олигархическом уклоне.
- Да, так оно и бывает.
- Граждан, послушных властям, там смешивают с грязью как ничего не стоящих добровольных рабов, зато правителей, похожих на подвластных, и подвластных, похожих на правителей, там восхваляют и почитают как в частном, так и в общественном обиходе. Разве в таком государстве свобода не распространится неизбежно на все?
- Как же иначе?
- Она проникнет, мой друг, и в частные дома, а в конце концов неповиновение привьется даже животным.
- Как это понимать?
- Да, например, отец привыкает уподобляться ребенку и страшиться своих сыновей, а сын – вести себя наподобие отца; там не станут почитать и бояться родителей (все под предлогом свободы!), переселенец уравнивается с коренным гражданином, а гражданин – с переселенцем; то же самое будет происходить и с чужеземцами.
- Да, бывает и так.
- А кроме того, разные другие мелочи: при таком порядке вещей учитель боится школьников и заискивает перед ними, а школьники ни во что не ставят своих учителей и наставников. Вообще молодые начинают подражать взрослым и состязаться с ними в рассуждениях и в делах, а старшие,

приспосаблиясь к молодым и подражая им, то и дело острят и балагурят, чтобы не казаться неприятными и властными.

– Очень верно подмечено.

– Но крайняя свобода для народа такого государства состоит в том, что купленные рабы и рабыни ничуть не менее свободны, чем их покупатели. Да, мы едва не забыли сказать, какое равноправие и свобода существуют там у женщин по отношению к мужчинам и у мужчин по отношению к женщинам.

– По выражению Эсхила, «мы скажем то, что на устах теперь».

– Вот именно, я тоже так говорю. А насколько здесь свободнее, чем в других местах, участь животных, подвластных человеку, – этому никто не поверил бы, пока бы сам не увидел. Прямо-таки по пословице: «Собаки – это хозяйки», лошади и ослы привыкли здесь выступать важно и с полной свободой, напирая на встречаемых, если те не уступают им дороги! Так-то вот и все остальное преисполняется свободой.

– Ты как в воду смотришь: я ведь и сам часто терплю от них, когда езжу в деревню.

– Если собрать все это вместе, самым главным будет, как ты понимаешь, то, что душа граждан делается крайне чувствительной, даже по мелочам: все принудительное вызывает у них возмущение как нечто недопустимое. А кончат они, как ты знаешь, тем, что перестанут считаться даже с законами – писаными или неписаными, – чтобы уже вообще ни у кого и ни в чем не было над ними власти.

– Я это хорошо знаю.

– Так вот, мой друг, именно из этого правления, такого прекрасного и юношески дерзкого, и вырастает, как мне кажется, тирания.

– Действительно, оно дерзкое. Что же, однако, дальше?

– Та же болезнь, что развилась в олигархии и ее погубила, еще больше и сильнее развивается здесь – из-за своеволия – и поработщает демократию. В самом деле, все чрезмерное обычно вызывает резкое изменение в противоположную сторону, будь то состояние погоды, растений или тела. Не меньше наблюдается это и в государственных устройствах.

– Естественно.

– Ведь чрезмерная свобода, по-видимому, и для отдельного человека, и для государства оборачивается не чем иным, как чрезвычайным рабством.

– Оно и естественно.

– Так вот, тирания возникает, конечно, не из какого иного строя, как из демократии; иначе говоря, из крайней свободы возникает величайшее и жесточайшее рабство.

– Это не лишено основания.

– Но, думаю я, ты не об этом спрашивал, а о том, какая болезнь, встречающаяся в олигархии, так же точно подтачивает демократию и поработщает ее.

– Ты верно говоришь.

– Этой болезнью я считал появление особого рода людей, праздных и расточительных, под предводительством отчаянных смельчаков, за которыми

тянутся и не столь смелые, мы их уподобили трутням, часть которых имеет жало, а часть его лишена.

– Это правильно.

– Оба этих разряда, чуть появятся, вносят расстройство в любой государственный строй, как воспаление и желчь – в тело. И хорошему врачу, и государственному законодателю надо заранее принимать против них меры не менее, чем опытному пчеловоду, – главным образом, чтобы не допустить зарождения трутней, – но, если уж они появятся, надо вырезать вместе с ними и соты.

– Клянусь Зевсом, это уж непременно.

– Чтобы нам было виднее то, что мы хотим различить, сделаем следующее...

– А именно?

– Разделим мысленно демократическое государство на три части – да это и в действительности так обстоит. Одну часть составят подобного рода трутни: они возникают здесь хоть и вследствие своеволия, но не меньше, чем при олигархическом строе.

– Это так.

– Но здесь они много ядовитее, чем там.

– Почему?

– Там они не в почете, наоборот, их отстраняют от занимаемых должностей, и потому им не на чем набить себе руку и набрать силу. А при демократии они, за редкими исключениями, чуть ли не стоят во главе: самые ядовитые из трутней произносят речи и действуют, а остальные усаживаются поближе к помосту, жужжат и не допускают, чтобы кто-нибудь говорил иначе. Выходит, что при таком государственном строе всем, за исключением небольшого, распоряжаются подобные люди.

– Конечно.

– Из состава толпы всегда выделяется и другая часть...

– Какая?

– Из дельцов самыми богатыми большей частью становятся и наиболее собранные по своей природе.

– Естественно.

– С них-то трутням всего удобнее собрать побольше меда.

– Как же его и возьмешь с тех, у кого его мало?

– Таких богачей обычно называют сотами трутней.

– Да, пожалуй.

– Третий разряд составляет народ – те, что трудятся своими руками, чужды делячества, да и имущества у них немного. Они всего многочисленнее и при демократическом строе всего влиятельнее, особенно когда соберутся вместе.

– Да, но у них нет желания делать это часто, если им не достается их доля меда.

– А разве они не всегда в доле, поскольку власти имеют возможность отнять собственность у имущих и раздать ее народу, оставив большую часть себе?

– Таким-то способом они всегда получают свою долю.

- А те, у кого отбирают имущество, бывают вынуждены защищаться, выступать в народном собрании и вообще действовать насколько это возможно.
- Конечно.
- И хотя бы они и не стремились к перевороту, кое-кто все равно обвинит их в кознях против народа и в стремлении к олигархии.
- И что же?
- В конце концов, когда они видят, что народ, обманутый клеветниками, готов не со зла, а по неведению с расправиться с ними, тогда они волей-неволей становятся уже действительными приверженцами олигархии. Они тут ни при чем, просто тот самый трутень ужалил их, и от этого в них зародилось такое зло.
- Вот именно.
- Начинаются обвинения, судебные разбирательства, тяжбы.
- Конечно.
- А разве народ не привык особенно отличать кого-то одного, ухаживать за ним и его возвеличивать?
- Конечно, привык.
- Значит, уж это-то ясно, что, когда появляется тиран, он вырастает именно из этого корня, то есть как ставленник народа.
- Да, совершенно ясно.
- С чего же начинается превращение такого ставленника в тирана? Впрочем, ясно, что это происходит, когда он начинает делать то же самое, что в том сказании, которое передают относительно святилища Зевса Ликейского в Аркадии.
- А что именно?
- Говорят, что, кто отведал человеческих внутренностей, мелко нарезанных вместе с мясом жертвенных животных, тому не избежать стать волком. Или ты не слыхал такого предания? – спросил я.
- Слыхал, – ответил Адимант.
- Разве не то же и с представителем народа? Имея в руках чрезвычайно послушную толпу, разве он воздержится от крови своих соплеменников? Напротив, как это обычно бывает, он станет привлекать их к суду по несправедливым обвинениям и осквернит себя, отнимая у людей жизнь, своими нечестивыми устами и языком он будет смаковать убийство родичей. Карая изгнанием и приговаривая к страшной казни, он между тем будет сулить отмену задолженности и передел земли. После всего этого разве не суждено такому человеку неизбежно одно из двух: либо погибнуть от руки своих врагов, либо же стать тираном и превратиться из человека в волка?
- Да, это ему неизбежно суждено.
- Он тот, кто подымает восстание против обладающих собственностью.
- Да, он таков.
- Если он потерпел неудачу, подвергся изгнанию, а потом вернулся – назло своим врагам, – то возвращается он уже как законченный тиран.
- Это ясно.

- Если же те, кто его изгнал, не будут в состоянии его свалить снова и предать казни, очернив в глазах граждан, то они замышляют его тайное убийство.
- Обычно так и бывает.
- Отсюда это общеизвестное требование со стороны тиранов: чуть только они достигнут такой власти, они требуют, чтобы народ назначил им телохранителей, чтобы народный заступник был невредим.
- Это уж непременно.
- И народ, конечно, дает их ему, потому что дорожит его жизнью, за себя же пока вполне спокоен. <...>
- В первые дни, вообще в первое время он приветливо улыбается всем, кто бы ему ни встретился, а с о себе утверждает, что он вовсе не тиран; он дает много обещаний частным лицам и обществу; он освобождает людей от долгов и раздает землю народу и своей свите. Так притворяется он милостивым ко всем и кротким.
- Это неизбежно.
- Когда же он примирится кое с кем из своих врагов, а иных уничтожит, так что они перестанут его беспокоить, я думаю, первой его задачей будет постоянно вовлекать граждан в какие-то войны, чтобы народ испытывал нужду в предводителе...
- Это естественно.
- ...да и для того, чтобы из-за налогов люди обеднели и перебивались со дня на день, меньше злоумышляя против него.
- Это ясно.
- А если он заподозрит кого-нибудь в вольных мыслях и в отрицании его правления, то таких людей он уничтожит под предлогом, будто они предались неприятелю. Ради всего этого тирану необходимо постоянно будоражить всех посредством войны.
- Да, необходимо.
- Но такие действия делают его все более и более ненавистным для граждан.
- Конечно.
- Между тем и некоторые из влиятельных лиц, способствовавших его возвышению, станут открыто, да и в разговорах между собой выражать ему свое недовольство всем происходящим – по крайней мере те, кто посмелее.
- Вероятно.
- Чтобы сохранить за собою власть, тирану придется их всех уничтожить, так что в конце концов не останется никого ни из друзей, ни из врагов, кто бы на что-то годился.
- Ясно.
- Значит, тирану надо зорко следить за тем, кто мужествен, кто великодушен, кто разумен, кто богат. Велико же счастье тирана: он поневоле враждебен всем этим людям и строит против них козни, пока не очистит от них государство.
- Дивное очищение, нечего сказать!
- Да, оно противоположно тому, что применяют врачи: те удаляют из тела все наихудшее, оставляя самое лучшее, здесь же дело обстоит наоборот.
- По-видимому, для тирана это необходимо, если он хочет сохранить власть.

- О его блаженстве говорит и стоящий перед ним выбор: либо обитать вместе с толпой негодяев, притом тех, кто его ненавидит, либо проститься с жизнью.
- Да, тут уж одно из двух.
- И не правда ли, чем более он становится ненавистен гражданам этими своими действиями, тем больше требуется ему верных телохранителей?
- Конечно.
- А кто ему верен? Откуда их взять?
- Их налетит сколько угодно, стоит лишь заплатить.
- Клянусь собакой, мне кажется, ты опять заговорил о каких-то трутнях, о чужеземном сброде.
- Это тебе верно кажется.
- Что же? Разве тиран не захочет иметь местных телохранителей?
- Каким образом?
- Он отберет у граждан рабов, освободит их и сделает своими копейщиками.
- В самом деле, к тому же они будут и самыми верными.
- Блаженным же существом назовешь ты тирана, раз подобного рода люди – его верные друзья, а прежних, подлинных, он погубил!
- Он принужден довольствоваться такими.
- Эти его сподвижники будут им восхищаться, его общество составят эти новые граждане, тогда как люди порядочные будут ненавидеть и избегать его.
<...>
- Но мы с тобой сейчас отклонились, давай вернемся снова к этому войску тирана, столь многочисленному, великолепному, пестрому, всегда меняющему свой состав, и посмотрим, на какие средства оно содержится.
- Очевидно, тиран тратит на него храмовые средства, если они имеются в государстве, и, пока их изъятием можно будет покрывать расходы, он уменьшает обложение населения налогами.
- А когда эти средства иссякнут?
- Ясно, что тогда он будет содержать и самого себя, и своих сподвижников и сподвижниц уже на отцовские средства.
- Понимаю: раз народ породил тирана, народу же и кормить его и его сподвижников.
- Это тирану совершенно необходимо.
- Как это ты говоришь? А если народ в негодовании скажет, что взрослый сын не вправе кормиться за счет отца, скорее уж, наоборот, отец за счет сына, и что отец не для того родил сына и поставил его на ноги, чтобы самому, когда тот подрастет, попасть в рабство к своим же собственным рабам и кормить и сына, и рабов, и всякое отребье? Напротив, раз представитель народа так выдвинулся, народ мог бы рассчитывать освободиться от богачей и от так называемых достойных людей; теперь же народ велит и ему, и его сподвижникам покинуть пределы государства: так отец выгоняет из дому сына вместе с его пьяной ватагой.
- Народ тогда узнает, клянусь Зевсом, что за тварь он породил, да еще и любовно вырастил; он убедится, насколько мощны те, кого он пытается выгнать своими слабыми силами.

– Что ты говоришь? Тиран посмеет насильничать над своим отцом и, если тот не отступится, прибегнет даже к побоям?

– Да, он отнимет оружие у своего отца.

– Значит, тиран – отцеубийца и плохой кормилец для престарелых; по-видимому, общепризнано, что таково свойство тиранической власти. По пословице, «избегая дыма, угодишь в огонь»; так и народ из подчинения свободным людям попадает в услужение к деспотической власти и свою неумеренную свободу меняет на самое тяжкое и горькое рабство – рабство у рабов.

[34]

Политик. 358с-359d Чужеземец. Каким образом отыскать путь политика? А ведь нужно его отыскать и, отделив его от других путей, отметить знаком единого вида; все другие отвечающие тропки надо обозначить как другой единый вид, с тем чтобы душа наша мыслила знания в качестве двух видов.

Сократ мл. Думаю, что это твое дело, чужеземец, а не мое.

Чужеземец. Нет, Сократ, надо, чтобы это было и твоим делом, если мы хотим его сделать ясным.

Сократ мл. Ты прав.

Чужеземец. Итак, арифметика и некоторые другие сродные ей искусства не занимаются делами и дают только чистые знания?

Сократ мл. Да, это так.

Чужеземец. А строительные искусства и все вообще ремесла обладают знанием, как бы вросшим в дела, и, таким образом, они создают вещи, которых раньше не существовало.

Сократ мл. Как же иначе?

Чужеземец. Значит, разделим все знания надвое и один вид назовем практическим, а другой – познавательным.

Сократ мл. Пусть это будут у тебя как бы два вида одного цельного знания.

Чужеземец. Так что же: политика, царя, господина и даже домоправителя – всех вместе – сочтем мы чем-то единым или мы скажем, что здесь столько искусств, сколько названо имен? А еще лучше, следуй за мной вот каким путем.

Сократ мл. Каким?

Чужеземец. Например, если какой-нибудь частный врач может давать советы врачу общественному разве не необходимо назвать его искусство таким же именем, что и у того, кто принимает его совет?

Сократ мл. Да, это было бы необходимо.

Чужеземец. Ну, а если кто настолько искусен, чтобы давать советы царю страны, хотя он лишь частное лицо, разве не скажем мы, что он обладает тем знанием, которое надлежало бы иметь правителю?

Сократ мл. Скажем.

Чужеземец. Но ведь искусство править — это искусство подлинного царя?

Сократ мл. Да.

Чужеземец. Так не правильно ли будет, чтобы тот, кто получил его в удел, будь то правитель или простой человек, назывался по имени этого искусства царственным мужем?

Сократ мл. Это справедливо.

Чужеземец. То же самое относится к домоправителю и к господину.

Сократ мл. Как же иначе?

Чужеземец. Что же? Большое домохозяйство или забота о малом городе — в чем здесь разница для управления?

Сократ мл. Ни в чем.

Чужеземец. Значит, для всего, что мы сейчас рассматриваем, по-видимому, есть единое знание: назовут ли его искусством царствовать, государственным искусством или искусством домоправления — нам нет никакой разницы.

Сократ мл. Конечно!

Чужеземец. Однако ясно одно: руки и даже все тело какого угодно царя не имеют такого значения в деле управления, как разум и прочие душевные силы.

Сократ мл. Это ясно.

Чужеземец. Итак, мы скажем, что царю больше подобает познавательное, чем ремесленное и вообще всякое другое практическое искусство?

Сократ мл. Конечно.

Чужеземец. Ну, а государственное искусство и все, что относится к государству, а также искусство править и все связанное с правлением будем ли мы считать чем-то единым и тождественным?

Сократ мл. Очевидно, да.

[35]

Политик. 274b-275c Итак, когда принявший нас в свои руки и пестовавший нас даймон прекратил свои заботы, многие животные, по природе своей свирепые, одичали и стали хватать людей, сделавшихся слабыми и беспомощными; вдобавок первое время люди не владели еще искусствами, естественного питания уже не хватало, а добыть они его не умели, ибо раньше их к этому не побуждала необходимость. Все это ввергло их в великое затруднение. Потому-то, согласно древнему преданию, от богов нам были дарованы вместе с необходимыми поучениями и наставлениями: огонь — Прометеем, искусства — Гефестом и его помощницей по ремеслу, семена и растения — другими богами. И все, что устрояет и упорядочивает человеческую жизнь, родилось из этого: ибо, когда прекратилась, как было сказано, забота богов о людях, им пришлось самим думать о своем образе жизни и заботиться о себе, подобно целому космосу, подражая и следуя которому мы постоянно — в одно время так, а в другое иначе — живем и возвращаемся.

Пусть же здесь будет конец сказанию. Воспользуемся им для того, чтобы понять, как сильно мы ошибались, говоря в предшествовавшем рассуждении о царе и политике.

Сократ мл. Какая же и сколь великая, по твоим словам, возникла у нас ошибка?

Чужеземец. С одной стороны, она меньше, другой же – весомее и обширнее, чем казалась тогда.

Сократ мл. Каким образом?

Чужеземец. Отвечая на вопрос о царе и политике, существующем при нынешнем круговращении и порождении, мы описали пастуха человеческого стада при круговращении противоположном и, таким образом, назвали вместо смертного – бога: это очень большая погрешность. А объявив его правителем всего государства, но не разобрав, как он правит, мы, с одной стороны, высказались верно, с другой же – недостаточно полно и ясно: в этом случае и ошибка меньше, чем та.

Сократ мл. Это правда.

Чужеземец. Итак, надо надеяться, что, определив характер государственного правления, мы наконец сможем сказать, что такое политик.

Сократ мл. Отлично.

Чужеземец. Вот мы и предпослали этому миф – чтобы показать относительно стадного выращивания, что не только все оспаривают это занятие у искомого нами сейчас лица, но также что мы должны яснее разглядеть его – того, кому одному только и пристало, по образцу пастухов и волопасов, иметь попечение о выращивании человеческого стада и носить соответствующее этому имя.

Сократ мл. Правильно.

Чужеземец. Я даже думаю, Сократ, что этот образ божественного пастыря слишком велик в сравнении с царем, нынешние же политики больше напоминают по своей природе, а также образованию и воспитанию подвластных, чем властителей.

[36]

Политик. 291d-303d. Чужеземец. У нас монархия – это один из видов государственного правления?

Сократ мл. Да.

Чужеземец. А после монархии, я думаю, надо назвать правление немногих.

Сократ мл. Как же иначе?

Чужеземец. Третий же вид государственного устройства не есть ли правление большинства и не носит ли оно имя демократии?

Сократ мл. Да, несомненно.

Чужеземец. А не образуется ли из этих трех видов пять, если два первых вида порождают для себя из самих себя другие названия?

Сократ мл. Какие же это названия?

Чужеземец. Если принять во внимание имеющиеся в этих двух видах государственного устройства насилие и добрую волю, бедность и богатство, законность и беззаконие, то каждый из них можно разделить надвое, причем монархия будет носить два имени: тирании и царской власти.

Сократ мл. Да, конечно.

Чужеземец. А государство, управляемое немногими, будет носить название аристократии или же олигархии.

Сократ мл. Несомненно.

Чужеземец. Что касается демократии, то правит ли большинство теми, кто обладает имуществом, насильственно или согласно с доброй волей последних, точно ли оно соблюдает законы или же нет, никто ей, как правило, не даст иного имени.

Сократ мл. Это верно.

Чужеземец. Что же? Сочтем ли мы какое-либо из этих устройств правильным, если оно находится в этих границах, то есть управляется одним, немногими или большинством, богатыми или бедными, насильственно или согласно с доброй волей и имеет установления или же лишено законов?

Сократ мл. А что препятствует тому, чтобы так считать?

Чужеземец. Посмотри же пристальнее, следуя этим путем...

Сократ мл. Каким?

Чужеземец. Останемся ли мы при том, что сказали раньше, или же отступим от этого?

Сократ мл. О чем ты говоришь?

Чужеземец. Мы говорили, что царское правление есть некое знание.

Сократ мл. Да.

Чужеземец. Но мы выбрали его не из всех вообще знаний, но выделили умение судить и повелевать.

Сократ мл. Да.

Чужеземец. А умение повелевать мы разделили на повелевание неодушевленными видами и одушевленными существами; разделив же его таким образом, мы пришли наконец сюда, не упустив из виду знания, хоть и не можем его достаточно точно определить.

Сократ мл. Ты правильно говоришь.

Чужеземец. Итак, мы понимаем теперь, что определяющей границей тут будет не количество правителей – много их или мало, не насилие или добрая воля, а также не бедность или богатство, но некое знание, – если только мы хотим следовать тому, что было сказано раньше.

Сократ мл. Иное допущение невозможно.

Чужеземец. Значит, необходимо рассмотреть это теперь следующим образом: в каком из упомянутых нами государственных устройств кроется умение управлять людьми? Ведь это одно из сложнейших и самых труднодостижимых умений. Его надо понять для того, чтобы знать, кого следует отделить от разумного государя из тех, кто делает вид, что они политики, и убеждает в этом многих, на самом же деле вовсе не таковы.

Сократ мл. Надо это сделать так, как указало нам рассуждение.

« Чужеземец. Неужели можно полагать, что большинство людей в государстве может обладать этим знанием?

Сократ мл. Вряд ли!

Чужеземец. А в городе с населением в тысячу человек может ли им обладать сто или хотя бы пятьдесят мужей?

Сократ мл. Если так, то это было бы легчайшим из всех искусств; а мы знаем, что из тысячи человек не найдется против остальных эллинов такого количества даже отличных игроков в шашки, не то что царей. Мы должны в

соответствии с прежним рассуждением наречь царем того, кто обладает царским знанием, – правит ли он на самом деле или нет.

Чужеземец. Ты верно вспомнил. Согласно этому, хорошее правление, если только оно бывает, следует искать у одного, двоих или во всяком случае немногих людей.

Сократ мл. Конечно!

Чужеземец. И мы должны будем считать, как мы это сейчас решили, что, правят ли эти люди согласно нашей доброй воле или против нее, согласно установлениям или без них, богаты они или бедны, они правят в соответствии с неким искусством правления. Ведь врачей мы почитаем врачами независимо от того, лечат ли они нас по нашему согласию или против нашей воли, когда они делают нам разрезы, прижигания или, пользуя нас, причиняют другую какую-то боль, действуют они согласно установлениям или помимо них и богаты ли они или бедны, – пока они руководствуются искусством, очищая или как-то по-иному ослабляя либо, наоборот, укрепляя наше тело, – лишь бы врачеватели действовали на благо наших тел, превращали их из слабых в более крепкие и тем самым всегда спасали врачуемых. Именно таким образом, а не иным мы дадим правильное определение власти врача, как и всякой другой власти.

Сократ мл. Ты совершенно прав.

Чужеземец. И из государственных устройств то необходимо будет единственно правильным, в котором можно будет обнаружить истинно знающих правителей, а не правителей, которые лишь кажутся таковыми; и будет уже неважно, правят ли они по законам или без них, согласно доброй воле или против нее, бедны они или богаты: принимать это в расчет никогда и ни в коем случае не будет правильным.

Сократ мл. Прекрасно.

Чужеземец. И пусть они очищают государство, казня или изгоняя некоторых, во имя его блага, пусть уменьшают его население, выводя из города подобно пчелиному рою колонии, или увеличивают его, включая в него каких-либо иноземных граждан, – до тех пор, пока это делается на основе знания и справедливости и государство по мере сил превращается из худшего в лучшее, мы будем называть такое государственное устройство – в указанных границах – единственно правильным. Другие же государственные устройства, которые мы считали правильными, следует признать не подлинными, не действительно правильными, а лишь подражаниями правильному устройству, причем те, которые мы называем благоустроенными, подражают ему в лучшем, остальные же в худшем.

Сократ мл. Чужеземец, обо всем прочем ты говорил, как нужно; а вот о том, что следует управлять без законов, слышать тяжко.

Чужеземец. Ты чуть-чуть опередил меня своим вопросом, Сократ: ведь я и сам хотел расспросить тебя, принимаешь ли ты все мной сказанное, или что-нибудь из этого тебе неугодно. Теперь же ясно, что мы стремимся разобрать правильность правления без законов.

Сократ мл. Совершенно верно.

Чужеземец. Некоторым образом ясно, что законодательство — это часть царского искусства; однако прекраснее всего, когда сила не у законов, а в руках царственного мужа, обладающего разумом. И знаешь почему?

Сократ мл. Нет. Почему?

Чужеземец. Потому что закон никак не может со всей точностью и справедливостью охватить то, что является наилучшим для каждого, и это ему предписать. Ведь несходство, существующее между людьми и между делами людей, а также и то, что ничто человеческое, так сказать, никогда не находится в покое, — все это не допускает однозначного проявления какого бы то ни было искусства в отношении всех людей и на все времена. Согласимся ли мы в этом?

Сократ мл. Как же иначе?

Чужеземец. Закон же, как мы наблюдаем, стремится именно к этому, подобно самонадеянному и невежественному человеку, который никому ничего не позволяет ни делать без его приказа, ни даже спрашивать, хотя бы кому-то что-нибудь новое и представилось лучшим в сравнении с тем, что он наказал.

Сократ мл. Сущая правда: закон поступает по отношению к каждому из нас именно так, как ты говоришь.

Чужеземец. Следовательно, невозможно, чтобы совершенно простое соответствовало тому, что никогда простым не бывает.

Сократ мл. Видимо, так.

Чужеземец. Для чего же нужно законодательство, если закон несовершенен? Мы должны найти этому причину.

Сократ мл. Конечно.

Чужеземец. Ведь у вас, как и в других городах, существует обычай всенародных упражнений — в беге ли или еще в чем-нибудь — ради поощрения духа соперничества?

Сократ мл. Да, это очень распространено.

Чужеземец. Давай же припомним приказания тех, кто сведущ в гимнастических упражнениях и имеет власть эти приказания отдавать.

Сократ мл. Что ты имеешь в виду?

Чужеземец. Они не считают уместным вдаваться в тонкости, имея в виду каждого в отдельности, и давать указания, что полезно для тела данного человека; наоборот, они думают, что надо более грубо и приближенно давать наказания, так, чтобы они в целом приносили пользу телам большей части людей.

Сократ мл. Совершенно верно.

Чужеземец. Потому-то, возможно, они одинаково распределяют между всеми нагрузку, то приказывая всем одновременно бежать, то останавливая их бег, борьбу или другие телесные упражнения.

Сократ мл. Да, это так.

Чужеземец. Значит, мы будем считать, что и законодатель, дающий наказ своему стаду относительно справедливости и взаимных обязательств, не сможет, адресуя этот наказ всем вместе, дать точные и соответствующие указания каждому в отдельности.

Сократ мл. Видимо, это так.

Чужеземец. Он издаст, думаю я, законы, носящие самый общий характер, адресованные большинству, каждому же – лишь в более грубом виде, будет ли он излагать их письменно или же устно, в соответствии с неписаными отечественными законами.

Сократ мл. Правильно.

Чужеземец. Конечно, правильно. Да и в состоянии ли, Сократ, кто-нибудь находиться всю жизнь при каждом, давая ему самые разные и полезные указания? А если бы кто-то и был в состоянии из тех, кто действительно получил в удел царственное познание, то едва ли он пожелал бы, записывая эти пресловутые законы, сам наложить на себя оковы. <...>

Подобно тому как кормчий постоянно блюдет пользу и моряков, подчиняясь не писаным установлениям, но искусству, которое для него закон, и так сохраняет жизнь товарищам по плаванию, точно таким же образом заботами умелых правителей соблюдается правильный государственный строй, потому что сила искусства ставится выше законов. И пока руководствующиеся разумом правители во всех делах соблюдают одно великое правило, они не допускают погрешностей: правило же это состоит в том, чтобы, умно и искусно уделяя всем в государстве самую справедливую долю, уметь оберечь всех граждан и по возможности сделать их из худших лучшими.

Сократ мл. Против того, что было тобой сказано, нечего возразить.

Чужеземец. Да и против другого тоже.

Сократ мл. Что ты имеешь в виду?

Чужеземец. А то, что никогда многие, кто бы они ни были, не смогут, овладев подобным знанием, разумно управлять государством; единственно правильное государственное устройство следует искать в малом – среди немногих или у одного, все же прочие государства будут лишь подражаниями, как это было сказано несколько раньше, одни – подражаниями тому лучшему, что есть в правильном государстве, другие – подражаниями худшему.

Сократ мл. Как, как ты сказал? Я ведь и раньше не совсем понял то, что ты говорил о подражаниях.

Чужеземец. А ведь не худо было бы, если бы кто, затеяв это рассуждение, тут же и бросил его, чтобы в дальнейшем не обнаружилась возникшая сейчас в нем погрешность.

Сократ мл. Какая же это погрешность?

Чужеземец. Вот какую погрешность надо искать, не совсем обычную и не легкую для рассмотрения; однако же мы постараемся ее уловить. Смотри-ка: если указанное нами государственное устройство – единственно правильное, по нашему мнению, то, знаешь ли, другим надлежит блюсти себя, следуя его предписаниям и делая то, что мы сейчас одобряем, хотя это и не самое правильное.

Сократ мл. Что же именно мы сейчас одобряем?

Чужеземец. А вот что: никто из граждан никогда не должен сметь поступать вопреки законам, посмеявшегося же так поступить надо карать смертью и другими крайними мерами. Такое устройство – самое правильное и прекрасное после первого, если бы кто-нибудь вздумал его отменить. <...>

Ведь я думаю, что если бы кто-нибудь осмелился нарушать законы, установленные на основе долгого опыта и доброжелательных мнений советников, всякий раз убеждавших народ в необходимости принять эти законы, то такой человек, громоздя ошибку на ошибку, извратил бы все еще больше, чем это делают предписания.

Сократ мл. Как же иначе?

Чужеземец. Поэтому второе правило для тех, кто издает какие-либо законы или постановления, – это ни в коем случае никогда не позволять нарушать их ни кому-либо одному, ни толпе.

Сократ мл. Правильно.

Чужеземец. Разве эти законы и постановления не подражания истине вещей, начертанные по мере сил сведущими людьми?

Сократ мл. Конечно.

Чужеземец. А ведь вспомни: мы сказали, что сведущий человек – подлинный политик – делает все, руководствуясь искусством и не заботясь о предписаниях, коль скоро ему что-нибудь покажется лучшим, чем то, что он сам написал и наказал тем, кто находится вдали от него.

Сократ мл. Да, мы так сказали.

Чужеземец. Значит, если какой-либо один человек или множество людей, которым предписаны законы, попытаются нарушить их в пользу того, что им представляется лучшим, то они по мере сил будут поступать так же, как тот подлинный политик?

Сократ мл. Несомненно.

Чужеземец. Итак, если они – те, кто берется за это, – невежественны, то, пытаясь подражать истинному, они будут подражать ему очень плохо; если же они искусные люди, то это будет уже не подражание, а сама наивысшая истина.

Сократ мл. Безусловно.

Чужеземец. А ведь выше мы договорились, что толпа ни в коем случае не может владеть никаким искусством.

Сократ мл. Да, это решено.

Чужеземец. И если вообще существует царское искусство, то ни множество богатых людей, ни весь народ в целом не в состоянии овладеть этим знанием.

Сократ мл. Да, это невозможно.

Чужеземец. Значит, как видно, подобные государства, коль скоро они хотят по мере сил хорошо подражать подлинному государственному устройству – тому, при котором искусно правит один человек, – ни при каких условиях не должны нарушать принятые в них писанные законы и отечественные обычаи.

Сократ мл. Ты прекрасно сказал.

Чужеземец. Итак, когда наилучшему государственному устройству подражают богатые, мы называем такое государственное устройство аристократией; когда же они не считаются с законами, это будет уже олигархия.

Сократ мл. Да, очевидно.

Чужеземец. Когда же один кто-нибудь управляет согласно законам, подражая сведущему правителю, мы называем его царем, не отличая по имени того, кто

единолично правит, руководствуясь знанием, от того, кто тоже правит один, но руководствуется мнением и законами.

Сократ мл. Допустим.

Чужеземец. Значит, если подлинно знающий человек правит единолично, то имя ему непременно будет «царь», и никакое иное. Благодаря этому пять наименований перечисленных нами государственных устройств сливаются воедино.

Сократ мл. Видимо, так.

Чужеземец. Однако если такой единоличный правитель, не считаясь ни с законами, ни с обычаем, с делает вид, что он знаток, и потому вопреки предписаниям хочет направить все к лучшему, на самом же деле руководствуется в этом своем подражании заблуждением или же страстью, разве не следует его – и любого другого такого же – именовать тираном?

Сократ мл. Как же иначе?

Чужеземец. Так-то вот, говорим мы, и появились на свет тиран и царь, олигархия, аристократия и демократия, потому что люди бывают недовольны подобным единоличным монархом, не доверяют ему и считают, что никто вообще недостойн единоличной власти, ибо монарх должен стремиться и быть в состоянии управлять добродетельно и со знанием дела, справедливо и честно уделяя каждому свое, а на самом деле, думают они, он бесчестит, убивает и причиняет зло любому, кому вздумает. А уж появившись такой, о котором мы ведем речь, все были бы рады жить при нем, благополучно руководящем единственным безупречно правильным государственным строем.

Сократ мл. Да и как же иначе?

Чужеземец. Но коль скоро в городах не рождается, подобно матке в пчелином рое, царь, тотчас же выделяющийся среди других своими телесными и душевными свойствами, надо, сойдясь всем вместе, писать постановления, стараясь идти по следам самого истинного государственного устройства.

Сократ мл. Очевидно.

Чужеземец. Так станем ли мы удивляться, Сократ, всему тому злу, которое случается и будет случаться в такого рода государствах, коль скоро они покоятся на подобных основаниях? Ведь все в них совершается согласно предписаниям и обычаям, а не согласно искусству, и любое государство, если бы оно поступало противоположным образом, как ясно всякому, вообще при подобных обстоятельствах погубило бы все на свете. Скорее надо удивляться тому, как прочно государство по своей природе: ведь нынешние государства терпят все это зло бесконечное время, а между тем некоторые из них монолитны и неразрушимы. Есть, правда, много и таких, которые, подобно судам, погружающимся в пучину, гибнут либо уже погибли или погибнут в будущем из-за никчемности своих кормчих и корабельщиков – величайших невежд в великих делах, которые, ровным счетом ничего не смысля в государственном управлении, считают, что они во всех отношениях наиболее ясно усвоили именно это знание.

Сократ мл. Сушая правда.

Чужеземец. Какое же из этих неправильных государственных устройств наименее тяжело для жизни (хотя все они тяжелы) и какое – тяжелее всего? Нам надо это рассмотреть, хотя по отношению к предмету нашего рассуждения это и будет второстепенный вопрос. Правда, однако, и то, что все мы вообще делаем всё именно ради этой цели.

Сократ мл. Да, это надо рассмотреть. Как же иначе?

Чужеземец. Итак, смотри: из трех видов государственного правления одно и то же одновременно бывает особенно тяжким и самым легким.

Сократ мл. Как ты говоришь?

Чужеземец. А вот как: монархия, власть немногих и власть большинства – это три вида государственного правления, названные нами в самом начале слишком расплывшегося теперь рассуждения.

Сократ мл. Да, именно эти три.

Чужеземец. Если мы разделим каждое из этих трех надвое, у нас получится шесть видов, правильное же государственное правление будет стоять особняком и будет седьмым по счету.

Сократ мл. Как это все будет выглядеть?

Чужеземец. Из монархии мы выделим царскую власть и тиранию, из владычества немногих – аристократию (славное имя!) и олигархию. Что касается власти большинства, то раньше мы ее называли односложным именем демократии, теперь же и ее надо расчленим надвое.

Сократ мл. Каким же образом мы ее расчленим?

Чужеземец. Точно так же, как остальные, несмотря на то что пока для нее не существует второго имени. Но и при ней, как при других видах государственной власти, бывает управление согласное с законами и противозаконное.

Сократ мл. Да, это так.

Чужеземец. Раньше, когда мы искали правильное государственное устройство, такое деление было бы бесполезным, что мы в свое время и показали. Теперь же, когда мы выделили это правильное устройство и признали необходимыми прочие виды, законность и противозаконно образуют деление надвое в каждом из этих последних.

Сократ мл. Твое объяснение делает это правдоподобным.

Чужеземец. Итак, монархия, скрепленная благами предписаниями, которые мы называем законами, – это вид, наилучший из всех шести; лишенная же законов, она наиболее тягостна и трудна для жизни.

Сократ мл. Видимо, так.

Чужеземец. Правление немногих, поскольку немногое – это середина между одним и многим, мы будем считать средним по достоинству между правлением одного и правлением большинства. Что касается этого последнего, то оно во всех отношениях слабо и в сравнении с остальными не способно ни на большое добро, ни на большое зло: ведь власть при нем поделена между многими, каждый из которых имеет ее ничтожную толику. Потому-то, если все виды государственного устройства основаны на законности, этот вид оказывается наихудшим; если же все они незаконны, он оказывается

наилучшим; дело в том, что, если при всех них царит распущенность, демократический образ жизни торжествует победу; если же всюду царит порядок, то жизнь при демократии оказывается наихудшей, а наилучшей – при монархии, если не считать седьмой вид: его-то следует, как бога от людей, отличать от всех прочих видов правления.

Сократ мл. Да, видно, все это так и бывает и происходит, и надо поступать, как ты говоришь.

Чужеземец. Надо также отличать участников всех этих правлений от сведущего правителя, ибо они не государственные деятели, а нарушители порядка, защитники величайших химер; да и сами они всего лишь химеры, завязтые подражатели и шарлатаны и потому – величайшие софисты среди софистов.

Сократ мл. Точнехонько метнул ты это слово в так называемых политиков!

Чужеземец. Пусть! Это будет у нас совсем словно драма: согласно сказанному, мы видим шумную ораву кентавров и сатиров, которую необходимо отстранить от искусства государственного правления: и вот теперь, хоть и с трудом, орава эта отстранена.

[37]

Законы. III. 676a-681d. Афинянин. Скажи, сможешь ли ты определить, сколько времени прошло с тех пор, как существуют государства и объединенные в государства люди?

Клиний. Это совсем нелегко.

Афинянин. Не была ли эта продолжительность огромной и неизмеримой?

Клиний. И даже очень.

Афинянин. Не правда ли, тысячи государств возникали в этот промежуток времени одно за другим и соответственно не меньшее количество их погибало. К тому же они повсюду проходили через самые различные формы государственного устройства, то становясь большими из меньших, то меньшими из больших или худшими из лучших и лучшими из худших.

Клиний. Это неизбежно.

Афинянин. Не сможем ли мы вскрыть причину этих перемен? Быть может, тогда мы скорее получим указание относительно возникновения государственного устройства и происходящих в нем перемен.

Клиний. Отлично, надо постараться сделать это. Ты разъясни свои мысли по этому поводу, а мы последуем за тобой.

Афинянин. Считаем ли мы, что древние сказания содержат в известной мере истину?

Клиний. Какие именно?

Афинянин. Относительно частой гибели людей от потопов, болезней и многого другого; оставалась лишь незначительная часть человеческого рода.

Клиний. Все это любому покажется весьма вероятным.

Афинянин. Представим же себе один из множества случаев, именно гибель от потопа.

Клиний. И что мы должны об этом думать?

Афинянин. Что избежавшими тогда гибели оказались чуть ли не исключительно горные пастухи – слабые искры угасшего человеческого рода, сохранившиеся на вершинах.

Клиний. Очевидно.

Афинянин. Такие люди неизбежно будут несведущими в остальных искусствах, так же как и в городских взаимных уловках, направленных на удовлетворение своекорыстия и честолюбия, и в прочих кознях, измышляемых друг против друга людьми.

Клиний. Это естественно.

Афинянин. Допустим, что государства, расположенные на равнинах или у моря, совершенно погибли в то время.

Клиний. Допустим.

Афинянин. Следовательно, мы должны предположить, что пропали и все орудия, а также погибло и все относящееся к искусству государственного правления или к иной какой-либо мудрости, которой с усилием удалось к тому времени достичь. Но, дорогой друг, если бы в течение всего времени все было устроено так, как теперь, как могло быть открыто что-либо новое?

Клиний. Новое было скрыто от тогдашних людей на многие тысячелетия. Лишь тысяча или две тысячи лет прошло с тех пор, как Дедалу открылось одно, Орфею – другое, Паламеду – третье, Марсию и Олимпу – все то, что относится к мусическому искусству, Амфиону – все о лире, и многое-многое остальное – другим. Все это возникло, так сказать, недавно, чуть ли не вчера.

Афинянин. Великолепно, Клиний! Но ты пропустил друга, жившего действительно вчера.

Клиний. Ты разумеешь Эпименида?

Афинянин. Да, его. Ибо у вас, мой друг, он всех опередил в изобретательности; как вы утверждаете, он выполнил на деле то, о чем на словах некогда вещал Гесиод.

Клиний. Да, мы утверждаем это.

Афинянин. Итак, когда случилось это опустошение, дела у людей складывались так: кругом была необозримая страшная пустыня, огромная масса земли; все животные погибли, лишь кое-где случайно уцелели стада рогатого скота да племя коз. Эти стада и доставляли вначале пастухам скудные средства к жизни.

Клиний. Несомненно.

Афинянин. Можем ли мы считать, что тогда сохранилось хотя бы, так сказать, воспоминание о государстве, государственном устройстве и законодательстве, о чем у нас теперь и идет речь?

Клиний. Никоим образом.

Афинянин. Однако подобного рода условия повели к возникновению всего нынешнего: государств, государственных устройств, искусств, законов; возникла великая испорченность, но и великая добродетель.

Клиний. То есть как?

Афинянин. Друг мой, ведь тогдашние люди были незнакомы со многими благами, доставляемыми городами, а также и со многим таким, что этим

благам противоположно. Можно ли считать этих людей совершенными в добродетели или в пороке?

Клиний. Прекрасно сказано! Мы улавливаем твою мысль.

Афинянин. Итак, с течением времени и с умножением человеческого рода все пришло в нынешнее состояние.

Клиний. Совершенно верно.

Афинянин. Но не сразу, а, как это и естественно, мало-помалу, в течение очень долгого времени.

Клиний. Так это и должно быть.

Афинянин. Думаю, что слишком еще был свеж в памяти недавний страх, чтобы люди решились спуститься с возвышенности на равнину.

Клиний. Конечно.

Афинянин. Ввиду своей малочисленности они с удовольствием взирали друг на друга в те времена, а так как с исчезновением искусств пропали, если так можно сказать, чуть ли не все средства сноситься друг с другом по суше или по морю, то людям не очень-то было возможно встречаться друг с другом. Железо, а медь и все руды слились воедино и скрылись под землей, так что стало очень трудно их извлекать; поэтому редко удавалось тогдашним людям срубить дерево. Если где на горах и находилось уцелевшее орудие, то оно из-за частого употребления скоро изнашивалось, нового же взять было негде, пока снова не возродилось среди людей искусство добычи металла.

Клиний. Каким же образом это произошло?

Афинянин. Как ты думаешь, через сколько поколений это произошло?

Клиний. Ясно, что поколений прошло очень много.

Афинянин. Значит, столько же времени или даже более не существовали тогда и те искусства, для которых нужно железо, медь и тому подобное.

Клиний. Разумеется.

Афинянин. И вот в те времена по многим причинам совершенно исчезли междоусобия и войны.

Клиний. Каким образом?

Афинянин. Прежде всего тогдашние люди любили друг друга и вследствие малочисленности относились друг к другу доброжелательно; пищу им также не приходилось оспаривать друг у друга, ибо не было недостатка в пастбищах — разве что кое у кого вначале, — а этим-то они в то время и жили по большей части. Не могло у них быть и недостатка в молоке и мясе; кроме того, они охотой добывали себе изрядную пищу. В изобилии имели они одежду, постель, жилища и утварь, как обожженную, так и простую; ибо ни одно из искусств, связанных с лепкой и плетением, не нуждается в железе. Оба этих искусства бог даровал людям, чтобы человеческий род, когда ощутит недостаток в железе, все же мог продолжаться и преумножаться. Благодаря этому не было и особенно бедных, так что бедность не принуждала людей к вражде. С другой стороны, они не могли также стать богатыми, ведь в те времена у них не было ни золота, ни серебра. Самые благородные нравы, пожалуй, возникают в таком общении, где рядом не обитают богатство и бедность. Ведь там не будет места ни наглости, ни несправедливости, ни ревности, ни зависти. По этой

причине и благодаря так называемому простодушию люди обладали тогда достоинством: по простоте душевной они считали истинным все то и повиновались всему тому, что слышали о прекрасном и безобразном. Ибо никто из них не обладал той хитростью, которая в наши дни заставляет во всем подозревать ложь; они считали истиной все рассказываемое о богах и людях и сообразно этому жили. Потому-то они и были вполне такими, как мы их сейчас изобразили.

Клиний. Я согласен с тобой, да и Мегилл тоже.

Афинянин. Итак, мы признаём, что много поколений прожило подобным образом. По сравнению с людьми, жившими до потопа, и нынешними они были менее сведущи и опытны в различных искусствах, в том числе и в военном, которое применяют теперь на суше и на море и даже внутри своего государства, причем называют это справедливостью или междоусобием; при этом и на словах и на деле изобретаются всякие средства, чтобы причинить друг другу зло и несправедливость. А те люди были более цельными и мужественными, а вместе с тем и более рассудительными и вообще более справедливыми. Причину этого мы уже разобрали.

Клиний. Ты прав.

Афинянин. Пусть сказанное нами со всеми вытекающими отсюда следствиями будет иметь одну цель: мы должны понять, была ли нужда в законах у тогдашних людей и кто был их законодателем.

Клиний. Отлично сказано.

Афинянин. Не правда ли, те люди не нуждались в законодателях? Да этого обычно и не бывает в такие времена, ведь в тот отрезок круговращения у них еще не было письменности, но жили они, следуя обычаям и так называемым дедовским законам.

Клиний. Вполне естественно.

Афинянин. Однако и это есть уже некий вид государственного устройства.

Клиний. Какой же?

Афинянин. Мне кажется, все называют тогдашнее государственное устройство династией. Оно и до сих пор встречается во многих местах как у эллинов, так и у варваров. <...>

Вследствие нужды, вызванной опустошением, люди разделились по родам с определенным местопребыванием для каждого, причем господствовал старейший, так как он получил эту власть от отца и матери; за ним следовали остальные, составляя, точно птицы, одну стаю, и они находились под управлением законов наших дедов и наиболее справедливой из всех царской власти.

Клиний. Конечно.

Афинянин. Постепенно все большее количество людей сходятся вместе, составляя большие по размеру сообщества. Прежде всего они обращаются к земледелию на склонах гор, сооружая каменные ограды наподобие стен для защиты от зверей и образуя одно общее большое жилище.

Клиний. Очень вероятно, что все это было именно так.

Афинянин. А это разве не будет вероятным...

Клиний. Что именно?

Афинянин. Что эти большие жилища увеличивались за счет первых, меньших. Каждое из меньших сообществ делилось на роды во главе со старейшиной и имело свои собственные обычаи, возникшие под влиянием раздельного жительства. Благодаря различным родоначальникам и воспитателям они приучались к различным воззрениям на богов и на самих себя. От более порядочных воспитателей они перенимали большую упорядоченность, от мужественных — большую мужественность и точно таким же образом запечатлевали в своих детях и внуках усвоенные ими взгляды. Словом, они вошли в большее сообщество, имея каждый свои законы.

Клиний. Не иначе.

Афинянин. Неизбежно каждому нравились больше свои законы, чужие же — меньше.

Клиний. Конечно.

Афинянин. Так, по-видимому, мы незаметно подошли к началу законодательства.

Клиний. Совершенно верно.

Афинянин. Вслед за этим сошедшие неизбежно должны были сообща избрать некоторых лиц из своей среды, чтобы те рассмотрели все узаконения, выбрали из них те, которые им больше понравятся, и, ясно их изложив, представили бы на общий совет предводителей и вожakov, игравших роль царей народов. Сами они должны были получить наименование законодателей, назначить должностных лиц, а государственный строй изменить, введя вместо династий аристократический образ правления или какой-либо род царской власти.

[38]

Законы. IV. 713b-715d. Афинянин. Говорят, что гораздо раньше тех государственных образований, которые мы разобрали выше, существовало, при Кроносе, в высшей степени счастливое правление и общество, которому подражает лучшее нынешнее государственное устройство.

Клиний. По-видимому, очень стоит об этом послушать.

Афинянин. По крайней мере мне так кажется, поэтому-то я и обратил на это особое внимание.

Клиний. Ты поступил очень правильно и сделаешь еще лучше, если расскажешь миф до конца — раз уж он нам подходит.

Афинянин. Я должен исполнить ваше желание. До нас дошло предание о блаженной жизни тогдашних людей, о том, как им все в изобилии и само собой доставалось. Причина этому была, говорят, вот такая: Кронос знал, что никакая человеческая природа — мы говорили об этом — не в состоянии неограниченно править человеческими делами без того, чтобы не преисполниться заносчивости и несправедливости; сознавая все это, Кронос поставил тогда царями и правителями наших государств не людей, но даймонов — существ более божественной и лучшей природы. Мы в наше время

поступаем так со стадами овец и других домашних животных, ведь мы не ставим быков начальниками над быками и коз – над козами, но сами, принадлежа к лучшему, чем они, роду, над ними властвуем. Точно так же и бог, будучи человеколюбив, поставил тогда над нами лучший род, род даймонов. Сами они с необычайной легкостью, не затрудняя людей, заботились о них и доставляли им в мир, совесть, благоустроенность и изобилие справедливости, что делало человеческие племена свободными от раздоров и счастливыми. Это сказание, согласное с истиной, утверждает и ныне, что государства, где правит не бог, а смертный, не могут избегнуть зол и трудов. А подразумевается здесь, что мы должны всеми средствами подражать той жизни, которая, как говорят, была при Кроносе; мы должны, насколько позволяет присущая нам доля бессмертия, убежденно следовать этой жизни как в общественных, так и в частных делах – в устройении наших государств и домов, – именуя законом эти определения разума. Если же какой-то отдельный человек, олигархическая власть или демократия, обладая душой, стремящейся к удовлетворению вожделений, требуют этого удовлетворения, в то же время ничего не могут сберечь и одержимы нескончаемым, ненасытным недугом, и при этом все они, поправ законы, станут управлять государством или каким-либо частным лицом, – тогда, как мы только что сказали, нет средств к спасению. Вот нам и надо, Клиний, рассмотреть это сказание: прислушаемся ли мы к нему или поступим как-то иначе?

Клиний. Необходимо к нему прислушаться.

Афинянин. Ты, конечно, заметил, что иные люди утверждают, будто существует столько же видов законов, сколько есть видов государственного устройства. Сколько видов государственного устройства насчитывает большинство людей, это мы недавно разобрали. Не думай, будто это наше разногласие с мнением большинства незначительно; наоборот, оно очень важно, ибо мы снова разошлись во мнениях относительно того, что надо подразумевать под справедливостью и несправедливостью. Законы, по мнению иных людей, не должны иметь в виду ни войну, ни всю добродетель в целом; люди полагают, что законы должны иметь целью пользу уже установившегося правления, так, чтобы оно оставалось навеки и не было никогда нарушено. Такое определение справедливости они считают наиболее согласным с природой.

Клиний. Какое определение?

Афинянин. Гласящее, что справедливость есть польза сильнейшего.

Клиний. Скажи яснее.

Афинянин. Вот в чем дело: они утверждают, что те, кто одержал верх в государстве, и устанавливают там всегда законы. Не так ли?

Клиний. Ты прав,

Афинянин. «Не думаете ли вы, – говорят они, – что одержавший победу тиран, народ или другое какое-нибудь правление добровольно установят законы, имеющие в виду что-то иное, кроме их собственной пользы, то есть закрепления за собой власти?»

Клиний. Как может быть иначе?

Афинянин. Значит, тот, кто устанавливает законы, назовет эти законы справедливыми, а нарушившего их станет наказывать как преступника.

Клиний. Это очевидно.

Афинянин. Стало быть, так и всегда обстоит дело со справедливостью.

Клиний. По крайней мере так вытекает из сказанного.

Афинянин. А это и есть одна из тех основ власти.

Клиний. Каких?

Афинянин. Тех, о которых мы упомянули, когда разбирали, кому надлежит кем править. Выяснилось, что родители должны править детьми, старшие – младшими, благородные – неблагородными. Помнится, было там немало и других утверждений, причем многие из них противоречили другим. В том числе говорилось там и об этом, и мы сказали, что Пиндар, ссылаясь на природу, оправдывает величайшее насилие, так по крайней мере он говорит.

Клиний. Да, именно это было тогда указано.

Афинянин. Смотри же, кому нам следует вручить наше государство. Ведь в некоторых государствах многократно случалось вот что...

Клиний. О чем ты говоришь?

Афинянин. Так как в государствах этих происходила борьба за власть, то победители присваивали исключительно себе все государственные дела – настолько, что побежденным, как самим, так и их потомкам, не давали ни малейшей доли в управлении. Всю жизнь они были настороже друг против друга, ибо боялись, что кто-то восстанет, захватит власть и припомнит им тогда прошлые их злодеяния. А ведь подобное положение вещей, как мы теперь утверждаем, не есть государственное устройство: неправильны те законы, что установлены не ради общего блага всего государства в целом. Мы признаем, что там, где законы установлены в интересах нескольких человек, речь идет не о государственном устройстве, а только о внутренних расприх и то, что считается там справедливостью, носит вотще это имя. Мы говорим так потому, что ведь в твоём государстве мы будем предоставлять государственные должности не тем, кто богат, силен, велик ростом, знатен или обладает другим каким-либо из подобных качеств, но тем, кто будет всего более послушен установленным законам и этим одержит победу в государстве. Такому человеку, утверждаем мы, надо первому предоставить верховное служение богам; второе по важности служение – тому, кто был вторым, и так далее, распределяя места по тому же признаку. Не ради нового словца назвал я сейчас правителей служителями законов, я действительно убежден, что спасение государства зависит от этого больше, чем от чего-то иного. В противном случае государство гибнет. Я вижу близкую гибель того государства, где закон не имеет силы и находится под чьей-либо властью. Там же, где закон – владыка над правителями, а они – его рабы, я усматриваю спасение государства и все блага, какие только могут даровать государствам боги.

I 1.2-9,12. Неправильно говорят те, которые полагают, будто понятия «государственный муж», «царь», «домохозяин», «господин» суть понятия тождественные. Ведь они считают, что эти понятия различаются в количественном, а не в качественном отношении; скажем, господин – тот, кому подвластно небольшое число людей; домохозяин – тот, кому подвластно большее число людей; а кому подвластно еще большее число – это государственный муж или царь; будто нет никакого различия между большой семьей и небольшим государством и будто отличие государственного мужа от царя состоит в том, что царь правит в силу лично ему присущей власти, а государственный муж отчасти властвует, отчасти подчиняется на основах соответствующей науки – политики. Это, однако, далеко от истины. Излагаемое станет ясным при рассмотрении с помощью усвоенного нами ранее метода: как в других случаях, расчленив сложное на его простые элементы (мельчайшие части целого) и рассматривая, из чего состоит государство, мы и относительно перечисленных понятий лучше увидим, чем они отличаются одно от другого и возможно ли каждому из них дать научное объяснение.

И здесь, как и повсюду, наилучший способ теоретического построения состоял бы в рассмотрении первичного образования предметов. Так, необходимость побуждает прежде всего сочетаться попарно тех, кто не может существовать друг без друга, – женщину и мужчину в целях продолжения потомства; и сочетание это обуславливается не сознательным решением, но зависит от естественного стремления, свойственного и остальным живым существам и растениям, – оставить после себя другое подобное себе существо.

[Точно так же в целях взаимного самосохранения необходимо объединяться попарно существу], в силу своей природы властвующему, и существу, в силу своей природы подвластному. Первое благодаря своим умственным свойствам способно к предвидению, и потому оно уже по природе своей существо властвующее и господствующее; второе, так как оно способно лишь своими физическими силами исполнять полученные указания, является существом подвластным и рабствующим. Поэтому и господину и рабу полезно одно и то же. Но женщина и раб по природе своей два различных существа: ведь творчество природы ни в чем не уподобляется жалкой работе кузнецов, изготавливающих «дельфийский нож»; напротив, в природе каждый предмет имеет свое назначение. Так, всякий инструмент будет наилучшим образом удовлетворять своему назначению, если он предназначен для исполнения одной работы, а не многих. У варваров женщина и раб занимают одно и то же положение, и объясняется это тем, что у них отсутствует элемент, предназначенный во природе своей к властвованию. У них бывает только одна форма общения – общение раба и рабыни. Поэтому и говорит поэт: «Прилично властвовать над варварами грекам»; варвар и раб по природе своей понятия тождественные. Итак, из указанных двух форм общения получается первый вид общения – семья. <...>

Общение, состоящее из нескольких семей и имеющее целью обслуживание не кратковременных только потребностей, – селение. Вполне естественно, что

селение можно рассматривать как колонию семьи; некоторые и называют членов одного и того же селения «молочными братьями», «сыновьями», «внуками». Греческие государства потому вначале и управлялись царями (а в настоящее время то же мы видим у негреских племен), что они образовались из элементов, признававших над собой царскую власть: ведь во всякой семье старший облечен полномочиями царя. И в колониях семей – селениях поддерживали в силу родственных отношений между их членами тот же порядок. Об этом именно и упоминает Гомер, говоря: «Правит каждый женами и детьми», ведь они жили отдельными селениями, как, впрочем, и вообще жили люди в древние времена. И о богах говорят, что они состоят под властью царя, потому что люди – отчасти еще и теперь, а отчасти и в древнейшие времена – управлялись царями и, так же как люди уподобляют внешний вид богов своему виду, так точно они распространили, это представление и на образ жизни богов.

Общество, состоящее из нескольких селений, есть вполне завершенное государство, достигшее, можно сказать, в полной мере самодовлеющего состояния и возникшее ради потребностей жизни, но существующее ради достижения благой жизни. Отсюда следует, что всякое государство – продукт естественного возникновения, как и первичные общины: оно является завершением их, в завершении же сказывается природа. Ведь мы называем природой каждого объекта – возьмем, например, природу человека, коня, семьи – то его состояние, какое получается при завершении его развития. Сверх того, в осуществлении конечной цели и состоит высшее завершение, а самодовлеющее существование оказывается и завершением, и наивысшим существованием.

Из всего сказанного явствует, что государство принадлежит к тому, что существует по природе, и что человек по природе своей есть существо политическое, а тот, кто в силу своей природы, а не вследствие случайных обстоятельств живет вне государства, – либо недоразвитое в нравственном смысле существо, либо сверхчеловек; его и Гомер поносит, говоря «без роду, без племени, вне законов, без очага»; такой человек по своей природе только и жаждет войны; сравнить его можно с изолированной пешкой на игральной доске. <...>

Итак, очевидно, государство существует по природе и по природе предшествует каждому человеку; поскольку последний, оказавшись в изолированном состоянии, не является существом самодовлеющим, то его отношение к государству такое же, как отношение любой части к своему целому. А тот, кто не способен вступить в общение или, считая себя существом самодовлеющим, не чувствует потребности ни в чем, уже не составляет элемента государства, становясь либо животным, либо божеством.

Во всех людей природа вселила стремление к государственному общению, и первый, кто это общение организовал, оказал человечеству величайшее благо, Человек, нашедший свое завершение, – совершеннейшее из живых существ, и, наоборот, человек, живущий вне закона и права, – наихудший из всех, ибо несправедливость, владеющая оружием, тяжелее всего; природа же дала

человеку в руки оружие – умственную и нравственную силу, а ими вполне можно пользоваться в обратную сторону. Поэтому человек, лишенный добродетели, оказывается существом самым нечестивым и диким, низменным в своих половых и вкусовых позывах. Понятие справедливости связано с представлением о государстве, так как право, служащее мерилом справедливости, является регулирующей нормой политического общения.

[40]

I 2.21. Из предыдущего ясно и то, что власть господина и власть государственного мужа, равно как и все виды власти, не тождественны, как то утверждают некоторые. Одна – власть над свободными по природе, другая – власть над рабами. Власть господина в семье – монархия (ибо всякая семья управляется своим господином монархически), власть же государственного мужа – это власть над свободными и равными.

[41]

II 1.1. Так как мы ставим своей задачей исследование человеческого общения в наиболее совершенной его форме, дающей людям полную возможность жить согласно их стремлениям, то надлежит рассмотреть и те из существующих государственных устройств, которыми, с одной стороны, пользуются некоторые государства, признаваемые благоустроенными, и которые, с другой стороны, проектировались некоторыми писателями и кажутся хорошими. Таким образом мы будем в состоянии открыть, что можно усмотреть в них правильного и полезного, а вместе с тем доказать, что наше намерение отыскать такой государственный строй, который отличался бы от существующих, объясняется не желанием мудрствовать во что бы то ни стало, но тем, что эти существующие ныне устройства не удовлетворяют своему назначению.

[42]

III 1.1-14. Исследователю видов государственного строя и присущих им свойств надлежит прежде всего подвергнуть рассмотрению вопрос о государстве вообще и разобрать, что такое собственно государство. В настоящее время на этот счет существует разногласие; одни утверждают, что то или иное действие совершило государство, другие говорят: нет, не государство, а олигархия или тиран. В самом деле, мы видим, что вся деятельность государственного мужа и законодателя направлена исключительно на государство (*polis*), а государственное устройство (*politeia*) есть известная организация обитателей государства. Ввиду того что государство представляет собой нечто составное, подобное всякому целому, по состоящему из многих частей, ясно, что сначала следует определить, что такое гражданин, ведь государство есть совокупность граждан. Итак, должно рассмотреть, кого следует называть гражданином и что такое гражданин. Ведь часто мы встречаем разногласие в определении понятия гражданина: не все

согласны считать гражданином одного и того же; тот, кто в демократии гражданин, в олигархии часто уже не гражданин.

<...>

Лучше всего безусловное понятие гражданина может быть определено через участие в суде и власти. Некоторые из должностей бывают временными: один и тот же человек либо вообще не может занимать их вторично, либо может занимать, но лишь по истечении определенного времени; относительно же других ограничения во времени нет – сюда относится участие в суде и в народном собрании. Однако, пожалуй, кто-нибудь заметит, что судьи и участники народного собрания не являются должностными лицами и что в силу этого они не принимают участия в государственном управлении, хотя, с другой стороны, было бы смешно считать лишенными власти именно тех, кто выносит важнейшие решения. Но это не имеет никакого значения, так как речь идет только о названии. В самом деле, общего обозначения для судей и участников народного собрания не существует; пусть эти должности и останутся без более точного определения, лишь бы были разграничены понятия. Мы же считаем гражданами тех, кто участвует в суде и в народном собрании. Примерно такое определение понятия гражданина лучше всего подходит ко всем тем, кто именуется гражданами.

Не следует упускать из виду, что для предметов, содержание которых обнаруживает видовые различия, так что один из них является первым, другой – вторым, третий – следующим, общего признака либо не бывает вовсе, либо он имеется лишь в недостаточной степени. Между тем государственные устройства представляют собой видовые различия, и одни из них заслуживают этого наименования в меньшей, другие – в большей степени; ведь основанные на ошибочных началах и отклоняющиеся от правильных государственные устройства неизбежно стоят ниже тех, которые свободны от этих недостатков (что мы разумеем под отклоняющимися видами, выяснится впоследствии). Таким образом, и гражданин должен быть тем или иным в зависимости от того или иного вида государственного устройства. Тот гражданин, о котором сказано выше, соответствует преимущественно гражданину демократического устройства; к остальным видам государственного устройства это определение подходит может, но не обязательно. При некоторых видах государственного устройства демоса нет, нет и обыкновения созывать народные собрания, за исключением чрезвычайных случаев, и судебные полномочия поделены между разными должностными лицами; так, например, в Лакедемонии различного рода гражданские дела разбирает тот или иной из эфоров, уголовные – геронты, другие дела – также какие-нибудь другие должностные лица. То же самое и в Карфагене, где по всем судебным делам выносят решения определенные должностные лица. Значит, наше определение понятия гражданина нуждается в поправке: при других государственных устройствах участником народного собрания и судьей является не подпадающее определению должностное лицо, а лицо, наделенное определенными полномочиями: из них или всем, или некоторым предоставляется право быть членами совета и разбирать либо все судебные дела, либо некоторые из них.

Что такое гражданин, отсюда ясно. О том, кто имеет участие в законосовещательной или судебной власти, мы можем утверждать, что он и является гражданином данного государства. Государством же мы и называем совокупность таких граждан, достаточную, вообще говоря, для самодовлеющего существования.

На практике гражданином считается тот, у кого родители – и отец и мать – граждане, а не кто-либо один из них. Другие идут еще дальше в этом отношении и требуют, например, чтобы предки гражданина во втором, третьем и даже более отдаленном колене были также гражданами. Но при таком необходимом в государственных целях и поспешном определении иногда возникает затруднение, как удостовериться в гражданском происхождении предка в третьем или в четвертом колене. <...> Требование это встречается еще большее затруднение в том случае, когда кто-либо получил гражданские права благодаря изменению государственного устройства, как это сделал, например, в Афинах Клисфен после изгнания тиранов; он вписал в филы многих иностранцев и рабов-метеков. По отношению к таким гражданам спорный вопрос не в том, кто из них гражданин, а в том, по праву или не по праву, хотя и при этом может встретиться новое затруднение, а именно: если кто-либо стал гражданином не по праву, то, значит, он и не гражданин, так как несправедливое равносильно ложному. Но мы видим, что некоторые даже занимают должности не по праву, и тем не менее мы называем их должностными лицами, хотя и не по праву. Так как мы определили понятие гражданина в зависимости от отношения его к той или иной должности, а именно сказали, что гражданин – тот, кто имеет доступ к такой-то должности, то занимающих должности нам явно следует считать гражданами, а по праву ли они граждане или не по праву – это стоит в связи с указанным выше спорным вопросом.

Некоторые затрудняются решить, когда то или иное действие должно быть признаваемо действием государства и когда – нет; например, при переходе олигархии или тирании в демократию некоторые отказываются от исполнения обязательств, указывая на то, что эти обязательства взяло на себя не государство, а тиран, равно как и от многого другого подобного же рода, ссылаясь на то, что некоторые виды государственного устройства существуют благодаря насилию, а не ради общей пользы. Хотя бы некоторые и управлялись демократически таким способом, все же должно признавать действия, исходящие от правительства такого демократического государства, действиями государственными, равно как и действия, исходящие от правительств олигархических и тиранических государств.

Поставленный нами вопрос, по-видимому, соприкасается с трудноразрешимым вопросом такого рода: при каких обстоятельствах должно утверждать, что государство осталось тем же самым или стало не тем же самым, но иным? При самом поверхностном рассмотрении это вопрос о территории и населении, ведь можно себе представить, что территория и население разъединены и одни живут на одной территории, другие на другой. Но это затруднение сравнительно простое (ввиду того что слово “государство”

употребляется в разных значениях, исследование, вопроса становится легким). Равным образом, если люди живут на одной и той же территории, когда следует считать, что здесь единое государство? Разумеется, дело не в стенах, ведь весь Пелопоннес можно было бы окружить одной стеной. Чем-то подобным является Вавилон и всякий город, представляющий собой скорее племенной округ, нежели государственную общину: по рассказам, уже три дня прошло, как Вавилон был взят, а часть жителей города ничего об этом не знала. Впрочем, рассмотрение этого вопроса полезно отложить до другого случая (государственный муж не должен оставлять без внимания и вопрос о величине государства, какова она должна быть, равно как и то, что полезнее для государства – чтобы в нем обитало одно племя или несколько). Но допустим, что одна и та же территория заселена одними и теми же обитателями; спрашивается: до тех пор пока обитатели ее будут одного и того же происхождения, следует ли их государство считать одним и тем же, несмотря на то что постоянно одни умирают, другие нарождаются? Не происходит ли здесь то же, что бывает с реками и источниками? Мы обыкновенно называем и реки и источники одними и теми же именами, хотя непрерывно одна масса воды прибывает, другая убывает. Или ввиду такого рода обстоятельств следует считать только обитателей одними и теми же, а государство признавать иным? Если государство есть некая общность – а оно именно и есть общность граждан относительно государственного устройства, – то естественно, раз государственное устройство видоизменяется и отличается от прежнего, и государство признавать не одним и тем же; ведь различаем же мы хоры – хор в комедии, хор в трагедии, хотя часто тот и другой хор состоит из одних и тех же людей. Точно так же мы называем иным всякого рода общение и соединение, если видоизменяется его характер; например, тональность, состоящую из одних и тех же тонов, мы называем различно: в одном случае – дорийской, в другой – фригийской. А если так, тождественность государства должна определяться главным образом применительно к его строю; давать же государству наименование иное или то же самое можно и независимо от того, населяют ли его одни и те же жители или совершенно другие. Справедливо ли при изменении государством его устройства не выполнять обязательства или выполнять их – это вопрос иного порядка.

[43]

III 4.1-5.4. Государственное устройство (*politeia*) – это распорядок в области организации государственных должностей вообще, и в первую очередь верховной власти: верховная власть повсюду связана с порядком государственного управления, а последний и есть государственное устройство. Я имею в виду, например, то, что в демократических государствах верховная власть – в руках народа; в олигархиях, наоборот, в руках немногих; поэтому и государственное устройство в них мы называем различным. С этой точки зрения мы будем судить и об остальном.

Следует предположить вопрос: для какой цели возникло государство и сколько видов имеет власть, управляющая человеком в его общественной жизни? Уже в начале наших рассуждений, при разъяснении вопроса о домохозяйстве и власти господина в семье, было указано, что человек по природе своей есть существо политическое, в силу чего даже те люди, которые нисколько не нуждаются во взаимопомощи, безотчетно стремятся к совместному жительству.

Впрочем, к этому людей побуждает и сознание общей пользы, поскольку на долю каждого приходится участие в прекрасной жизни; это по преимуществу и является целью как для объединенной совокупности людей, так и для каждого человека в отдельности. Люди объединяются и ради самой жизни, скрепляя государственное общение: ведь, пожалуй, и жизнь, взятая исключительно как таковая, содержит частицу прекрасного, исключая разве только те случаи, когда слишком преобладают тяготы. Ясно, что большинство людей готово претерпевать множество страданий из привязанности к жизни, так как в ней самой по себе заключается некое благоденствие и естественная сладость.

Нетрудно различить так называемые разновидности власти; о них мы неоднократно рассуждали и в экзотерических сочинениях. Власть господина над рабом, хотя одно и то же полезно и для прирожденного раба, и для прирожденного господина, все-таки имеет в виду главным образом пользу господина, для раба же она полезна привходящим образом (если гибнет раб, власть господина над ним, очевидно, должна прекратиться). Власть же над детьми, над женой и над всем домом, называемая нами вообще властью домохозяйственной, имеет в виду либо благо подвластных, либо совместно благо обеих сторон, но по сути дела благо подвластных, как мы наблюдаем и в остальных искусствах, например в медицине и гимнастике, которые случайно могут служить и благом самих обладающих этими искусствами. Ведь ничто не мешает педотрибу иногда и самому принять участие в гимнастических упражнениях, равно как и кормчий всегда является и одним из моряков. И педотриб или кормчий имеет в виду благо подвластных ему, но когда он сам становится одним из них, то случайно и он получает долю пользы: кормчий оказывается моряком, педотриб – одним из занимающихся гимнастическими упражнениями. Поэтому и относительно государственных должностей – там, где государство основано на началах равноправия и равенства граждан, – выступает притязание на то, чтобы править по очереди. Это притязание первоначально имело естественные основания; требовалось, чтобы государственные повинности исполнялись поочередно, и каждый желал, чтобы, подобно тому как он сам, находясь ранее у власти, заботился о пользе другого, так и этот другой в свою очередь имел в виду его пользу. В настоящее время из-за выгод, связанных с общественным делом и нахождением у власти, все желают непрерывно обладать ею, как если бы те, кто стоит у власти, пользовались постоянным цветущим здоровьем, невзирая на свою болезненность; потому что тогда также стали бы стремиться к должностям. Итак, ясно, что только те государственные устройства, которые имеют в виду

общую пользу, являются, согласно со строгой справедливостью, правильными; имеющие же в виду только благо правящих – все ошибочны и представляют собой отклонения от правильных: они основаны на началах господства, а государство есть общение свободных людей.

После того как это установлено, надлежит обратиться к рассмотрению государственных устройств – их числа и свойств, и прежде всего правильных, так как из их определения ясными станут и отклонения от них.

Государственное устройство означает то же, что и порядок государственного управления, последнее же олицетворяется верховной властью в государстве, и верховная власть непременно находится в руках либо одного, либо немногих, либо большинства. И когда один ли человек, или немногие, или большинство правят, руководясь общественной пользой, естественно, такие виды государственного устройства являются правильными, а те, при которых имеются в виду выгоды либо одного лица, либо немногих, либо большинства, являются отклонениями. Ведь нужно признать одно из двух: либо люди, участвующие в государственном общении, не граждане, либо они все должны быть причастны к общей пользе. Монархическое правление, имеющее в виду общую пользу, мы обыкновенно называем царской властью; власть немногих, но более чем одного – аристократией (или потому, что правят лучшие, или потому, что имеется в виду высшее благо государства и тех, кто в него входит); а когда ради общей пользы правит большинство, тогда мы употребляем обозначение, общее для всех видов государственного устройства, – полития. И такое разграничение оказывается логически правильным: один человек или немногие могут выделяться своей добродетелью, но преуспеть во всякой добродетели для большинства – дело уже трудное, хотя легче всего – в военной доблести, так как последняя встречается именно в народной массе. Вот почему в такой политии верховная власть сосредоточивается в руках воинов, которые вооружаются на собственный счет. Отклонения от указанных устройств следующие: от царской власти – тирания, от аристократии – олигархия, от политии – демократия. Тирания – монархическая власть, имеющая в виду выгоды одного правителя; олигархия блюдет выгоды состоятельных граждан; демократия – выгоды неимущих; общей же пользы ни одна из них в виду не имеет.

[44]

III 5.10-II. Государство создается не ради того только, чтобы жить, но преимущественно для того, чтобы жить счастливо; в противном случае следовало бы допустить также и государство, состоящее из рабов или из животных, чего в действительности не бывает, так как ни те ни другие не составляют общества, стремящегося к благоденствию всех и строящего жизнь по своему предначертанию. Равным образом государство не возникает ради заключения союза в целях предотвращения возможности обид с чьей-либо стороны, также не ради взаимного торгового обмена и услуг; иначе этруски и карфагеняне и вообще все народы, объединенные заключенными между ними торговыми договорами, должны были бы считаться гражданами одного

государства. Правда, у них существуют соглашения касательно ввоза и вывоза товаров, имеются договоры с целью предотвращения взаимных недоразумений и есть письменные постановления касательно военного союза. Но для осуществления всего этого у них нет каких-либо общих должностных лиц, наоборот, у тех и других они разные; ни те ни другие не заботятся ни о том, какими должны быть другие, ни о том, чтобы кто-нибудь из состоящих в договоре не был несправедлив, чтобы он не совершил какой-либо низости; они пекутся исключительно о том, чтобы не вредить друг другу. За добродетелью же и пороком в государствах заботливо наблюдают те, кто печется о соблюдении благозакония; в этом и сказывается необходимость заботиться о добродетели граждан тому государству, которое называется государством по истине, а не только на словах. В противном случае государственное общение превратится в простой союз, отличающийся от остальных союзов, заключенных с союзниками, далеко живущими, только в отношении пространства. Да и закон в таком случае оказывается простым договором или, как говорил софист Ликофрон, просто гарантией личных прав; сделать же граждан добрыми и справедливыми он не в силах.

[45]

III 6.1-7.1. Не легко при исследовании определить, кому должна принадлежать верховная власть в государстве: народной ли массе, или богатым, или порядочным людям, или одному наилучшему из всех, или тирану. Все это, оказывается, представляет трудность для решения. Почему, в самом деле? Разве справедливо будет, если бедные, опираясь на то, что они представляют большинство, начнут делить между собой состояние богатых? Скажут «да, справедливо», потому что верховная власть постановила считать это справедливым. Но что же тогда будет подходить под понятие крайней несправедливости? Опять-таки ясно, что если большинство, взяв себе все, начнет делить между собой достояние меньшинства, то этим оно погубит государство, а ведь добродетель не губит того, что заключает ее в себе, да и справедливость не есть нечто такое, что разрушает государство. Таким образом, ясно, что подобный закон не может считаться справедливым. Сверх того, пришлось бы признать справедливыми и все действия, совершенные тираном: ведь он поступает насильственно, опираясь на свое превосходство, как масса – по отношению к богатым. Но может быть, справедливо, чтобы властвовало меньшинство, состоящее из богатых? Однако, если последние начнут поступать таким же образом, т. е. станут расхищать и отнимать имущество у массы, будет ли это справедливо? В таком случае справедливо и противоположное. Очевидно, что такой образ действий низок и несправедлив. Что же, значит, должны властвовать и стоять во главе всего люди порядочные? Но в таком случае все остальные неизбежно утратят политические права, как лишенные чести занимать государственные должности. Занимать должности мы ведь считаем почетным правом, а если должностными лицами будут одни и те же, то остальные неизбежно окажутся лишенными этой чести. Не лучше ли, если власть будет сосредоточена в руках одного, самого дельного? Но тогда

получится скорее приближение к олигархии, так как большинство будет лишено политических прав. Пожалуй, кто-либо скажет: вообще плохо то, что верховную власть олицетворяет собой не закон, а человек, душа которого подвержена влиянию страстей. Однако если это будет закон, но закон олигархический или демократический, какая от него будет польза при решении упомянутых затруднений? Получится опять-таки то, о чем сказано выше. Об остальных вопросах речь будет в другом месте. А то положение, что предпочтительнее, чтобы верховная власть находилась в руках большинства, нежели меньшинства, хотя бы состоящего из наилучших, может считаться, по-видимому, удовлетворительным решением вопроса и заключает в себе некое оправдание, а пожалуй даже и истину. Ведь может оказаться, что большинство, из которого каждый сам по себе и не является дельным, объединившись, окажется лучше тех, не порознь, но в своей совокупности, подобно тому как обеды в складчину бывают лучше обедов, устроенных на средства одного человека. Ведь так как большинство включает в себя много людей, то, возможно, в каждом из них, взятом в отдельности, и заключается известная доля добродетели и рассудительности; а когда эти люди объединяются, то из многих получается как бы один человек, у которого много и рук, много и ног, много и восприимчивости, так же обстоит и с характером, и с пониманием. Вот почему большинство лучше судит о музыкальных и поэтических произведениях: одни судят об одной стороне, другие – о другой, а все вместе судят о целом. Дельные люди отличаются от каждого взятого из массы тем же, чем, как говорят, красивые отличаются от некрасивых или картины, написанные художником, – от картин природы: именно тем, что в них объединено то, что было рассеянным по разным местам; и когда объединенное воедино разделено на его составные части, то, может оказаться, у одного человека глаз, у другого какая-нибудь другая часть тела будет выглядеть прекраснее того, что изображено на картине. Однако неясно, возможно ли для всякого народа и для всякой народной массы установить такое же отношение между большинством и немногими дельными людьми. Клянусь Зевсом, для некоторых это, пожалуй, невозможно (то же соображение могло бы быть применено и к животным; в самом деле, чем, так сказать, отличаются некоторые народы от животных?). Однако по отношению к некоему данному большинству ничто не мешает признать сказанное истинным.

Вот таким путем и можно было бы разрешить указанное ранее затруднение, а также и другое затруднение, стоящее в связи с ним: над чем, собственно, должна иметь верховную власть масса свободнорожденных граждан, т.е. все те, кто и богатством не обладает, и не отличается ни одной выдающейся добродетелью? Допускать таких к занятию высших должностей не безопасно: не обладая чувством справедливости и рассудительностью, они могут поступать то несправедливо, то ошибочно. С другой стороны, опасно и устранять их от участия во власти: когда в государстве много людей лишено политических прав, когда в нем много бедняков, такое государство неизбежно бывает переполнено враждебно настроенными людьми. Остается одно: предоставить им участвовать в совещательной и судебной власти. Поэтому и

Солон, и некоторые другие законодатели предоставляют им право принимать участие в выборе должностных лиц и в принятии отчета об их деятельности, но самих к занятию должностей не допускают; объединяясь в одно целое, они имеют достаточно рассудительности и, смешавшись с лучшими, приносят пользу государству, подобно тому как неочищенные пищевые продукты в соединении с очищенными делают всякую пищу более полезной, нежели состоящую из очищенных в небольшом количестве. Отдельный же человек далек от совершенства при обсуждении дел.

Эта организация государственного строя представляет затруднение прежде всего потому, что, казалось бы, правильно судить об успешности лечения может только тот, кто сам занимался врачебным искусством и вылечил больного от имевшейся у него болезни, т.е. врач. То же самое – и относительно остальных искусств и всякого рода деятельности, основанной на опыте. И как врачу должно давать отчет врачам, так и остальным должно давать отчет людям одинаковой с ними профессии. Врачом же считается и лечащий врач, и человек, изучающий медицину с точки зрения высшего знания, и, в-третьих, человек, только получивший медицинское образование (подобные разряды людей имеются, вообще говоря, во всех искусствах), и мы предоставляем право судить таким получившим образование людям не меньше, чем знатокам. Пожалуй, такой же порядок может быть установлен и при всякого рода выборах. Но сделать правильный выбор могут только знатоки, например, люди, сведущие в землемерном искусстве, могут правильно выбрать землемера, люди, сведущие в кораблевождении, – кормчего; и если в выборе людей для некоторых работ и ремесел принимает участие и кое-кто из несведущих, то, во всяком случае, не в большей степени, чем знатоки. С этой точки зрения невозможно было бы предоставлять народной массе решающий голос ни при выборах должностных лиц, ни когда принимается отчет об их деятельности. Однако, может быть, не все это сказано правильно, и в соответствии с прежним замечанием если народная масса не лишена всецело достоинств, свойственных свободнорожденному человеку, то каждый в отдельности взятый будет худшим судьей, а все вместе будут не лучшими или, во всяком случае, не худшими судьями. В некоторых случаях не один только мастер является единственным и наилучшим судьей, именно там, где дело понимают и люди, не владеющие искусством; например, дом знает не только тот, кто его построил, но о нем еще лучше будет судить тот, кто им пользуется, т.е. домохозяин; точно так же руль лучше знает кормчий, чем мастер, сделавший руль, и о пиршестве гость будет судить правильнее, нежели повар. Словом, это затруднение мы, пожалуй, сможем удовлетворительно разрешить вышесказанным образом. Но за этим затруднением следует другое. Кажется нелепым, что в более важных делах решающее значение будут иметь простые люди предпочтительно перед порядочными; а ведь принятие отчетов от должностных лиц и выборы их – дело очень важное. При некоторых государственных устройствах, как сказано, это предоставлено народу, поскольку народное собрание имеет верховную власть во всех подобного рода делах. В народном собрании, в совете и в суде участвуют люди, имеющие

небольшой имущественный ценз и любого возраста; казначеями же и стратегами и вообще высшими должностными лицами являются люди, обладающие крупным имущественным цензом. Но и последнее затруднение можно было бы разрешить так же легко, и, может быть, здесь тоже все правильно. Ведь властью является не член суда, не член совета, не член народного собрания, но суд, совет и народное собрание; каждый из поименованных членов представляет собой только составную часть самих учреждений (я называю такими составными частями членов совета, народного собрания и суда), так что народная масса с полным правом имеет в своих руках верховную власть над более важными делами: и народное собрание, и совет, и суд состоят из многих, да и имущественный ценз всех, вместе взятых, превышает имущественный ценз каждого в отдельности или немногих, занимающих высокие посты в государстве. Вот каким образом разрешается это дело. Из первого же указанного нами затруднения с очевидностью вытекает только следующее положение: правильное законодательство должно быть верховной властью, а должностные лица – будь это одно или несколько – должны иметь решающее значение только в тех случаях, когда законы не в состоянии дать точный ответ, так как не легко вообще дать вполне определенные установления касательно всех отдельных случаев. А какого характера должно быть правильное законодательство – тут ничего ясного еще сказать нельзя; здесь остается еще указанное ранее затруднение, а именно: и законы в той же мере, что и виды государственного устройства, могут быть плохими или хорошими, основанными или не основанными на справедливости. Ясно только одно: законы должны быть согласованы с тем или иным видом государственного устройства. А если так, то, очевидно, законы, соответствующие правильным видам государственного устройства, будут справедливыми, законы же, соответствующие отклонениям от правильных видов, будут несправедливыми. Если конечной целью всех наук и искусств является благо, то высшее благо есть преимущественная цель самой главной из всех наук и искусств, именно политики. Государственным благом является справедливость, т. е. то, что служит общей пользе.

[46]

III 11.2-9. Некоторым кажется противостественным, чтобы один человек имел всю полноту власти над всеми гражданами в том случае, когда государство состоит из одинаковых: для одинаковых по природе необходимо должны существовать по природе же одни и те же права и почет. И если вредно людям с неодинаковыми телесными свойствами питаться одной и той же пищей или носить одну и ту же одежду, то так же дело обстоит и с почетными правами; одинаково вредно и неравенство среди равных. Поэтому справедливость требует, чтобы все равные властвовали в той же мере, в какой они подчиняются, и чтобы каждый поочередно то повелевал, то подчинялся. Здесь мы уже имеем дело с законом, ибо порядок и есть закон. Поэтому предпочтительнее, чтобы властвовал закон, а не кто-либо один из среды

граждан. На том же самом основании, даже если будет признано лучшим, чтобы власть имели несколько человек, следует назначать этих последних стражами закона и его слугами. Раз неизбежно существование тех или иных должностей, то, скажут, будет несправедливо при всеобщем равенстве объединение их в руках одного лица. А на то замечание, что закон, по-видимому, не в состоянии предусмотреть все возможные случаи, можно возразить, что и человек был бы не в силах их предугадать. Во всяком случае, закон, надлежащим образом воспитавший должностных лиц, предоставляет им возможность в прочих делах выносить судебные решения и управлять, руководствуясь наиболее справедливым суждением. Он позволяет им вносить в него поправки, если опыт покажет, что они содействуют улучшению существующих установлений. Итак, кто требует, чтобы властвовал закон, по-видимому, требует, чтобы властвовало только божество и разум, а кто требует, чтобы властвовал человек, привносит в это и животное начало, ибо страсть есть нечто животное и гнев совращает с истинного пути правителей, хотя бы они были и наилучшими людьми; напротив, закон – это свободный от безотчетных позывов разум. Пример из области искусств, который показывает, что лечить согласно букве предписания – плохо, а предпочтительнее обращаться к знатокам врачебного искусства, представляется ошибочным. Врачи ведь ничего не будут делать из дружбы против правил; они и вознаграждение получают после того, как вылечили больного. Напротив, люди, занимающие государственные должности, зачастую во многом поступают, руководясь злобой или приязнью. В случае если возникает подозрение, что врачи по наговору недоброжелателей собираются ради корысти погубить больного, люди предпочитают, чтобы они лечили согласно букве предписания. Больные врачи зовут к себе других врачей; педотрибы, занимаясь гимнастическими упражнениями, приглашают других педотрибов, потому что они не в состоянии судить об истине, когда дело касается их самих, и они сами подвержены страстям. Таким образом, ясно, что ищущий справедливости ищет чего-то беспристрастного, а закон и есть это беспристрастное.

Сверх того, следует прибавить, что законы, основанные на обычае, имеют большее значение и касаются более важных дел, нежели законы писанные, так что если какой-нибудь правящий человек и кажется более надежным, чем писанные законы, то он ни в коем случае не является таковым по сравнению с законами, основанными на обычае. К тому же не очень легко одному человеку наблюдать за многими; поэтому ему придется назначить в помощь нескольких должностных лиц. Какая же в таком случае разница: создается ли такое положение вещей сразу, или один человек устанавливает соответствующий порядок? К этому можно присоединить то, о чем было сказано выше: если дельный муж вследствие того, что он лучше другого, имеет право на власть, то ведь двое хороших мужей лучше одного хорошего. Сюда подходит и изречение «два, совокупно идущих», и пожелание Агамемнона «[если б] десять таких у меня советников [было]». И в настоящее время должностные лица бывают правомочны выносить свои решения по поводу некоторых дел, например судья

в том случае, когда закон не способен дать решение. Но там, где это оказывается возможным, ни у кого не является сомнение в том, что самое лучшее будет предоставить власть и решение именно закону. И только вследствие того обстоятельства, что решение одних вопросов может быть подведено под законы, а других – не может, приходится недоумевать и исследовать, что предпочтительнее – господство ли наилучшего закона или господство наилучшего мужа, так как вопросы, обычно требующие обсуждения, не могут быть заранее решены законом. Защитники господства закона вовсе не говорят против того, что в подобных случаях решение должно исходить от человека; они настаивают только на том, чтобы это был не один человек, а несколько. Каждое должностное лицо, воспитанное в духе закона, будет судить правильно; но, пожалуй, было бы нелепостью предполагать, будто один человек, каковым бы он ни был, с его парой глаз, ушей, ног и рук, оказался бы в состоянии лучше рассмотреть дело, вынести решение и привести его в исполнение, нежели несколько людей, снабженных такими же органами и частями тела в соответствующей пропорции.

[47]

Диоген Синопский. Государство (?) (Диоген Лаэртский. VI. 71-72)

Он говорил, что никакой успех в жизни невозможен без упражнения; оно же все преодолевает. Если вместо бесполезных трудов мы предадимся тем, которые возложила на нас природа, мы должны достичь блаженной жизни; и только неразумие заставляет нас страдать. Само презрение к наслаждению благодаря привычке становится высшим наслаждением; и как люди, привыкшие к жизни, полной наслаждений, страдают в иной доле, так и люди, приучившие себя к иной доле, с наслаждением презирают самое наслаждение. Этому он и учил, это он и показывал собственным примером; поистине, это было "переоценкой ценностей", ибо природа была для него ценнее, чем обычаи. Он говорил, что ведет такую жизнь, какую вел Геракл, выше всего ставя свободу.

Он говорил, что все принадлежит мудрецам и доказывал это такими доводами, которые мы уже приводили: «все принадлежит богам; мудрецы – друзья богов; а у друзей все общее; стало быть, все принадлежит мудрецам». А о законах он говорил, что «город может держаться только на законе; где нет города, там не нужны городские прихоти; а город держится на городских прихотях; но где нет города, там не нужны и законы; следовательно, закон – это городская прихоть».

Знатное происхождение, славу и прочее подобное он высмеивал, обзывая все это прикрасами порока. Единственным истинным государством он считал весь мир. Он говорил, что жены должны быть общими, и отрицал законный брак: кто какую склонит, тот с тою и сожительствует; поэтому же и сыновья должны быть общими.

[48]

Эпикур. Главные мысли.

XXXI. Справедливость, происходящая от природы, есть договор о полезном – с целью не вредить друг другу и не терпеть вреда.

XXXII. По отношению ко всем живым существам, которые не могут заключать договоры о том, чтобы не вредить друг другу и не терпеть вреда, нет ничего справедливого и несправедливого; точно так же и по отношению ко всем народам, которые не могут или не хотят заключать договоры о том, чтобы не вредить и не терпеть вреда.

XXXIII. Справедливость сама по себе не есть нечто, но в сношениях людей друг с другом в каких бы то ни было местах всегда она есть некоторый договор о том, чтобы не вредить и не терпеть вреда.

XXXIV. Несправедливость не есть зло сама по себе, но это зло заключается в страхе от подозрения, что человек не останется скрытым от тех, которые поставлены карателями за такие действия.

XXXV. Кто делает тайно что-нибудь из того, что люди уговорились между собою не делать с целью не вредить и не терпеть вреда, тому нельзя быть уверенным, что он останется скрытым, хотя бы он десять тысяч раз оставался скрытым в данное время. Ведь останется ли он скрытым до смерти – неизвестно.

XXXVI. В общем справедливость для всех одна и та же, потому что она есть нечто полезное в сношениях людей друг с другом; но в отношении индивидуальных особенностей страны и других каких бы то ни было обстоятельств справедливость оказывается не для всех одной и той же.

XXXVII. Из числа действий, признанных справедливыми, то, полезность которого подтверждается в потребностях взаимного общения людей, заключает в себе залог справедливости, будет ли оно одно и то же для всех или не одно и то же. А если кто издаст закон, но он не окажется идущим на пользу взаимного общения людей, то он уже не имеет природы справедливости. Даже если полезность, заключающаяся в справедливости, меняется, [исчезает], но в течение некоторого времени бывает согласна с естественным представлением о справедливости, то в течение того времени она несколько не менее бывает справедливой в глазах тех, кто не смущает себя пустыми звуками [словами], а смотрит на факты.

XXXVIII. Если действия, признанные справедливыми, при перемене обстоятельств оказываются на практике не согласными с естественным представлением о справедливости, то эти действия несправедливы. Но, если при перемене обстоятельств те же действия, которые были признаны справедливыми, более уже не полезны, то они были справедливыми тогда, когда они были полезны для взаимного общения сограждан, но впоследствии, перестав быть полезными, они уже не справедливы.

XXXIX. Кто лучше всего справляется со своей боязнью перед внешними обстоятельствами, тот делает то, что может, дружественным себе, а чего не может [делает] по крайней мере не враждебным; а со всем тем, с чем он не может даже и этого сделать, он прекращает общение и удаляет [из своей жизни] все, в отношении чего это полезно делать.

XL. Кто имеет возможность доставить себе полную безопасность от соседей, те все живут друг с другом самым приятным образом, имея самую надежную гарантию безопасности, и, насладившись самой полной близостью [с друзьями], не оплакивают смерти того, кто скончался раньше их, как будто сожалел о нем.

[49]

Гермарх. Против Эмпедокла (Порфирий. О воздержании от одушевленных. I. 8.1-11.2)

Ни один из писаных или неписаных законов – тех законов, которые существуют сейчас и которым естественно передаваться дальше, – не был установлен насильственно, но устанавливался [добровольно] согласившимися с ним и им пользовавшимися [мудрецами]. Ибо те, кто ввел эти установления, отличались от толпы душевным разумением, а не телесной мощью и не властью, обращающей в рабство. Тех, кто прежде лишь неразумно чувствовал полезное и часто забывал [свой опыт полезного, мудрецы древности] побудили к размышлению о полезном, других же[, даже не чувствовавших пользы,] они запугали величиной наказания. Ибо в том, что касается пользы, против невежества нет никакого лекарства, кроме страха перед наказанием, которое установил закон. Ибо и по сей день только страх перед наказанием удерживает обыкновенных людей и препятствует им совершать вредное – как в частной, так и в общественной жизни. Если бы все в равной мере были способны видеть пользу и помнить о ней, никто не нуждался бы в законах, но каждый по собственной воле остерегался бы запрещенного и совершал предписанное. Ибо созерцания полезного и вредного достаточно, чтобы приготовить человека избегать одного и стремиться к другому. Для тех же, кто не видит заранее пользы, существует угроза наказания. Она заставляет их подавлять свои порывы, ведущие к совершению бесполезных поступков, в то же время она вынуждает совершать должное.

Потому законодатели и не оставили совершенно безнаказанным невольное убийство: для того, чтобы прежде всего не дать возможности действительным убийцам притворяться действующими невольно, а в особенности для того, чтобы привлечь к этому преступлению внимание и предостеречь от него; ибо если не акцентировать на этом внимания, будет случаться много и в самом деле непреднамеренных убийств. Непреднамеренные же убийства бесполезны по той же причине, что и преднамеренные. Среди невольных поступков одни определяются неустановимой причиной, от которой человеческая природа не может уберечься, другие же – нашей беспечностью и незнанием разницы [между полезным и вредным]. Потому, желая воспрепятствовать легкомыслию, наносящему вред даже близким, законодатели установили наказание и за непредумышленные поступки; благодаря страху перед наказанием они не допустили многих такого рода грехов. Я думаю, что если даже допускаемые законом убийства подлежат искуплению посредством очищения, то дело обстоит так не по чему иному, но потому, что те, кто первично ввел [этот обычай], – что само по себе прекрасно, – хотели как

можно более действенно избавить людей от намеренных проступков. Ибо повсюду была нужда в препятствиях, которые бы делали несподручным совершение проступков, не идущих на пользу [обществу]. Вот почему первые осознавшие это люди не только установили наказания, но также возбудили и иной неразумный страх, приказавши, что всякий, имевший какое-либо отношение к смерти человека, нечист и останется таким, пока не очистится. Ибо если неразумное души благодаря разнообразной педагогике пришло к устойчивой кротости, то это потому, что те, кто изначально привел в космическое состояние [человеческое] множество, укротили неразумные порывы желаний, запретив убийство друг друга без разбирательства [— преднамеренное оно или нет].

Конечно же, убийство остальных живых существ отнюдь не было запрещено первыми людьми, определившими, что нам должно делать, а что нет; ибо [наша] польза в отношении к животным состояла в противоположном. Ведь спастись было невозможно, не стремясь защититься от животных, объединившись друг с другом. Наиболее духовные люди помнили, почему они воздерживались от убийства, а именно – благодаря тому, что это было полезно для спасения. Они напоминали остальным, объединившимся друг с другом, что воздерживаются от убийства сородичей, дабы сохранить общение, содействующее спасению каждого отдельного лица. Ибо [для всех] было полезно не отделяться друг от друга и не губить никого, с кем оказался стеснен в одном и том же месте, полезно для того, чтобы изгнать инородных живых существ и защититься от людей, приходящих со злом. Поэтому в течение какого-то времени люди воздерживались от нанесения вреда родственникам, поскольку входили в одно и то же общество, объединенное общностью нужд, и приносили пользу в достижении той или иной вышеупомянутой цели. Но шло время, роды разрастались, а животные были изгнаны и отогнаны [от мест обитания человека], и тогда некоторые, не довольствуясь неразумной памятью, стали обсуждать, в чем состоит польза обществ, существующих для того, чтобы питать друг друга.

Они постарались тверже противостать тем, кто был готов убивать друг друга, что – из-за забвенья прошедшего – делало [общества] менее защищенными. Стремясь именно к этому, они ввели и поныне существующие в городах и у народов законодательства. Большинство добровольно последовало за ними, ибо понял уже смысл пользы, состоящей в единении людей. Две вещи, оказалось, в равной мере способствуют безопасности: безжалостное убийство всех, приносящих вред, и сохранение всякого, кто может их убивать. Потому, естественно, одних убивать запрещалось, других же нет.

[50]

Хрисипп (*Фрагменты ранних стоиков. III*)

308. Как говорит Хрисипп в сочинении «О нравственно-прекрасном», право существует по природе, а не по установлению; то же самое касается закона и здравого разума.

314. Но и предводитель стоической мудрости, философ Хрисипп, так начинает свою книгу «О законе»: «Закон – царь над всеми божественными и человеческими делами: он решает, что хорошо, а что плохо, он начальствует и повелевает, а потому и является мерилom права и бесправия, предписывает общественным по природе существам, что им следует делать, и запрещает то, что не следует.

323. Государственные устройства народов, – это добавление к природе, повелительнице всех вещей. Мир – это одно большое государство, которое пользуется единым устройством и единым законом. [А закон этот] – разум, предписывающий то, что следует делать, и отвращающий от того, что не следует. Существующие же в различных местах отдельные государства неисчислимы, по-разному устроены и пользуются разными законами: ведь в каждом месте приняты свои, привычные обычаи и установления. А причиной этого являются отдельность и непохожесть, – не только эллинов по отношению к варварам или варваров по отношению к эллинам, но и каждого рода по отношению к соплеменникам. И, как мы видим, они объясняют такое положение вещей причинами, которые на самом деле причинами не являются, – всякого рода случайностями, скудостью пропитания, неплодородностью земли, месторасположением (у моря или в глубине суши, на острове или на материке) и так далее, но дело не в них. А вот жадность и взаимное недоверие, они действительно приводят к тому, что люди не довольствуются установлениями природы и называют законами то, что, как они считают, отвечает интересами некоторого числа единомышленников. Таким образом, законы отдельных государств, несомненно, являются добавлением к единому природному. Отдельный дом устроен как маленькое государство, и основы управления домом, – это уменьшенное государственное законодательство. А государство – это большой дом, и его законодательство – это своего рода общий домашний порядок. И прежде всего по этой причине хозяин дома похож на государственного мужа, – хотя количество и размеры подчиненных им вещей различны.

324. Почему ты [Хрисипп] утверждаешь, что все действующие законы и государственные устройства ошибочны?

326. Вот послушай, что он [Хрисипп] говорит об этом в третьей книге сочинения «О богах»: «Нельзя найти никакого иного начала справедливости и никакого иного ее источника, кроме как от Зевса и всеобщей природы, ибо именно здесь все подобные вещи должны иметь начало, – если мы собираемся вести речь о благе и зле».

327. И стоики говорят, что настоящее государство – на небе, а все, что на земле – это не настоящие государства: они так называются, но на самом деле ими не являются, ибо благоустроенное государство и благонравный народ – это упорядоченная совокупность людей под управлением закона.

328 (= Фрагменты ранних стоиков. I. 587). Они говорят к тому же, что всякий изгнанник – человек негодный, поскольку он лишается закона и гражданства, доставшихся ему от природы. Ибо закон, как мы уже сказали, есть [нечто само по себе] достойное, – как и государство. И Клеанф вполне разумно рассуждал

о том, что государство есть нечто достойное, задавая при этом следующий вопрос: если государство — это установление для совместной жизни, к которому прибегают, чтобы воздавать и получать по справедливости, то разве государство — не что-то благородное? Но государство — именно такое обиталище. Стало быть, оно благородно. Поскольку о государстве говорят в трех значениях, — как о месте совместного проживания, как об упорядоченной совокупности людей, и, в-третьих, как о том и другом вместе, — то государство называется благородным в двух смыслах, а именно, в смысле совокупности людей и в смысле совокупности обоих вышеуказанных значений применительно к его обитателям.

331. Властью, собственно, называется управление людьми на основании закона и забота о людях согласно закону.

333. Они считают, что мир управляется помыслом богов и представляет собой единый город и государство людей и богов и частью этого мира является каждый из нас. Отсюда естественным образом следует, что общую пользу мы должны ставить выше личной. И подобно тому, как законы ставят общественное благо выше блага отдельных лиц, так человек достойный, мудрый, подчиняющийся законам и знающий о своей гражданской обязанности, больше заботится об общей пользе, чем о пользе отдельного лица или своей собственности. И предатель родины достоин не большего осуждения, чем тот, кто отступает от общественной пользы и блага ради своих собственных. Отсюда следует, что достоин похвалы тот, кто готов умереть за государство, потому что отчизну мы должны почитать больше нас самих.

[51]

Полибий. *Всеобщая история* VI. 3-18.

По отношению ко всем эллинским государствам, которые неоднократно то возвышаются, то приходят в полный упадок, легко бывает и излагать предшествующую историю, и предсказывать будущее. Ибо легко передать, что знаешь, и нетрудно предсказать будущее на основании прошлого. Что касается Римского государства, то при многосложности устройства весьма нелегко изобразить теперешнее его состояние, а равно при незнании особенностей прежнего порядка общественной и частной жизни римлян трудно предсказать будущее. Поэтому-то требуется необыкновенное внимание и тщательность изыскания от того, кто захотел бы ясно представить себе отличительные черты Римского государства. Большинство писателей, которые желают научить нас подобным предметам, различают три формы государственного устройства, из которых одна именуется царством, другая аристократией, третья демократией. Мне кажется, всякий в полном праве спросить их, считают ли они эти формы вообще единственными, или же только наилучшими. Но и в том и в другом случае они, как я полагаю, заблуждаются, ибо несомненно совершеннейшей государственной формой надлежит признавать такую, в которой соединяются особенности всех форм, поименованных выше. Подтверждается это не соображениями только, но и самым опытом, ибо Ликург первый построил государство лакедемонян именно по такому способу. Равным образом нельзя

считать эти формы и единственными. Ибо мы знаем несколько монархических и тиранических государств, которые при всех своих отличиях от царства представляются кое в чем и сходными с ним. По этой же причине все самодержцы, если только можно, присваивают себе все название царей. Далее, существуют весьма многие олигархические государства, которые при кажущемся сходстве с аристократиями сильно, можно сказать, и разнятся от них. То же рассуждение применимо и к демократии.

Справедливость сказанного подтверждается следующим: не всякое единовластие может быть без оговорок названо царством, но такое только, в котором управляемые уступают власть по доброй воле и в котором властвует не столько страх или сила, сколько рассудок. Аристократией надлежит признавать не каждое правление меньшинства, но такое только, при котором правящими людьми бывают справедливейшие и рассудительнейшие по выбору. Подобно этому нельзя называть демократией государство, в котором вся народная масса имеет власть делать все, что бы ни пожелала и ни вздумала. Напротив, демократией должно почитать такое государство, в котором исконным обычаем установлено почитать богов, лелеять родителей, чтить старших, повиноваться законам, если при том решающая сила принадлежит постановлению народного большинства. Таким образом, следует признавать шесть форм государственного устройства, три из которых, поименованные выше, у всех на устах, а остальные три общего происхождения с первыми, я разумею монархию, олигархию, охлократию. Прежде всего возникает единовластие без всякого плана, само собою; за ним следует и из него образуется посредством упорядочения и исправления царство. Когда царское управление переходит в соответствующую ему по природе извращенную форму, то есть в тиранию, тогда в свою очередь на развалинах этой последней вырастает аристократия. Когда затем и аристократия вырождается по закону природы в олигархию и разгневанный народ выместит обиды на правителей, тогда нарождается демократия. Необузданность народной массы и пренебрежение к законам порождает с течением времени охлократию. Верность только что сказанного мною по этому предмету можно понять совершенно ясно, если обратить внимание на естественное начало, зарождение и превращение каждой формы правления в отдельности. И в самом деле, только человек, уразумевший то, каким образом зарождается каждая форма правления, в состоянии понять рост каждой из них, наивысшее развитие, переход в другую форму и конец: когда, каким образом и чем закончится данная форма правления. Такой способ изложения наиболее применим, по моему убеждению, к государству римскому, ибо оно с самого начала сложилось и потом развивалось естественным путем.

Наверное, у Платона и некоторых других философов исследование о естественном превращении одной формы правления в другую ведется более убедительно. Но там оно запутано и многословно и потому доступно лишь немногим. Мы же попытаемся изложить это учение вкратце, лишь настолько, насколько, по нашему мнению, требуется это для политической истории и для понимания заурядного читателя. Правда, в общем изложении может оказаться

тот или другой пробел; но подробное развитие нижеследующих мыслей достаточно вознаградит читателя за трудности, теперь испытываемые.

Итак, что я считаю началом государственного общежития, и откуда, по моему мнению, оно зарождается впервые? Если род человеческий погибнет от потопа или чумы, от неурожая или по другим каким-нибудь причинам, действие коих в прошлом засвидетельствовано преданием и которые по всем соображениям многократно повторятся еще в будущем, тогда, конечно, вместе с людьми погибнут и все учреждения их и искусства. Если со временем из уцелевших остатков как из семян снова вырастет известное число людей, то непременно они, подобно прочим живым существам, станут собираться вместе, – так и должно быть, ибо присущая отдельному существу слабость побуждает их собираться в однородную толпу, – один из людей будет превосходить прочих телесною силою и душевною отвагою. Он-то и будет вождем и владыкой. То же самое наблюдается и у всех неразумных животных: мы замечаем, что и у них, у быков, например, кабанов, петухов, наиболее сильные непременно бывают вожаками. Вот почему порядок этот надлежит признавать непрерываемым делом самой природы. Таковым следует представлять себе и первоначальное существование людей, именно: наподобие животных они собирались вместе и покорялись наиболее отважным и мощным из своей среды; меру власти этих последних составляла сила, а самое управление может быть названо единовластием (монархией). Когда со временем в этих сообществах образовались товарищеские прочные связи, тогда началось царское управление; тогда же впервые люди получили понятия красоты и правды и обратные им.

Названные мною понятия начинаются и зарождаются приблизительно таким образом: всем от природы присуще стремление к половому сожительству, последствием коего бывает деторождение. Когда сын, пришедши в возраст, не оказывает кормильцам своим ни признательности, ни пощения, напротив, начинает оскорблять их словом или действием, то понятно, все живущие рядом и ставшие свидетелями родительских забот и тревог о детях, ухода за ними и воспитания их должны раздражаться на это и негодовать. Ибо род человеческий тем и отличается от прочих животных, что одни только люди одарены умом и рассудком, а потому они не могут, в отличие от остальных животных, не замечать указанной выше разницы в отношениях; напротив, они вникают в происходящее и огорчаются тем, что творится в их присутствии, предвидя будущее и соображая, что каждого из них может постигнуть нечто подобное. Далее, допустим, что кто-нибудь получил бы от другого поддержку и помощь в беде и вместо благодарности вздумал бы когда-либо вредить своему благодетелю; подобный человек, понятно, должен возбуждать недовольство и раздражение в свидетелях, как потому, что они огорчаются за ближнего, так и потому, что ставят себя в подобное положение. Отсюда у каждого рождается понятие долга, его силы и значения, что и составляет начало и конец справедливости. Если, с другой стороны, человек помогает каждому в беде, выдерживает опасности за других и отражает нападение сильнейших зверей, такой, наверное, удостоится от народа знаков

благоволения и участия, равно как поступающий противно этому – презрения и хулы. Весьма вероятно, что отсюда в свою очередь образуется у большинства людей некоторое понятие того, что подло и что прекрасно, чем отличается одно от другого, и тогда как одно ради приносимой им выгоды возбуждает к соревнованию и подражанию, другое становится предметом отвращения. Итак, когда лицо, стоящее во главе сообщества и в своих руках держащее верховную власть, всегда в согласии с народным настроением оказывает деятельную поддержку перечисленным выше людям и, по мнению подданных, воздает каждому по заслугам, тогда подданные покоряются уже не столько из боязни насилия, сколько по велению рассудка, содействуют ему в сохранении власти, как бы стар он ни был, единодушно помогают ему и непрестанно борются с людьми, злоумышляющими против его владычества. Примерно таким-то способом самодержец незаметно превращается в царя с того времени, как царство рассудка сменяет собою господство отваги и силы. Таково у людей первоначальное естественное образование понятия красоты и правды и обратных понятий, таково начало и зарождение настоящего царства. И в самом деле, власть сохраняется не за этими только правителями, но и за потомками их на долгое время в том убеждении, что происшедшие от таких родителей и вскормленные ими дети обладают подобными же наклонностями. А если подданным станут впоследствии неуютны потомки первого царя, они тогда выбирают себе начальников и царей уже не за телесную силу и не за отвагу, но за выдающиеся ум и рассудительность, так как на опыте познали разницу управления тех и других владык. В старину раз выбранные в цари и достигшие этой власти оставались на царстве до старости, укрепляя удобные пункты, возводя стены и приобретая землю частью ради безопасности, частью для доставления подданным необходимых средств к жизни в изобилии. Озабоченные этим, цари не подвергались ни злословию, ни зависти, так как большой разницы между ними и остальным народом ни в одежде, ни в пище и питье не было, по образу жизни цари походили на прочих людей и всегда поддерживали общение с народом. Но когда они стали получать власть по наследству и в силу своего происхождения, когда заранее у них были готовы средства безопасности, равно как и жизненные припасы в чрезмерном количестве, тогда вследствие избытка они предавались страстям и решили, что правителям надлежит отличаться от подданных необыкновенным одеянием, что они должны иметь более изысканный стол и лучшую обстановку, что, наконец, половыми отношениями и любовным сожительством они могут пользоваться невозбранно, хотя бы и сверх меры. Одни из этих поступков породили в людях зависть и недовольство, другие воспламенили ненависть и неукротимую ярость, вследствие чего царство превратилось в тиранию, положено начало упадку власти, и начались козни против властелинов. Козни исходили не от худших граждан, но от благороднейших, гордых и отважнейших, ибо подобные люди были наименее способны переносить излишества правителей. Когда народ нашел себе вождей и по причинам, выясненным выше, стал оказывать им сильную поддержку против властелинов, тогда была совершенно

упразднена форма царского и самодержавного управления и вместе с тем получила начало и возникла аристократия. Тут же народ как бы в благодарность за ниспровержение самодержцев призывал виновников переворота к управлению и предоставлял им власть над собою. Правители, в свою очередь, на первых порах довольны были предоставленным им положением, во всех своих действиях выше всего ставили общее благо, все дела, как частные, так и общенародные, направляли заботливо и предусмотрительно. И опять, когда такую власть по наследству от отцов получили сыновья, не испытывавшие несчастий, совершенно незнакомые с требованиями общественного равенства и свободы, с самого начала воспитанные под сенью власти и почестей родителей, тогда одни из таких правителей отдавались корыстолюбию и незаконному стяжанию, другие предавались пьянству и сопутствующему ему ненасытному обжорству, третьи насиловали женщин и похищали мальчиков, и таким-то образом извратили аристократию в олигархию. Они же вскоре возбудили в толпе настроение, подобное только что описанному, поэтому и для них переворот кончился столь же бедственно, как и для тиранов. И в самом деле, если кто, заметив вражду и ненависть, питаемые гражданами против таких правителей, отваживается что-либо говорить против них или делать, во всем народе он находит готовность к поддержке.

Вслед за сим по умерщвлении одних и изгнании других граждане не решаются поставить себе царя, потому что боятся еще беззаконий прежних царей, не отваживаются также доверить государство нескольким личностям, потому что перед ними встает безрассудство недавних правителей. Единственная не обманутая надежда, какая остается у граждан, это – на самих себя; к ней-то они и обращаются, изменяя олигархию в демократию и на самих себя возлагая заботы о государстве и охрану его. Пока остаются в живых граждане, испытывавшие на себе наглость и насилие, до тех пор сохраняется довольство установившимся строем, и очень высоко ценятся равенство и свобода. Но когда народится новое поколение и демократия от детей перейдет к внукам, тогда люди, свыкшись с этими благами, перестают уже дорожить равенством и свободою и жаждут преобладания над большинством; склонны к этому в особенности люди, выдающиеся богатством. Когда вслед за сим в погоне за властью они оказываются бессильными достигнуть ее своими способностями и личными заслугами, они растрчивают состояние с целью обольстить и соблазнить толпу каким бы то ни было способом. Лишь только вследствие безумного тщеславия их народ делается жадным к подачкам, демократия разрушается и в свою очередь переходит в беззаконие и господство силы. Дело в том, что толпа, привыкнув кормиться чужим и в получении средств к жизни рассчитывать на чужое состояние, выбирает себе в вожди отважного честолюбца, а сама вследствие бедности устраняется от должностей. Тогда водворяется господство силы, а собирающаяся вокруг вождя толпа совершает убийства, изгнания, переделы земли, пока не одичает совершенно и снова не обретет себе властителя и самодержца.

Таков круговорот государственного общежития, таков порядок природы, согласно коему формы правления меняются, переходят одна в другую и снова возвращаются. Правда, при всей ясности понимания этого предмета возможно ошибиться во времени, когда речь заходит о будущей судьбе государственного устройства; однако при незлобивости и беспристрастности суждения редко можно ошибиться относительно того, когда государственное устройство достигает наивысшего развития: или когда приходит к упадку, или же когда превращается в другую форму правления.

Теперь, в частности, по отношению к Римскому государству мы при таком способе рассмотрения наилегче можем понять строение его, возрастание, наивысшее развитие, равно как и предстоящий ему переход в состояние обратное. Как всякое другое государство подвергается этим переменам, о чем только что было сказано, так равно и римское: естественно сложившись вначале и возросши, оно так же естественно должно перейти к противоположному устройству. Мысль эта в дальнейшем изложении больше выяснится, а пока мы упомянем кратко о законодательстве Ликурга, как имеющем прямое отношение к нашей задаче. Так, Ликург уразумел, что все, о чем мы говорили раньше, совершается неизбежно и естественно, и убедился, что всякое государственное устройство, раз оно просто и сложилось по одному какому-либо началу, страдает неустойчивостью, ибо быстро вырождается в неправильную форму, ему соответствующую и сопутствующую по самой природе. Как для железа ржавчина, а для дерева черви и личинки их составляют язву, сросшуюся с ними, от коей эти предметы и погибают сами собою, хотя бы извне и не подвергались никакому повреждению, точно так же каждому государственному устройству присуще от природы и сопутствует ему то или другое извращение: царству сопутствует так называемое самодержавие, аристократии – олигархия, а демократии – необузданное господство силы. В эти-то формы с течением времени неизбежно переходят поименованные выше государственные устройства, как мы только что разъяснили. Ликург предусмотрел это и потому установил форму правления не простую и не единообразную, но соединил в ней вместе все преимущества наилучших форм правления, дабы ни одна из них не прививалась сверх меры и через то не извращалась в родственную ей обратную форму, дабы все они сдерживались в проявлении свойств взаимным противодействием и ни одна не тянула бы в свою сторону, не перевешивала бы прочих, дабы таким образом государство неизменно пребывало в состоянии равномерного колебания и равновесия, наподобие идущего против ветра корабля. Действительно, гордыня царей сдерживается в законодательстве Ликурга страхом перед народом, потому что и народу отведено достаточно места в государственном управлении; с другой стороны, народ не дерзает оказывать непочтение царям из страха перед старейшинами, которые получают звание по выбору за заслуги и потому обязаны всякий раз стоять на страже правды. Таким образом, сторона слабейшая становится во всех случаях сильнейшею и влиятельнейшею, как верная обычаям, ибо с нею соединяются сила и значение старейшин. Совокупностью таких-то учреждений Ликург обеспечил лакедемонянам

свободу на более продолжительное время, чем сколько она существовала у какого-либо иного народа из числа нам известных.

<...>

Итак, в государстве римлян были все три власти, поименованные мною выше, причем все было распределено между отдельными властями и при помощи их устроено столь равномерно и правильно, что никто, даже из туземцев, не мог бы решить, аристократическое ли было все управление в совокупности, или демократическое, или монархическое. Да это и понятно. В самом деле: если мы сосредоточим внимание на власти консулов, государство покажется вполне монархическим и царским, если на сенате – аристократическим, если, наконец, кто-либо примет во внимание только положение народа, он, наверно, признает Римское государство демократией.

<...>

Итак, мы показали, каким образом государственное управление у римлян распределяется между отдельными властями. Теперь мы скажем, каким образом отдельные власти могут при желании или мешать одна другой, или оказывать взаимную поддержку и содействие. Так, когда консул получает упомянутую выше власть и выступает в поход с полномочиями, он хотя и делается неограниченным исполнителем предлагаемого дела, но не может обойтись без народа и сената: независимо от них он не в силах довести свое предприятие до конца. Ибо, очевидно, легионы нуждаются в непрерывной доставке припасов; между тем помимо сенатского определения не может быть доставлено легионам ни хлеба, ни одежды, ни жалованья; вследствие этого, если бы сенат пожелал вредить и препятствовать, начинания вождей остались бы невыполненными. Кроме того, от сената зависит, осуществляться или нет планы и расчеты военачальников, и потому еще, что сенат имеет власть послать нового консула по истечении годовичного срока или продлить службу действующего. Далее, во власти сената превознести и возвеличить успехи вождей, равно как отнять у них блеск и умалить их; ибо без согласия сената и без денег, им отпускаемых, военачальники или совсем не могут устраивать так называемые у римлян триумфы, или не могут устроить их с подобающей торжественностью. К тому же они обязаны, как бы далеко от родины ни находились, добиваться благосклонности народа, ибо, как сказано мною выше, народ утверждает или отвергает заключение мира и договоры. Важнее всего то, что консулы обязаны при сложении должности отдавать отчет в своих действиях перед народом. Таким образом, для консулов весьма небезопасно пренебрегать благоволением как сената, так равно и народа.

С другой стороны, сенат при всей своей власти обязан в государственных делах прежде всего сообразоваться с народом и пользоваться его благоволением, а важнейшие и серьезнейшие следствия и наказания за преступления против государства, наказуемые смертью, сенат не может производить, если предварительное постановление его о том не будет утверждено народом. Точно то же в делах, подлежащих ведению сената, именно: если кто-нибудь войдет с предложением закона, который посягает в чем-либо на власть сената, принадлежащую ему в силу обычая, или отнимает

у сенаторов председательство и почести, или даже угрожает ущербом их имуществу, все это и подобное народ властен принять и отвергнуть. Но еще важнее следующее: хотя бы один из народных трибунов высказался против, сенат не только не в силах привести в исполнение свои постановления, он не может устраивать совещания и даже собираться, а трибуны обязаны действовать всегда в угоду народу и прежде всего сообразоваться с его волей. Таким образом, сенат по всем этим причинам боится народа и со вниманием относится к нему.

В равной мере и народ находится в зависимости от сената и обязан сообразоваться с ним в делах государства и частных лиц. В самом деле, многие работы во всей Италии, перечислить которые было бы нелегко, по управлению и сооружению общественных зданий, а также многие реки, гавани, сады, прииски, земли, короче, все, что находится во власти римлян, отдается цензорами на откуп. Все поименованное здесь находится в ведении народа, и, можно сказать, почти все граждане причастны к откупам и к получаемым через них выгодам. Так, одни за плату сами принимают что-либо от цензоров на откуп, другие идут в товарищи к ним, третьи являются поручителями за откупщиков, четвертые несут за них в государственную казну свое состояние. По всем этим делам решает сенат, именно: назначить срок уплаты, в случае несчастья облегчить плательщиков, или при несостоятельности совсем освободить от обязательства. Словом, во многих случаях сенат имеет возможность причинить вред или пособить людям, имеющим отношение к общественному достоянию, ибо по всем поименованным делам нужно обращаться к сенату. Потом – что самое важное – из среды сенаторов избираются судьи в многочисленнейших тяжбах как государственных, так и частных, если только тяжбы возбуждаются по важному обвинению. Вот почему все граждане, находясь в зависимости от сената и опасаясь неверного исхода тяжбы, заботливо воздерживаются от возражений против сенатских определений и от противодействия сенату. Точно так же они не имеют охоты противодействовать видам консулов, ибо каждый гражданин в отдельности и все вместе подчинены власти консулов во время войны.

Хотя каждая власть имеет полную возможность и вредить другой, и помогать, однако во всех положениях они обнаруживают подобающее единодушие, и потому нельзя было бы указать лучшего государственного устройства. В самом деле, когда какая-либо угрожающая извне общая опасность побуждает их к единодушию и взаимопомощи, государство обыкновенно оказывается столь могущественным и деятельным, что никакие нужды не остаются без удовлетворения. Если что-нибудь случится, всегда все римляне соревнуются друг с другом в совместном обсуждении, исполнение принятого решения не запаздывает, каждый отдельно и все в совокупности содействуют осуществлению начинаний. Вот почему это государство благодаря своеобразности строя оказывается неодолимым и осуществляет все свои планы. Когда, с другой стороны, римляне по освобождении их от внешних опасностей живут в счастье и богатстве, приобретенном победами, наслаждаются благосостоянием и, легкомысленно поддаваясь лъстецам,

становятся необузданными и высокомерными, как бывает обыкновенно при таких обстоятельствах, особенно тогда можно видеть, как это государство в самом себе почерпает исцеление. Ибо если какая-либо власть возомнит о себе не в меру, станет притязательной и присвоит себе неподобающее значение, между тем как, согласно только что сказанному, ни одна из властей не довлеет себе и каждая из них имеет возможность мешать и противодействовать замыслам других, то чрезмерное усиление одной из властей и превознесение над прочими окажется совершенно невозможным. Действительно, все остается на своем месте, так как порывы к переменам сдерживаются частью внешними мерами, частью исконным опасением противодействия с какой бы то ни было стороны.

[52]

Цицерон. *О государстве. I. 35-71.*

СЦИПИОН. – Я, право, должен сказать, что я никаким иным размышлениям не предаюсь столь усердно и охотно, как именно этим, о которых ты, Лелий, мне говоришь. И право, когда я вижу, что всякий выдающийся мастер своего дела направляет все свои думы, помыслы и заботы только на то, чтобы лучше овладеть им, то, коль скоро мои родители и предки оставили мне одно это занятие – заботы о государстве и управление им, не придется ли мне признать, что я менее деятелен, чем любой мастер, если к величайшему искусству приложу меньше труда, чем тот труд, какой мастера прилагают к самым малым? Но я и не удовлетворен теми сочинениями по этому вопросу, какие нам оставили выдающиеся и мудрейшие люди Греции, и не решаюсь ставить свои взгляды выше их воззрений. Поэтому прошу вас слушать меня как человека, и не совсем чуждого учения греков, и не предпочитающего их нашим, – тем более в этом вопросе, – но как одного из носящих тогу, получившего благодаря заботам отца весьма широкое образование и уже в отрочестве загоревшегося стремлением к учению, однако изощрившего свой ум гораздо больше благодаря своей деятельности и наставлениям, полученным дома, чем благодаря чтению книг.

ФИЛ. – Я, клянусь Геркулесом, не сомневаюсь, что тебя, Сципион, умом не превзошел никто; опытом своим в важнейших делах государства ты превыше всех; каким занятиям ты себя всегда посвящал, мы знаем. Поэтому, если ты, по твоим словам, направил также и помыслы свои на эту науку и как бы искусство, то я глубоко благодарен Лелию; ибо надеюсь, что сказанное тобою будет для нас гораздо полезнее, чем все, написанное греками.

СЦИПИОН. – Право, ты возлагаешь на мои слова огромные надежды – тяжелейшее бремя для всякого, кто будет говорить о важных вещах.

ФИЛ. – Хотя мы и питаем великие надежды, ты все же их превзойдешь, по своему обыкновению. Ибо не приходится опасаться, что тебе, когда ты станешь рассуждать о государстве, изменит красноречие.

СЦИПИОН. – Я исполню ваше желание, как сумею, и приступлю к рассуждению, руководясь правилом, которым, полагаю, следует руководствоваться при обсуждении всех предметов, если хотят избежать

ошибки: если насчет названия предмета исследования все согласны, то надо разъяснить, что именно обозначают этим названием; если насчет этого тоже согласятся, то только тогда будет дозволено приступить к беседе; ибо никогда нельзя будет понять свойства обсуждаемого предмета, если сначала не понять, что он собой представляет. Поэтому, так как мы исследуем вопрос о государстве, рассмотрим сперва, что собой представляет именно то, что мы исследуем.

Когда Лелий это одобрил, Публий Африканский сказал:

Но я, рассуждая о предмете, столь знаменитом и столь известном, не стану обращаться к тем первоначалам, из которых в подобных вопросах обыкновенно исходят ученые люди, и мне не за чем начинать с первой встречи между мужчиной и женщиной, затем говорить о продолжении рода и каждый раз определять сущность предмета и то, какими способами возможно обозначить его отдельные свойства. Так как я говорю перед людьми просвещенными, в походах и на родине вершившими важными делами государства, то я постараюсь, чтобы моя беседа была не менее ясной, чем тот предмет, о котором я рассуждаю. Ведь я не брал на себя задачи подробно изложить все до конца, как это делает школьный учитель, и не обещаю, что в этой беседе не будет пропущена ни одна мелочь.

ЛЕЛИЙ. – Я, со своей стороны, жду именно такого изложения, какое ты нам обещаешь.

СЦИПИОН. – Итак, государство есть достояние народа, а народ не любое соединение людей, собранных вместе каким бы то ни было образом, а соединение многих людей, связанных между собою согласием в вопросах права и общностью интересов. Первой причиной для такого соединения людей является не столько их слабость, сколько, так сказать, врожденная потребность жить вместе. Ибо человек не склонен к обособленному существованию и уединенному скитанию, но создан для того, чтобы даже при избытке всего необходимого не... [удаляться от подобных себе.]

<...>

... [Ибо, не будь у человека], так сказать, семян [справедливости], не возникло бы ни других доблестей, ни самого государства. Итак, эти объединения людей, образовавшиеся по причине, о которой я уже говорил, прежде всего выбрали для себя в определенной местности участок земли, чтобы жить на нем. Используя естественную защиту и оградив его также и искусственно, они назвали такую совокупность жилищ укреплением, или городом, устроили в нем святилища и общественные места.

Итак, всякий народ, представляющий собой такое объединение многих людей, какое я описал, всякая гражданская община, являющаяся народным установлением, всякое государство, которое, как я сказал, есть народное достояние, должны, чтобы быть долговечными, управляться, так сказать, советом, а совет этот должен исходить прежде всего из той причины, которая породила гражданскую общину. Далее, осуществление их следует поручать либо одному человеку, либо нескольким выборным или же его должно на себя брать множество людей, то есть все граждане. И вот, когда верховная власть

находится в руках у одного человека, мы называем этого одного царем, а такое государственное устройство – царской властью. Когда она находится в руках у выборных, то говорят, что эта гражданская община управляется волей оптиматов. Народной же (ведь ее так и называют) является такая община, в которой все находится в руках народа. И каждый из трех видов государства – если только сохраняется та связь, которая впервые накрепко объединила людей ввиду их общего участия в создании государства, – правда, не совершенен и, по моему мнению, не наилучший, но он все же терпим, хотя один из них может быть лучше другого. Ибо положение и справедливого и мудрого царя, и избранных, то есть первенствующих граждан, и даже народа (впрочем, последнее менее всего заслуживает одобрения) все же, – если только этому не препятствуют несправедливые поступки или страсти, – по-видимому, может быть вполне прочным.

Но при царской власти все прочие люди совсем отстранены от общего для всех законодательства и принятия решений, да и при господстве оптиматов народ едва ли может пользоваться свободой, будучи лишен какого бы то ни было участия в совместных совещаниях и во власти, а когда все вершится по воле народа, то, как бы справедлив и умерен он ни был, все-таки само равенство это не справедливо, раз при нем нет ступеней в общественном положении. Поэтому хотя знаменитый перс Кир и был справедливейшим и мудрейшим царем, все же к такому «достоянию народа» (а это, как я уже говорил, и есть государство), видимо, не стоило особенно стремиться, так как государство управлялось мановением и властью одного человека. Если массилийцами, клиентами нашими, с величайшей справедливостью правят выборные и притом первенствующие граждане, то все-таки такое положение народа в некоторой степени подобно рабству. Если афиняне в свое время, отстранив ареопаг, вершили всеми делами только на основании постановлений и решений народа, то, так как у них не было определенных ступеней общественного положения, их община не могла сохранить своего блеска.

И я говорю это о трех видах государственного устройства, если они не нарушены и не смешаны один с другим, а сохраняют черты, свойственные каждому из них. Прежде всего, каждый из этих видов государственного устройства обладает пороками, о которых я уже упоминал; далее, ему присущи и другие пагубные пороки; ибо из указанных видов устройства нет ни одного, при котором государство не стремилось бы по обрывистому и скользкому пути к тому или иному несчастью, находящемуся невдалеке от него. Ведь в упомянутом мною царе, терпимом и, если хотите, достойном любви, – Кире (назову именно его) скрывается, так как он волен изменять свои намерения, всем известный жесточайший Фаларид, по образцу правления которого единовластие скользит вниз по наклонному пути и притом легко. К знаменитому управлению государством, осуществлявшемуся в Массилии малым числом первенствовавших людей, близко стоит сговор клики тридцати мужей, некогда правившей в Афинах. Что полновластие афинского народа, когда оно превратилось в безумие и произвол толпы, оказалось пагубным, ...[показали дальнейшие события.]

[Лакуна] ... [государственное устройство] наихудшее, и из этой [формы правления] обыкновенно возникает правление оптиматов, или тиранической клики, или царское, или (даже весьма часто) народное и опять-таки из него – один из видов правления, упомянутых мною ранее, и изумительные бывают круги и как бы круговороты перемен и чередований событий в государстве. Если знать их – дело мудрого, то предвидеть их угрозу, находясь у кормила государства, направляя его бег и удерживая его в своей власти, – дело, так сказать, великого гражданина и, пожалуй, богами вдохновенного мужа. Поэтому я и считаю заслуживающим наибольшего одобрения, так сказать, четвертый вид государственного устройства, так как он образован путем равномерного смешения трех его видов, названных мною ранее. <...>

СЦИПИОН. – [Лакуна]..и каждое государство таково, каковы характер и воля того, кто им правит. Поэтому только в таком государстве, где власть народа наибольшая, может обитать свобода; ведь приятнее, чем она, не может быть ничего, и она, если она не равна для всех, уже и не свобода. Но как может она быть равной для всех, уж не говорю – при царской власти, когда рабство даже не прикрито и не вызывает сомнений, но и в таких государствах, где на словах свободны все? Граждане, правда, подают голоса, предоставляют империй и магистратуры, их по очереди обходят, добиваясь избрания, на их рассмотрение вносят предложения, но ведь они дают то, что должны были бы давать даже против своего желания, и они сами лишены того, чего от них добиваются другие; ведь они лишены империя, права участия в совете по делам государства, права участия в судах, где заседают отобранные судьи, лишены всего того, что зависит от древности и богатства рода. А среди свободного народа, как, например, родосцы или афиняне, нет гражданина, который ... [сам не мог бы занять положения, какое он предоставляет другим.] [Лакуна]

...когда в народе находился один или несколько более богатых и более могущественных человек, тогда – говорят они – из-за их высокомерия и надменности и создавалось вышеуказанное положение, так как трусы и слабые люди уступали богатым и склонялись перед их своеволием. Но если народ сохраняет свои права, то – говорят они – это наилучшее положение, сама свобода, само благоденствие, так как он – господин над законами, над правосудием, над делами войны и мира, над союзными договорами, над правами каждого гражданина и над его имуществом. По их мнению, только такое устройство и называется с полным основанием государством, то есть достоинством народа. Поэтому, по их словам, «достояние народа» обычно освобождается от владычества царей и «отцов», но не бывает, чтобы свободные народы искали для себя царей или власти и могущества оптиматов. И право, говорят они, ввиду пагубных последствий, связанных с необузданностью народа, не следует отвергать вообще всего этого вида свободы для народа; нет ничего более неизменного и более прочного, чем народ согласный и во всем сообразующийся со своей безопасностью и свободой; но легче всего согласие это достижимо в таком государстве, где всем полезно одно и то же; из различия интересов, когда одному подходит одно, а другому другое, возникают раздоры; поэтому, когда властью

завладевали «отцы», государственный строй никогда не бывал прочен; но еще менее бывает так при царской власти, когда, по утверждению Энния, ...ни общности во власти нет священной, ни верности.

Поэтому, если закон есть связующее звено гражданского общества, а право, установленное законом, одинаково для всех, то на каком праве может держаться общество граждан, когда их положение не одинаково? И в самом деле, если люди не согласны уравнивать имущество, если умы всех людей не могут быть одинаковы, то, во всяком случае, права граждан одного и того же государства должны быть одинаковы. Да и что такое государство, как не общий правопорядок?

[Лакуна] ... А остальные государства, по их мнению, не следует называть теми именами, какими они сами желают называться. И в самом деле, почему мне называть царем – по имени Юпитера Всеблагого – человека, жаждущего владычества и исключительного империя и властвующего над народом, угнетаемым им, а не называть его тираном? Ведь и тиран может быть милосерден в такой же мере, в какой царь нестерпим, так что для народов имеет значение лишь одно: у милостивого ли властителя они в рабстве или у сурового; но совсем не быть в рабстве они не могут. Каким же образом прославленному Лакедемону в те времена, когда его государственное устройство считалось образцовым, удавалось обладать хорошими и справедливыми царями, если приходилось иметь царем всякого, кто только происходил из царского рода? Далее, кто стал бы терпеть оптиматов, которые присвоили себе это наименование не с согласия народа, а в своих собственных собраниях? В самом деле, на каком основании человека признают «наилучшим»? Ввиду его образования, интереса к наукам, стремлений ... [Лакуна]

Если [государство] будет руководиться случайностью, оно погибнет так же скоро, как погибнет корабль, если у кормила встанет рулевой, назначенный по жребию из числа едущих. Поэтому, если свободный народ выберет людей, чтобы вверить им себя, – а выберет он, если только заботится о своем благе, только наилучших людей, – то благо государства, несомненно, будет вручено мудрости наилучших людей – тем более что сама природа устроила так, что не только люди, превосходящие других своей доблестью и мужеством, должны главенствовать над более слабыми, но и эти последние охотно повинуются первым.

Но это наилучшее государственное устройство, по их словам, было ниспровергнуто вследствие появления превратных понятий у людей, которые, не зная доблести (ведь она – удел немногих, и лишь немногие видят и оценивают ее), полагают, что богатые и состоятельные люди, а также и люди знатного происхождения – наилучшие. Когда, вследствие этого заблуждения черни, государством начинают править богатства немногих, а не доблести, то эти первенствующие люди держатся мертвой хваткой за это наименование – оптиматов, но в действительности не заслуживают его. Ибо богатство, знатность, влияние – при отсутствии мудрости и умения жить и повелевать

другими людьми – приводят только к бесчестию и высокомерной гордости, и нет более уродливой формы правления, чем та, при которой богатейшие люди считаются наилучшими. А что может быть прекраснее положения, когда государством правит доблесть; когда тот, кто повелевает другими, сам не находится в рабстве ни у одной из страстей, когда он проникает всем тем, к чему приучает и зовет граждан, и не навязывает народу законов, каким не станет подчиняться сам, но свою собственную жизнь представляет своим согражданам как закон? И если бы такой человек один мог в достаточной степени достигнуть всего, то не было бы надобности в большом числе правителей; конечно, если бы все сообща были в состоянии видеть наилучшее и быть согласными насчет него, то никто не стремился бы иметь выборных правителей. Но именно трудность принятия решений и привела к переходу власти от царя к большому числу людей, а заблуждения и безрассудство народа – к ее переходу от толпы к немногим. Именно при таких условиях, между слабостью сил одного человека и безрассудством многих, оптиматы и заняли среднее положение, являющееся самой умеренной формой правления. Когда они управляют государством, то, естественно, народы благоденствуют, будучи свободны от всяких забот и раздумий и поручив попечение о своем покое другим, которые должны о нем заботиться и не давать народу повода думать, что первенствующие равнодушны к его интересам. Ибо равноправие, к которому так привязаны свободные народы, не может соблюдаться (ведь народы, хотя они и свободны и на них нет пут, облачают многими полномочиями большей частью многих людей, и в их среде происходит значительный отбор, касающийся и самих людей, и их общественного положения), и это так называемое равенство в высшей степени несправедливо. И действительно, когда людям, занимающим высшее, и людям, занимающим низшее положение, – а они неминуемо бывают среди каждого народа – оказывается одинаковый почет, то само равенство в высшей степени несправедливо; в государствах, управляемых наилучшими людьми, этого произойти не может. Приблизительно вот это, Лелий, и кое-что в таком же роде обыкновенно и приводят в доказательство люди, особенно превозносящие этот вид государственного устройства.

ЛЕЛИЙ. – А ты, Сципион? Какой из упомянутых тобою трех видов государственного устройства ты одобряешь больше всего?

СЦИПИОН. – Ты с полным основанием спрашиваешь, какой из трех видов государственного устройства наиболее одобряю я; ведь ни одного из них самого по себе, взятого в отдельности, я не одобряю и предпочитаю каждому из них то, что как бы сплавлено из них всех, взятых вместе. Но если бы понадобилось выбрать какой-нибудь один строй в чистом виде, то я одобрил бы царскую власть [и поставил бы ее на первое место.] [Если говорить о видах власти,] названных здесь, то имя царя напоминает мне как бы имя отца, заботящегося о согражданах, как о своих детях, и охраняющего их тщательнее, чем ... [Лакуна] ... вас поддерживает заботливость одного наилучшего и выдающегося мужа. Но вот встают оптиматы, чтобы заявить, что они делают это же самое лучше, и сказать, что мудрости будет во многих больше, чем в

одном, а справедливость и честность та же. А народ, оглушая вас, кричит, что он не согласен повиноваться ни одному, ни немногим, что даже для зверей нет ничего сладостнее свободы, и что ее лишены все те, кто находится в рабстве, независимо от того, чьи они рабы – царя или оптиматов. Так благоволением своим нас привлекают к себе цари, мудростью – оптиматы, свободой – народы, так что при сравнении трудно выбрать, чего можно желать больше всего. <...>
СЦИПИОН. – Итак, согласен ты, чтобы все части нашей души находились под царской властью и управлялись мудростью?

ЛЕЛИЙ. – Да, я согласен на это.

СЦИПИОН. – В таком случае, почему ты не знаешь, какое мнение тебе следует высказать о государстве? Ведь если вершить делами в нем будет поручено нескольким лицам, то, как сразу можно понять, оно не будет управляться империем, который, если он не един, невозможен вообще.

ЛЕЛИЙ. – Какое, скажи пожалуйста, различие между одним властителем и несколькими, если справедливость в руках у нескольких лиц?

СЦИПИОН. – Так как я понял, Лелий, что мои свидетели не производят на тебя большого впечатления, то я не перестану брать в свидетели тебя самого, дабы подтвердить справедливость своих слов.

Меня, – спросил Лелий, – каким же образом?

СЦИПИОН. – А я заметил недавно, когда мы были в твоей формийской усадьбе, как строго ты наказывал своей челяди слушаться только одного человека.

ЛЕЛИЙ. – Разумеется, – управителя.

СЦИПИОН. – Ну, а в городском доме? Разве несколько человек ведают твоими делами?

ЛЕЛИЙ. – Нет, один.

СЦИПИОН. – Далее, а разве всем твоим домом управляет еще кто-нибудь другой, помимо тебя?

ЛЕЛИЙ. – Конечно, нет.

СЦИПИОН. – Тогда почему ты не соглашаешься на это же в делах государственных – что владычество отдельных лиц, если только они люди справедливые, и есть наилучшее государственное устройство?

ЛЕЛИЙ. – Ты заставляешь меня почти согласиться с тобой.

СЦИПИОН. – Ты, Лелий, согласишься со мною еще больше, если я, – отбросив сравнения, что поручить корабль одному кормчему, а больного одному врачу (если только оба они владеют своим искусством) правильнее, чем поручать их многим, – перейду к более важным вопросам.

ЛЕЛИЙ. – К чему именно?

СЦИПИОН. – Разве ты сам не видишь, что из-за нестерпимого высокомерия одного человека – Тарквиния – само имя царя стало ненавистным для нашего народа?

Да, я это вижу, – сказал Лелий.

СЦИПИОН. – В таком случае ты видишь также и то, о чем я в нашей дальнейшей беседе намерен говорить подробнее: после изгнания Тарквиния народ неистовствовал ввиду, так сказать, крайней непривычки к свободе; тогда

были отправлены в изгнание невинные, тогда имущество многих людей было расхищено, тогда появились консулы с годичными полномочиями, тогда перед народом стали опускать ликторские связки, тогда была введена провокация по всем делам, тогда из Рима уходил плебс, словом, тогда в большинстве дел народ обладал всей полнотой власти.

ЛЕЛИЙ. – То, что ты говоришь, соответствует действительности.

Да, – сказал Сципион, – так бывает во времена мира и спокойствия; ведь пока бояться нечего, можно и своевольничать, например, на корабле, а часто и при легкой болезни. Но подобно тому, как мореплаватель, как только по морю неожиданно начнут ходить волны, а больной, когда его состояние ухудшается, лишь одного человека молит о помощи, так и наш народ в мирное время и у себя дома повелевает и даже магистратам грозит, отказывает им в повиновении, совершает апелляцию и провокацию, но во времена войны повинуются им, как повинуются царю; ибо чувство самосохранения сильнее своеволия. А во время более трудных войн наши граждане постановляли, чтобы весь империй был в руках у одного, даже без коллеги, причем уже само название указывает на особенность его власти. Ибо диктатор так называется оттого, что его назначают, но в наших книгах, как ты знаешь, Лелий, его называют главой народа.

Знаю, – сказал Лелий.

СЦИПИОН. – Значит, те древние мудро [поступали]...[Лакуна]... именно, когда народ теряет справедливого царя, то после кончины лучшего царя «сердцами надолго овладевает тоска по нем», как говорит Эний. <...>

Тех, кому люди повиновались согласно закону, они называли не повелителями, не властителями, наконец, даже не царями, а стражами отечества, отцами, богами. И не без оснований. <...>

Они полагали, что справедливость царя даровала им жизнь, почет, украсила их. Такое же настроение осталось бы и у их потомков, если бы цари остались такими же и долее; но ты видишь, что из-за несправедливости одного из них рухнул весь тот вид государственного устройства.

ЛЕЛИЙ. – Да, я вижу это и стараюсь понять эти пути изменений не только в нашем государстве, но и во всяком другом.

СЦИПИОН. – Когда я выскажу свое мнение о том виде государственного устройства, который считаю наилучшим, мне вообще придется поговорить подробнее и о переменах в государстве, хотя в таком государстве они, по моему мнению, произойдут далеко не легко. Но при царском образе правления первая и самая неизбежная перемена следующая: когда царь начинает быть несправедлив, этот государственный строй тотчас же рушится, а этот же правитель становится тираном; это наихудший вид государственного устройства и в то же время близкий к наилучшему; если его ниспровергают оптиматы, как обыкновенно и случается, то государство получает второй из названных трех видов устройства; это – вид, уподобляющийся царской власти, то есть составленный из «отцов» совет первенствующих людей, заботящихся о благе народа. Если же народ своей рукой убьет или изгонит тирана, то он бывает несколько умерен только до той поры, пока владеет своими чувствами

и умом, радуется своему деянию и хочет защитить им же установленный государственный строй. Но если народ применил насилие к справедливому царю или лишил его царской власти, или даже (это бывает еще чаще) отведаль крови оптиматов и подчинил своему произволу все государство (не думай, Лелий, что найдется море или пламя, успокоить которое, при всей его мощности, труднее, чем усмирить толпу, не знающую удержу ввиду непривычного для нее положения), тогда и происходит то, что так ярко изобразил Платон, – если только мне удастся передать это на латинском языке; сделать это трудно, но я все же попытаюсь. <...>

Ввиду всего этого, из трех указанных вначале видов государственного устройства, по моему мнению, самым лучшим является царская власть, но самое царскую власть превзойдет такая, которая будет образована путем равномерного смешения трех наилучших видов государственного устройства. Ибо желательно, чтобы в государстве было нечто выдающееся и царственное, чтобы одна часть власти была уделена и вручена авторитету первенствующих людей, а некоторые дела были предоставлены суждению и воле народа. Такому устройству, прежде всего, свойственно, так сказать, [великое] равенство, без которого свободные люди едва ли могут долго обходиться, затем – прочность, так как виды государственного устройства, упомянутые выше, легко превращаются в свою порочную противоположность, – вследствие чего царь оказывается властелином, оптиматы кликой, народ изменчивой толпой, – и так как эти самые виды государственного устройства часто сменяются новыми, тогда как при этом объединенном и разумно смешанном государственном устройстве этого не случается почти никогда, разве только при большой порочности первенствующих людей. И действительно, нет причины для перемен там, где положение каждого прочно и ему некуда сорваться и свалиться.

Но я боюсь, Лелий и вы, мои лучшие и просвещенные друзья, что моя беседа, если я и долее буду заниматься этими вопросами, покажется вам словами как бы наставника и учителя, а не человека, рассматривающего вопрос вместе с вами. Поэтому я приступлю к тому, что известно всем и уже давно нас занимает. Ведь я полагаю, думаю, утверждаю, что из всех государств ни одно – ни по своим основам, ни по распределению власти, ни по своему внутреннему укладу – не сравнимо с тем, которое нам оставили наши отцы, получив его уже от предков. И вот, так как вы пожелали услышать и от меня то, что и сами хорошо знали, я, с вашего позволения, опишу вам особенности этого государственного устройства, докажу, что оно – наилучшее, и, представив как образец наше государство, отнесу к нему, если сумею, всю свою речь о наилучшем государственном устройстве, которую мне предстоит произнести. И если мне удастся последовательно рассмотреть этот вопрос, то задачу, которую Лелий на меня возложил, я, думаю, выполню с лихвой.

ЛЕЛИЙ. – Задача эта тебе, Сципион, по силам, и притом одному тебе. В самом деле, кто мог бы лучше тебя говорить об установлениях предков, когда ты сам происходишь от прославленных предков? Или о наилучшем государственном устройстве? Ведь если у нас таковое существует (впрочем, именно в

настоящее время его нет), то кто мог бы занять более выдающееся положение, чем ты? Или о решениях, которые надо будет принимать? Ведь именно ты, дважды отвратив от нашего города страшную опасность, проявил свою способность предвидеть будущее.

[53]

Квинт Туллий Цицерон. *Краткое наставление по соисканию*

Квинт шлет привет брату Марку.

1. Хотя у тебя и достаточно всего того, что человек может приобрести природным умом или опытом, или стараниями, однако, ввиду нашей взаимной любви, я счел нелишним подробно написать тебе то, что мне приходило на ум, когда я размышлял дни и ночи о твоём соискании, – не для того, чтобы научить тебя чему-нибудь новому, но чтобы изложить с единой точки зрения, по плану и порядку, то, что в жизни оказывается разбросанным и неопределённым. Хотя природа и имеет наибольшее значение, но, мне кажется, в деле немногих месяцев искусство может победить природу.

2. Подумай, в каком государстве ты живешь, чего добиваешься, кто ты. Вот о чем должен ты размышлять чуть ли не каждый день, спускаясь на форум: «Я – человек новый, добиваюсь консульства, это – Рим».

Новизне своего имени ты чрезвычайно поможешь славой своего красноречия. Это всегда доставляло величайший почет. Тот, кого признают достойным быть защитником консуляров, не может считаться недостойным консульства. И вот, так как ты основываешься на этой славе и всего, чего ты достиг, ты достиг с ее помощью, приходи для произнесения речи, подготовившись так, словно на основании твоих отдельных выступлений предстоит вынести суждение о твоём даровании в целом.

3. Постарайся, чтобы вспомогательные средства этой способности, которые, знаю, припасены у тебя, были в исправности и наготове, и почаще вспоминай то, что Деметрий написал о прилежании и упражнениях Демосфена. Затем позаботься о том, чтобы было ясно, что у тебя есть многочисленные друзья из разных сословий. Ведь в твоём распоряжении то, чем располагали немногие новые люди: все откупщики, почти все сословие всадников, многие собственные муниципии, многие люди из любого сословия, которых ты защищал, несколько коллегий, а кроме того, многочисленные юноши, привлеченные к тебе изучением красноречия, и преданные и многочисленные друзья, ежедневно посещающие тебя.

4. Постарайся сохранить это путем увещаний и просьб, всячески добиваясь того, чтобы те, кто перед тобой в долгу, поняли, что не будет другого случая отблагодарить тебя, а те, кто в тебе нуждается, – что не будет другого случая обязать тебя. Новому человеку также весьма может помочь благосклонность знатных людей, а особенно консуляров. Полезно, чтобы сами те, в круг и число которых ты хочешь вступить, считали тебя достойным этого круга и числа.

5. Всех их нужно усердно просить, перед ними ходатайствовать и убеждать их в том, что мы всегда разделяли взгляды оптиматов и менее всего добивались

расположения народа и если мы, как казалось, говорили в угоду народу, то мы делали это для привлечения на свою сторону Гнея Помпея для того, чтобы он, чье влияние так велико, относился к нашему соисканию дружественно или, во всяком случае, не был противником его.

6. Кроме того, старайся привлечь на свою сторону знатных молодых людей или хотя бы сохранить тех, кто к тебе расположен. Они придадут тебе много веса. Их у тебя очень много; сделай так, чтобы они знали, какое большое значение ты им придаешь. Если ты доведешь их до того, что те, кто не против тебя, будут тебя желать, то они принесут тебе очень большую пользу.

7. Тебе, как новому человеку, также очень поможет то, что вместе с тобой добиваются избрания люди такой знатности, что никто не осмелится сказать, что их знатность должна принести им большую пользу, нежели тебе доблесть. Ну, кто подумает, что к консульству стремятся Публий Гальба и Луций Кассий, люди высокого рода? Итак, ты видишь, что люди самого высокого происхождения не равны тебе, ибо они лишены сил.

8. Но, скажешь ты, Антония и Катилины следует опасаться. Вовсе нет: для человека деятельного, ревностного, честного, красноречивого, пользующегося расположением тех, кто выносит приговор, желательны такие соперники: оба с детства убийцы, оба развратники, оба в нужде. Мы видели, что имущество одного из них было внесено в списки, и, наконец, слышали его клятвенное заявление, что он не может состязаться с греком перед судом в Риме на равных началах. Мы знаем, что его вышвырнули из сената на основании прекрасной и справедливой оценки, данной ему цензорами. Он был моим соперником при соискании претуры, причем друзьями его были Сабидий и Пантера; у него уже не было рабов, которых он мог бы выставить для продажи; однако, занимая эту должность, он купил на подмостках для продажи рабов подругу с тем, чтобы открыто держать ее у себя дома, а добиваясь избрания в консулы, предпочел ограбить всех трактирщиков во время самого позорного посольства, а не быть здесь и умолять римский народ.

9. А другой? Всеблагие боги, чем блещет он? Во-первых, такой же знатностью. Не большей ли? Нет, но доблестью. По какой причине? Потому что Антоний боится даже своей тени, а этот не боится даже законов, рожденный среди нищеты отца, воспитанный среди разврата сестры, возмужавший среди убийств граждан. Его первым шагом на государственном поприще было умерщвление римских всадников. Ведь во главе тех галлов, которых мы помним и кто тогда снес головы Титиниям, Нанниям и Танусиям, Сулла поставил одного Катилину. Находясь среди них, он своими руками убил Квинта Цецилия, прекраснейшего человека, мужа его сестры, не принадлежавшего ни к одной партии, всегда спокойного от природы, а также от возраста.

10. Стоит ли мне теперь говорить, что консульства домогается тот, кто на глазах у римского народа провел через весь город под ударами розог Марка Мария, человека самого дорогого римскому народу, привел его к надгробному памятнику, истязал его там всяческими пытками, живому и еще стоявшему отсек мечом голову правой рукой, схватив ее за волосы левой рукой у темени,

и затем сам понес голову, а у него между пальцами ручьями текла кровь? Тот, кто впоследствии жил среди актеров и гладиаторов, причем первые были ему помощниками в разврате, а вторые в преступлениях, кто никогда не входил ни в одно священное или охраняемое религией место без того, чтобы, из-за его бесчестности, если даже у других не было никакой вины, не оставалось подозрения в совершенном кощунстве? Тот, кто привлек к себе в качестве близких друзей из курии Куриев и Анниев, из атриев Сапал и Карвилиев, из всаднического сословия Помпилиев и Веттиев? Кто настолько дерзок, настолько испорчен, наконец, настолько искушен и предприимчив в разврате, что осквернял мальчиков в тоге с пурпурной каймой чуть ли не в объятиях у их родителей? Что мне теперь писать тебе об Африке, о заявлениях свидетелей? Они известны, и ты перечитывай их чаще. Но не считай нужным молчать о том, что, во-первых, он вышел из суда таким же бедным, какими были некоторые судьи до вынесения того знаменитого приговора; кроме того, он стал столь ненавистным, что ежедневно требуют нового суда над ним. Его положение таково, что он более боится, даже оставаясь в бездействии, чем вызывает презрение, что-либо предпринимая.

11. Насколько благоприятнее условия, при которых ты стремишься к избранию, нежели те, в которых недавно находился Гай Целий, также новый человек! Он соперничал с двумя знатнейшими людьми; однако все качества их стоили большего, чем сама знатность – необычайные дарования, высокая нравственность, бесчисленные благодеяния и весьма обдуманная и тщательная подготовка выборов. Целий все же одержал верх над одним из них, хотя и был гораздо ниже его по происхождению и не превосходил его почти ни в чем.

12. Итак, если ты используешь то, что тебе щедро дают природа и занятия, которым ты всегда предавался, чего требуют нынешние обстоятельства, что ты можешь, что ты должен сделать, тебе не будет трудно бороться с этими соперниками, которые в гораздо меньшей степени знамениты своим происхождением, чем знатны своими пороками. И в самом деле, найдется ли такой бесчестный гражданин, который захотел бы одним голосованием обнажить против государства два кинжала!

13. Так как я изложил тебе, какими средствами ты располагаешь и можешь располагать, дабы поддержать свое имя нового человека, теперь, мне кажется, нужно сказать о величии соискания. Ты стремишься к консульству. Нет человека, который не считал бы тебя достойным этой чести, но многие относятся к тебе недоброжелательно. Ведь ты, человек из сословия всадников, добиваешься высшей должности в государстве и притом настолько высокой, что человеку смелому, красноречивому, бескорыстному эта почетная должность принесет больше значения, нежели другим. Не думай, что те, кто был облечен этой почетной властью, не видят, какое значение приобретешь ты, добившись того же. А те, кто, происходя из семейств консуляров, не достиг положения своих предков, подозреваю я, затаили по отношению к тебе недоброе, разве что кто-нибудь особенно расположен к тебе. Новые люди из числа бывших преторов, кроме тех, кого ты обязал твоими благодеяниями, думается мне, не хотят, чтобы ты превзошел их в достижении почестей.

14. Далее я уверен, что тебе приходит на ум, как много недоброжелателей в народе, как они чуждаются новых людей в силу привычек, укоренившихся в течение последних лет. Неизбежно также, что некоторые сердиты на тебя за те судебные дела, которые ты вел. Осмотришь также и подумаешь: раз ты с таким усердием отдался прославлению Гнея Помпея, относится ли к тебе кто-нибудь дружелюбно по этой причине?

15. Поэтому, стремясь к высшему положению в государстве и видя, что имеются противоборствующие тебе стремления, ты должен употребить все свое старание, заботы, труд и настойчивость.

16. Соискание должностей требует действий двоякого рода: одни должны заключаться в обеспечении помощи друзей, другие — в снискании расположения народа. Странствия друзей должны рождаться от услуг, одолжений, давности дружбы, доступности и приветливости. Но при соискании это слово «друзья» имеет более широкое значение, чем при прочих житейских отношениях. К числу друзей ты должен относить всякого, кто проявит хотя бы некоторое расположение и внимание к тебе, всякого, кто будет частым посетителем твоего дома. Однако чрезвычайно полезно быть дорогим и любезным именно тем, кто нам подлинно друг вследствие родства или свойства, или товарищества, или какой-либо связи.

17. Затем нужно приложить все усилия к тому, чтобы всякий близкий и совсем свой человек, затем и члены трибы, соседи, клиенты, даже вольноотпущенники и, наконец, твои рабы любили тебя и желали тебе наибольшего значения, ибо почти все разговоры, создающие общественному деятелю имя, исходят от своих.

18. Затем надо приобрести друзей всякого рода: для придания себе блеска — людей, известных должностным положением и именем, которые если и не способны привлечь голосов, то все же придадут искателю некоторый вес; для обеспечения своего права — должностных лиц, а из них особенно консулов, затем народных трибунов; для получения голосов центурий — людей выдающегося влияния. Прежде всего склони на свою сторону и обеспечь себе поддержку тех, кто благодаря тебе получил или надеется получить голоса трибы или центурии, или же какую-нибудь выгоду. Ибо в течение последних лет честолюбивые люди прилагали всяческие усилия и труды, чтобы получить от членов своей трибы то, чего они домогались. Ты должен добиваться любым способом, чтобы эти люди были на твоей стороне всей душой и всеми стремлениями.

19. Если бы люди были достаточно благодарными, то все это должно бы быть подготовлено для тебя так, как, я уверен, оно и подготовлено, ибо за последние два года ты привлек на свою сторону четыре товарищества людей, весьма влиятельных на выборах: товарищества Гая Фундания, Квинта Галлия, Гая Корнелия и Гая Орхивия. Какие обязательства по отношению к тебе взяли на себя и подтвердили их сотоварищи, поручая тебе их дела, мне известно, ибо я присутствовал при разговоре. Поэтому в ближайшее время тебе надлежит от них требовать должного частыми напоминаниями, просьбами, подтверждениями, стараясь о том, чтобы они поняли, что у них никогда не

будет другого случая отблагодарить тебя. Надежда на новые одолжения с твоей стороны и твои недавние услуги, конечно, побудят людей ревностно действовать в твою пользу.

20. А так как вообще твои притязания очень надежно поддерживают друзья, которых ты приобрел, защищая дела в суде, то сделай так, чтобы обязанности каждого, кто перед тобой в долгу, были точно расписаны и распределены. И раз ты никогда ни в чем не обременял никого из тех людей, постарайся о том, чтобы они поняли, что все то, что они, по твоему мнению, должны для тебя сделать, ты приурочил именно к этому времени.

21. Но так как люди становятся благосклонными и ревностными избирателями главным образом благодаря трем обстоятельствам – услугам, надежде и искренней душевной привязанности, то нужно усвоить, каким образом следует использовать каждое их них. Малейшие услуги заставляют людей считать, что есть достаточно причин для усердного голосования, не говоря уже о тех, кого ты спас, – а их очень много, – которые понимают, что если они не удовлетворят тебя при этих обстоятельствах, то они никогда не найдут одобрения ни у кого. Хотя это и так, их все же нужно просить и привести к сознанию того, что мы, в свою очередь, можем стать обязанными тем, кто до того был обязан нам.

22. Что же касается тех, кого с тобой связывает надежда (этот род людей гораздо старательнее и обязательнее), то постарайся, чтобы им казалось, что ты расположен и готов оказать им поддержку. Наконец, пусть они понимают, что ты внимательно следишь за услугами с их стороны, пусть им будет ясно, что ты хорошо видишь и отмечаешь, сколько каждый из них для тебя делает.

23. Третий род помощи при выборах – это искренние стремления, которые понадобятся укрепить, выражая благодарность и приспособляя свои речи к тем условиям, в силу которых каждый, как тебе покажется, будет твоим сторонником, – проявляя по отношению к людям одинаковое благоволение, подавая им надежду, что дружеские отношения станут близкими и тесными. Для всех этих видов отношений обдумай и взвесь, сколько кто может, чтобы знать, каким образом нужно каждому услужить и чего ожидать и требовать от каждого.

24. Дело в том, что существуют некоторые люди, очень влиятельные в своей округе и муниципии, существуют усердные и состоятельные, которые, если они ранее и не старались использовать это влияние, однако вполне могут со временем потрудиться ради того, кому они обязаны или хотят угодить. Людей этого рода нужно обхаживать так, чтобы они сами поняли, что ты видишь, чего тебе ожидать от каждого из них, чувствуешь, что получаешь, помнишь, что получил. Но есть и другие, которые либо ничего не могут, либо даже ненавистны членам своей трибы и лишены присутствия духа и возможности постараться сообразно обстоятельствам. Не забудь разобраться в них, чтобы, возложив на кого-нибудь слишком большие надежды, не получить мало помощи.

25. И хотя нужно быть вполне обеспеченным, приобретаю и укрепив дружеские связи, все же во время самого соискания завязываются весьма многочисленные и очень полезные дружеские отношения. Дело в том, что с соисканием, при прочих неприятностях, сопряжено следующее удобство: ты можешь без ущерба для своей чести, чего ты не смог бы сделать в обычных условиях, завязывать дружбу, с кем только захочешь; если бы ты в другое время стал вести переговоры с этими людьми, предлагая им свои услуги, то это показалось бы бессмысленным поступком; если же ты во время соискания не будешь вести переговоров об этом, и притом со многими и тщательно, то ты покажешься ничтожным искателем.

26. Я же уверяю тебя, что нет никого, если только он не связан какими-нибудь узами с кем-либо из твоих соперников, от кого ты, приложив старания, не мог бы легко добиться, чтобы он своей услугой снижал твою привязанность и обязал тебя; лишь бы только он понял, что ты придаешь ему большое значение и говоришь от души, что он делает выгодное дело и что из этого возникнет не кратковременная дружба в связи с голосованием, а прочная и постоянная.

27. Верь мне, не найдется никого, кто бы, обладая хоть каким-нибудь здравым смыслом, упустил эту представившуюся ему возможность установить дружеские отношения с тобой, особенно когда, благодаря случаю, твои соперники таковы, что их дружбу следует либо презирать, либо избегать, а сами они не могут не только выполнить, но даже начать то, что я советую тебе.

28. Как Антоний начнет привлекать на свою сторону и завязывать дружбу с людьми, которых сам он не может назвать по имени? Право, не вижу ничего более глупого, чем предположение, что тебе может быть предан тот, кого ты не знаешь. Человек должен обладать какой-то исключительной славой и достоинством, а также совершить великие подвиги, чтобы незнакомые люди избрали его на высшую должность, когда о нем никто не печется. Но случай, когда бы негодный человек, бездельник, без способностей, покрытый позором, без друзей, кому никто не обязан, опередил человека, опирающегося на поддержку большинства людей и всеобщее уважение, возможен только при непростительной небрежности.

29. Поэтому постарайся при помощи многочисленных и разнообразных дружеских связей закрепить за собой все центурии. Прежде всего – это очевидно – ты должен привлечь на свою сторону сенаторов и римских всадников, а из прочих сословий – влиятельных и усердных людей. На форуме бывают многие деятельные горожане, многие ревностные и влиятельные вольноотпущенники. Кого сможешь, – сам, кого – через общих друзей, приложив все усилия, склони к тому, чтобы они стали твоими горячими сторонниками. Стремись к этому, посылай к ним людей, дай понять им, что они оказывают тебе величайшую услугу.

30. Затем нужно обратить внимание на город в целом, на все коллегии, округа и соседства. Если ты завяжешь дружеские отношения с главенствующими в них людьми, то при их помощи легко будешь держать в руках остальную массу. Затем думай и помни обо всей Италии, расписанной и распределенной на трибы, чтобы не допустить существования муниципий, колоний,

префектуры и, наконец, места в Италии, в котором бы у тебя не было достаточной поддержки.

31. Разыскивай и находи людей в каждой области, узнай их, посети, укрепи их расположение к тебе, постарайся о том, чтобы они за тебя просили в своей округе и были как бы кандидатами за тебя. Они пожелают твоей дружбы, увидев, что ты стремишься приобрести их дружбу. Ты добьешься, что они это поймут, с помощью речи, составленной с этой целью. Жители муниципий и деревень считают себя нашими друзьями, если мы знаем их по имени. Если же они также рассчитывают на некоторую нашу защиту, то они не упускают случая заслужить эту дружбу. Прочие, а особенно твои соперники, даже не знают этих людей; ты же и знаешь и легко познакомишься с ними, без чего дружба невозможна.

32. Этого, однако, недостаточно, хотя это и важно. Нужно, чтобы за этим последовала надежда на выгоду и дружбу, чтобы ты казался им не только номенклатором, но и добрым другом. Когда ты таким образом будешь иметь в центуриях ревностных сторонников в лице тех, кто из-за честолюбия пользуется очень большим влиянием среди членов трибы, и в лице прочих, имеющих значение среди части членов трибы вследствие своего положения в муниципии или в округе, или в коллегии, то у тебя будут все основания надеяться на наилучший исход.

33. Что же касается центурий всадников, то обеспечить себе их поддержку, если постараться, мне кажется, гораздо легче. Прежде всего познакомься с всадниками (ведь их немного), затем привлекли их к себе (этот юношеский возраст гораздо легче склонить к дружбе); к тому же на твоей стороне любой из лучших юношей, жаждущих образования. Далее, так как ты сам принадлежишь к сословию всадников, то они будут послушны авторитету сословия, если ты приложишь старания, чтобы обеспечить себе поддержку этих центурий не только ввиду благорасположения сословия, но и на основании дружбы отдельных лиц. Ведь ревностное отношение молодежи при привлечении голосов, при обходе, при распространении новостей, при постоянном сопровождении и чрезвычайно важно и приносит удивительный почет.

34. Раз я упомянул о постоянном сопровождении, надо также заботиться о том, чтобы тебя ежедневно провожали люди всякого рода, сословия и возраста. Ибо на основании множества их можно будет сообразить, каковы будут твои силы и возможности на самом поле. При этом бывают люди трех родов: первые приветствуют, приходя на дом; вторые провожают на форум; третьи сопровождают постоянно.

35. По отношению к приветствующим (это более пошлые люди и, по нынешнему обычаю, приходят они в большом числе) нужно держать себя так, чтобы это ничтожное внимание с их стороны казалось им самым лестным для тебя. Покажи тем, кто приходит к тебе в дом, что ты замечаешь; дай это понять их друзьям, чтобы те сообщили им об этом; повторяй об этом им самим. Так люди, обходя многих соперников и видя, что один из них обращает на их любезность наибольшее внимание, часто отдают свои голоса именно ему и

оставляют прочих, постепенно останавливают свой выбор и при голосовании из сторонников всех превращаются в сторонников одного. Кроме того, тщательно соблюдай правило: если услышишь или почувствуешь, что тот, кто обещал тебе свою поддержку, как говорится, перекасался, то скрой, что ты услышал или знаешь; если же он захочет обелить себя в твоих глазах, чувствуя, что на него пало подозрение, то подтверди, что ты никогда не сомневался и не должен сомневаться в его добрых намерениях. Ибо тот, кто не считает, что он удовлетворяет тебя, никак не может быть другом. Но нужно знать настроение каждого, чтобы можно было установить, насколько кому доверять.

36. Сопровождение при следовании на форум – более важная обязанность, чем приветствия на дому; дай понять и покажи, что оно более приятно тебе, и спускайся на форум, по возможности, в определенное время. Множество людей, ежедневно сопровождающих на форум, создает весьма благоприятные мнения, придает большое достоинство.

37. Третьи этого рода – это толпа неотступно сопровождающих. Постарайся, чтобы те, кто будет делать это охотно, поняли, что они этой величайшей услугой обязывают тебя навсегда; от тех же, кто в долгу перед тобой, прямо требуй выполнения этой обязанности – кто сможет по возрасту и занятиям, пусть постоянно будет при тебе сам; кто не сможет сопровождать, пусть возложит эту обязанность на своих близких. Я очень хочу, чтобы ты всегда был в сопровождении множества людей, и полагаю, что это важно для успеха.

38. Кроме того, много способствует славе и придает достоинство, если с тобой будут те, кого ты защитил, кого ты спас и освободил от осуждения. Этого ты прямо требуй от них: так как благодаря тебе одни без всяких расходов сохранили имущество, другие доброе имя, третьи жизнь и все достояние, и так как им не представится никакой другой возможности отблагодарить тебя, пусть они воздадут тебе за это, взяв на себя эти обязанности.

39. Во всей этой речи я касался содействия друзей. Теперь я не могу обойти молчанием предосторожностей, необходимых в этом деле. Все преисполнено обмана, козней и вероломства. Теперь не время для нескончаемого рассуждения о том, на основании чего можно отличить доброжелателя от притворщика; теперь нужно только предостеречь. Твоя высокая доблесть заставила одних и тех же людей и быть притворными друзьями тебе, и ненавидеть тебя. По этой причине держись Эпихармова правила: жилы и члены мудрости – не доверяться необдуманно.

40. Обеспечив себе старания друзей, узнай также замыслы недругов и противников, а также, кто они. Их три рода: одни – это те, кому ты повредил, другие – те, кто не любит тебя беспричинно, третьи – те, кто относится весьма дружественно к твоим соперникам. Перед теми, кому ты повредил, выступив против них в пользу друзей, оправдайся открыто, напomini им об обязанностях дружбы, подай им надежду на то, что ты будешь относиться к их делам так же ревностно и старательно, если они отдадут тебе свою дружбу. Тех, кто не любит тебя беспричинно, постарайся отвлечь от превратного душевного расположения, либо оказав услугу, либо подав надежду, либо проявив внимание. Тем, кто несколько чуждается тебя вследствие дружеского

отношения к твоим соперникам, угождай теми же способами, что и вышеупомянутым, и, если сможешь убедить, покажи, что ты относишься благожелательно даже к своим соперникам.

41. Так как об установлении дружеских отношений сказано достаточно, следует сказать о другой стороне соискания, заключающейся в приобретении благосклонности народа. Это требует обращения по имени, лести, постоянного внимания, щедрости, распространения слухов, надежд на тебя, как государственного деятеля.

42. Прежде всего сделай явным то, что ты делаешь, – свое старание знать людей, и усиливай и улучшай это с каждым днем. Мне кажется, что ничто не располагает к себе народа и не приятно ему в такой степени. Затем (это несвойственно тебе от природы) внуши себе, что нужно притворяться так, чтобы казалось, что ты делаешь это по природной склонности. Ты не лишен обходительности, приличествующей хорошему и приятному человеку, но здесь чрезвычайно необходима лесть, которая, будучи порочной и постыдной при прочих условиях жизни, при соискании однако необходима. Правда, когда она портит человека постоянной готовностью соглашаться, она бесчестна, но когда она делает его более дружественным, она не заслуживает такого порицания; она необходима искателю, чей вид, выражение лица, речь должны изменяться и приспособляться к чувствам и воле тех, с кем он общается.

43. Для настойчивости не существует никакого правила: само слово показывает, в чем здесь дело. Поистине чрезвычайно полезно никуда не отдаляться, но главное преимущество настойчивости в том, что человек не только находится в Риме и на форуме, но и в том, что он настойчиво добивается, часто обращается к одним и тем же людям и не допускает, чтобы кто-нибудь мог сказать, что ты не просил его о поддержке, которую ты мог бы получить от него, и не просил настоятельно и убедительно.

44. Щедрость бывает весьма широкой: она – в использовании своего состояния; при этом, правда, она не может распространиться на толпу, но друзья восхваляют ее, и толпе она приятна; она – в званых обедах, которые ты должен давать; пусть их расхваливают и ты и твои друзья повсюду и в каждой трибе; она – в оказании содействия, которое должно быть общеизвестным и к услугам каждого; заботься также о том, чтобы доступ к тебе был свободен днем и ночью, и притом чтобы были открыты не только двери твоего дома, но и взор и лицо, являющееся дверью в душу. Если оно говорит о том, что твои мысли спрятаны и заперты, то открытый вход не имеет большого значения, ибо люди хотят не только обещаний, особенно в том, чего они просят от кандидата, но обещаний, даваемых щедро и с почетом для них.

45. Показывать, что то, что ты будешь делать, ты сделаешь старательно и охотно, конечно, легко выполнимое правило. Другое правило труднее и подходит более к обстоятельствам, нежели к твоему характеру: в том, чего ты не можешь сделать, либо отказывать мягко, либо вовсе не отказывать. Первое – качество доброго человека, второе – умелого искателя. Ибо, когда просят о том, чего мы не можем обещать без ущерба для своей чести или без убытка для себя, например, если кто-нибудь попросит взять на себя ведение какого-

нибудь судебного дела против друга, то нужно отказать любезно, указав на дружеские отношения, объяснив, как это тяжело тебе, убедив в своем намерении исправить это в другом случае.

46. Кто-то, я слышал, рассказывал о неких ораторах, которым он хотел поручить ведение своего дела, будто ему слова того, кто отказал, были приятнее, нежели слова того, кто согласился. Так выражением лица и словами людей привлекают более, чем самим одолжением и делом. Первое правило ты, конечно, одобришь; второе несколько трудно советовать тебе, последователю Платона, однако я предлагаю его применительно ко времени. Таким образом те, кому ты откажешься помочь, ссылаясь на обязательства, налагаемые дружбой, смогут уйти от тебя примиренными и спокойными. Те же, кому ты откажешь по той причине, будто ты занят либо делами друзей, либо более важными делами, либо взятыми на себя ранее, уйдут от тебя врагами; ведь все склонны предпочитать ложь отказу.

47. Гай Котта, мастер в обхождении с избирателями, говаривал, что когда то, о чем его просят, не противоречит его обязательствам, то он охотно обещает свое содействие всем, но оказывает его тем, у кого оно, по его мнению, сослужит ему наилучшую службу; что он не отказывает никому, ибо часто случается, что тот, кому он обещал, не пользуется обещанием, так что сам он часто оказывается более свободным, нежели предполагал; кроме того, не может быть полон дом того человека, который берется лишь за столько дел, сколько он, по его мнению, может выполнить; дело, на которое не рассчитываешь, случайно оканчивается благополучно, а то, которое кажется уже в руках, по какой-либо причине не доводится до конца; наконец, едва ли возможно, чтобы тот, кому ты скажешь неправду, рассердился.

48. Если ты пообещаешь, то это и неопределенно, и на некоторый срок, и немногим; если же ты откажешь, то, конечно, оттолкнешь от себя и притом немедленно и многих. Тех, кто просит о том, чтобы им было разрешено воспользоваться содействием другого, гораздо больше, нежели тех, кто действительно пользуется. Поэтому лучше будет, если кто-либо из этих людей когда-нибудь рассердится на тебя на форуме, нежели все сразу же у тебя дома, тем более, что на тех, кто отказывает, сердятся гораздо сильнее, чем на того, кого видят в затруднительном положении по той причине, что он хотел бы исполнить обещание, если бы только это было возможно.

49. Чтобы не казалось, что я уклонился от своего плана, рассматривая этот вопрос в этой части своей речи о привлечении расположения народа при соискании, продолжаю, что все это относится не столько к преданности друзей, сколько к народному мнению. И хотя налицо и имеется кое-что в этом роде – умение благосклонно отвечать, заботливо помогать друзьям в их делах и затруднениях, – однако в этом месте я говорю о том, посредством чего ты можешь овладеть толпой; нужно, чтобы люди заполняли твой дом с ночи, чтобы многих привлекала надежда на защиту с твоей стороны, чтобы уходили от тебя настроенными более дружески, чем пришли, чтобы как можно больше ушей наполнялось самыми благожелательными речами.

50. Далее следует сказать о молве, о которой надо весьма заботиться. Сказанное во всей предшествующей речи имеет значение для прославления твоего имени: слава красноречия, расположение откупщиков и сословия всадников, благожелательное отношение знати, привлекательность для молодежи, настойчивость тех, кого ты защитил, присутствие множества жителей муниципий, очевидно, прибывших ради тебя; чтобы говорили и думали, что ты хорошо знаешь людей, приветливо обращаешься к ним, настойчиво и тщательно добиваешься избрания, благожелателен и щедр; твой дом, с ночи заполненный посетителями, привлекательность для разнообразных людей, когда твоими речами удовлетворены все, а делом и помощью многие; пусть то, что можно выполнить, делается трудолюбиво, искусно и тщательно, не для того, чтобы молва распространялась от этих людей к народу, но для того, чтобы сам народ жил среди этих стремлений.

51. Массой городских избирателей и рвением тех, кто главенствует на народных сходках, ты овладел, произнеся речь о полномочиях Помпея, взявшись за дело Манилия, защищая Корнелия; нам нужно возбудить рвение, какого до сего времени не снискал никто без благосклонности выдающихся людей. Нужно также достигнуть того, чтобы все знали, что Гней Помпей отнесится к тебе чрезвычайно благожелательно и осуществление твоего избрания имеет огромное значение для его планов.

52. Наконец, заботься о том, чтобы все соискание было пышным, торжественным, блестящим, популярным, полным достоинства, а также о том, чтобы о твоих соперниках распространялись соответствующие их нравам позорные слухи, если только это возможно, – либо о преступлении, либо о разврате, либо о мотовстве.

53. При этом соискании нужно также чрезвычайно заботиться о том, чтобы государство возлагало на тебя лучшие надежды и почитало тебя. Но при соискании ты не должен вмешиваться в государственные дела ни в сенате, ни на народных сходках, но сохранять это про себя, чтобы сенат решил на основании твоей прежней жизни, что ты станешь защитником его авторитета, чтобы римские всадники и честные и богатые мужи сочли на основании твоего прошлого, что ты будешь поддерживать тишину и общественное спокойствие, а толпа на основании того, что ты был любим народом хотя бы за речи на народных сходках и в суде, считала, что ее выгода не будет чуждой тебе.

54. Вот что приходило мне на ум по поводу тех двух утренних напоминаний, которые, как я сказал ранее, тебе надо ежедневно обдумывать, спускаясь на форум: «Я – человек новый, добиваюсь консульства». Остается третье: «Это – Рим», государство, образованное от стечения племен, в котором много козней, много обмана, множество разного рода пороков, где приходится переносить надменность многих, упрямство многих, недоброжелательство многих, гордость многих, ненависть многих и надоедливость. Мне думается, нужен большой ум и искусство, чтобы, вращаясь среди разнообразных и столь великих пороков такого множества людей, избежать неудовольствия, избежать

сплетен, избежать козней, уметь одному приспособиться к столь великому разнообразию нравов, речей и желаний.

55. Поэтому неуклонно иди по тому пути, на который ты вступил: будь выдающимся оратором. Этим удерживают людей в Риме, привлекают их к себе и предотвращают создание препятствий и нанесение вреда. А так как самый большой порок наших граждан в том, что они, под влиянием раздач, обычно забывают о доблести и достоинстве, то хорошо узнай самого себя, то есть пойми, что ты таков, что можешь внушить соперникам величайший страх перед опасностью суда. Сделай так, чтобы они знали, что ты следишь и наблюдаешь за ними. Они будут сильно бояться как твоей настойчивости, авторитета и силы твоего слова, так, конечно, и преданности тебе со стороны сословия всадников.

56. Я не хочу, однако, чтобы ты подал им повод полагать, что уже обдумываешь обвинение; я хочу, чтобы ты, используя этот страх, легче пришел к тому, к чему стремишься. И вообще всеми своими силами и способностями старайся достигнуть того, чего мы добиваемся. Хорошо знаю, что не бывает комичий, как бы они ни были запятнаны подкупом, на которых несколько центурий не стояло бы даром за близких им людей.

57. Итак, если мы будем бодрствовать в соответствии с важностью дела, если побудим наших благожелателей к величайшему рвению, если мы между каждым из влиятельных и преданных нам людей распределим их обязанности, если укажем соперникам на возможность суда, внушим страх их посредникам, сдержим каким-нибудь способом их раздатчиков, то может случиться, что подкупа совсем не будет или же он не окажет никакого действия.

58. Вот все то, что, как я полагал, известно тебе не хуже, чем мне; но, имея в виду твою нынешнюю занятость, я легче могу собрать все это вместе и послать тебе в письменном виде. Хотя это написано так, что оно имеет значение не для всех добивающихся должности, но именно для тебя и для этого твоего соискания, однако, если что-нибудь покажется тебе требующим изменения или полного исключения или же если что-нибудь пропущено, то, пожалуйста, скажи мне об этом, ибо я хочу, чтобы это небольшое наставление по соисканию было совершенным во всех отношениях.

[54]

Деяния божественного Августа. 34.1-35.1.

В шестое и седьмое консульство, п[о]сле того как Гражданские в[ойны] я погасил, с общего согласия став верховным властелином, государство из своей власти я на усмотрение сената и римск[ого] народа передал. За эту мою заслугу постановлением сената я был назван Ав[густ]ом, и лаврами косяки моего дома были покрыты [всена]родно, и гражданский венок над моей дверью был закреплен, и золотой щ[ит] в Юлиевой курии был поставлен, надпись на каковом щите [свидетельству]ет, что его сенат [и на]род [рим]ский дали з[а] мужество, милосе[рд]ие, справедливо[сть] и благоче[стие]. После этого времени я превосходил всех а[вторитетом], но власти име[л] не больше, [чем друг]ие, кто [б]ыли у меня когда-либо коллегами по должности.

Когда тринадцатое консульство я исполня[л], [сена]т и в[са]дническое сословие, и весь римский народ наз[ва]ли меня от[цом] отечества, и чтобы это было записа[но] в вестибюле моего дома [и в курии] Юлиевой, и на Авг<устовом> Форуме под квадригами, которые мне [по] постановлению сената поставле[ны], указал.

[55]

Закон о власти Веспасиана (CIL. VI. 930)

И пусть ему будет дозволено заключать союзы с кем он захочет так, как это было дозволено божественному Августу, Тиберию, Юлию Цезарю Августу и Тиберию Клавдию Цезарю Августу Германику. И пусть ему будет дозволено созывать сенат, вносить предложения и брать [их] обратно, проводить сенатусконсульты путем внесения предложения и голосования так, как это было дозволено божественному Августу, Тиберию, Юлию Цезарю Августу и Тиберию Клавдию Цезарю Августу Германику. И пусть, когда, согласно его воле и авторитету, по его приказу, или поручению, или в его присутствии будет собираться сенат, он во всех делах будет иметь и сохранять те же права, как если бы заседание сената было назначено и имело место по закону. И пусть те из магистратов, которым он препоручит гражданскую власть, военное командование, надзор за каким-нибудь делом, совершающимся для сената и римского народа, и те, кому он даст или обещает свою поддержку на выборах, принимаются в расчет в экстраординарном порядке. И пусть ему будет дозволено раздвигать и расширять границы померия, как он будет считать нужным для общего блага, так же как это было дозволено Тиберию Клавдию Цезарю Августу Германику. И пусть все то, что он сочтет нужным сделать для пользы и величия республики из дел, касающихся богов, людей, государства и частных лиц, он имеет власть и право совершить и исполнить, как имели [их] божественный Август, Тиберий, Юлий Цезарь и Тиберий Клавдий Цезарь Август Германик. И пусть на основании тех законов и плебисцитов, которыми было установлено, чтобы божественный Август, Тиберий, Юлий Цезарь Август и Тиберий Клавдий Цезарь Август Германик не подлежали ответственности, по тем же законам будет освобожден [от ответственности] и император Цезарь Веспасиан. И все то, что по какому-нибудь закону или рогаии дозволено было божественному Августу, Тиберию, Юлию Цезарю, Тиберию Клавдию Цезарю Августу Германику, пусть будет дозволено и императору Цезарю Веспасиану Августу. И пусть то, что до внесения этого закона было сделано, исполнено, предписано, приказано императором Цезарем Веспасианом Августом или кем-нибудь по его приказанию или поручению, все это будет так же законно и неизбежно, как если бы было совершено по приказу народа или плебса. Если кто-нибудь в связи с этим законом сделает что-либо против законов, рогаий, плебисцитов, сенатусконсультов или не сделает в связи с этим законом того, что следует сделать по закону, рогаии, плебисциту, сенатусконсульту, то да не будет это вменено ему в преступление; и пусть он из-за этого не будет должен дать что-либо народу, и пусть никто по этому

поводу не вчиняет иска и не судит, и пусть никто не допускает тревожить себя по этому делу.

[56]

Гай. Институции. I. 1-7.

Все народы, которые управляются законами и обычаями, пользуются частью своим собственным правом, частью общим правом всех людей: итак, то право, которое каждый народ сам для себя установил, есть его собственное право и называется правом гражданским, как бы собственным правом, свойственным самим гражданам. А то право, которое между всеми людьми установил естественный разум, применяется и защищается одинаково у всех народов и называется правом общенародным, как бы правом, которым пользуются все народы. Таким образом, и римский народ пользуется отчасти своим собственным правом, отчасти правом, общим всем людям. В своем месте мы укажем на особенности каждого права в отдельности.

Гражданское право римского народа состоит из законов, решений плебеев, постановлений сената, указов императоров, эдиктов тех должностных лиц, которые имеют право издавать распоряжения, и из ответов знатоков (права).

Закон есть то, что народ римский одобрял и постановил; плебейское решение есть то, что плебеи одобряли и постановили. Плебеи же отличаются от народа тем, что словом народ обозначаются все граждане, включая сюда и патрициев; наименованием же плебеи обозначаются все прочие граждане, за исключением патрициев. Вот поэтому-то патриции некогда утверждали, что постановления плебеев для них не обязательны, так как они составлены без их соизволения и участия. Но впоследствии издан был закон Гортензия, которым было определено, чтобы постановления плебейских собраний были обязательны для всего народа. Таким образом, решения плебеев поставлены были наравне с настоящими законами.

Сенатское постановление есть то, что сенат повелевает и устанавливает; оно имеет силу закона, хотя это было спорно.

Указ императора есть то, что постановил император или декретом, или эдиктом, или рескриптом; и никогда не было сомнения в том, что указ императора имеет силу настоящего закона, так как сам император приобретает власть на основании особого закона (который придавал императорским распоряжениям силу закона).

Эдикты суть постановления и предписания тех должностных лиц, которые имеют право их издавать. Право же издавать эдикты предоставляется должностным лицам римского народа; самое важное значение, однако, в этом отношении имеют эдикты двух преторов – городского и peregrinского, юрисдикция которых в провинциях принадлежит их наместникам. То же самое относится к эдиктам курульных эдилов, юрисдикцию которых в провинциях римского народа имеют квесторы. В императорские же провинции квесторов вообще не назначают, а потому в этих провинциях такой эдикт не обнародуется.

Ответы знатоков (права) – это мнения и суждения юристов, которым позволено было устанавливать и творить право. Если мнения этих лиц сходятся, то приобретает силу закона то, в чем они согласны. Если же мнения юристов не согласны между собою, то судье предоставляется право следовать тому мнению, которое он считает самым лучшим, – что прямо выражается в рескрипте блаженной памяти Адриана.

[57]

Дигесты Юстиниана

I 3.31 (Ульпиан) Принцепс свободен от (соблюдения) законов, жене же императора не позволено быть свободной от (соблюдения) законов, однако принцепсы наделяют ее теми же привилегиями, которые имеют сами.

I 4.1 (Ульпиан) То, что решил принцепс, имеет силу закона, так как народ посредством царского закона, принятого по поводу высшей власти принцепса, предоставил принцепсу всю свою высшую власть и мощь. § 1. Таким образом, то, что император постановил путем письма и подписи, или предписал, исследовав дело, или вообще высказывал, или предписал посредством эдикта, как известно, является законом. Это и есть то, что мы обычно называем конституциями. § 2. Конечно, некоторые из них носят персональный характер и не воспринимаются в качестве примера: ведь если принцепс к кому-либо за заслуги благоволил или наложил какое-либо наказание, или если кому оказал беспримерную помощь, то это не распространяется дальше данного лица.

I 21.1 (Папиниан) Та (власть), которая предоставляется особо посредством закона или сенатусконсульта или постановления принцепсов, не передается путем делегирования юрисдикции. Ту же (власть), которая принадлежит (кому-либо) по праву магистратуры, могут делегировать. Поэтому ясно, что ошибаются (те) магистраты, которые делегируют свою юрисдикцию в том случае, когда они осуществляют судопроизводство в уголовных делах, вверенное им на основании закона или сенатусконсульта, например по Юлиеву закону о прелюбодеяниях и по другим ему подобным. Убедительнейшим доказательством в пользу этого является то, что в Юлиевом законе о насилии специально указано, что тот, кто осуществляет судопроизводство (по этому закону), может делегировать свои полномочия в случае отъезда. Итак, он может делегировать их лишь в том случае, если задумает уехать, в то время как вообще юрисдикция делегируется и теми, кто при этом присутствует. И если говорят, что господин убит своими рабами, то претор не может поручить (кому-либо) производство судебного следствия, возложенного на претора сенатусконсультом. § 1. Кто осуществляет делегированную (ему) юрисдикцию, тот не имеет ничего своего, но пользуется юрисдикцией того, кто ее делегировал. Ибо справедливо, что хотя по обычаю предков можно передавать юрисдикцию, но не может быть передана предоставляемая на основании закона высшая власть, связанная с правом приговаривать к смертной казни. Поэтому никто не утверждает, что легат проконсула может приговаривать к смертной казни в силу делегированной ему юрисдикции. Павел замечает:

правильнее, что высшая власть, связанная с юрисдикцией, переходит, когда делегирована юрисдикция.

II 1.5 (Юлиан) Обычаем предков установлено, что лишь тот может поручать осуществление юрисдикции другому лицу, кто обладает юрисдикцией в силу своего права, а не в силу предоставления ему юрисдикции другим лицом, (6) (Павел) так как ему и непосредственно не была дана юрисдикция, и закон сам по себе (ее) не предоставляет, но лишь утверждает врученную юрисдикцию. Поэтому в случае, если тот, кто поручил осуществление юрисдикции, умрет прежде, чем начнет вести дела тот, кому данное право предоставлено, то поручение (это), говорит Лабеон, отменяется, подобно тому, как это бывает и в других случаях.

[58]

Плиний Младший. *Панегирик императору Траяну*

4. Но следует подчиняться постановлению сената, который ради общественной пользы постановил, чтобы в словах консула, произносимых под видом благодарственной речи, хорошие принцепсы слышали о тех делах, которые ими действительно совершаются, а плохие о тех, которые должны были бы совершать. В настоящий момент тем более необходимо и важно выполнить это [постановление сената], что отец наш, принцепс, не разрешает высказывать себе похвалы частным образом, пресекая их, и охотно воспретил бы и публичные, если бы позволил себе отменить то, что предписано сенатом. И то и другое: что ты не разрешаешь воздавать тебе хвалы где-либо в других местах, и то, что ты не запрещаешь их здесь [в здании сената], показывает тебя как образец скромности, о цезарь-август! Ибо не ты сам назначаешь себе эти почести, но они воздаются тебе нами. Ты уступаешь нашим чувствам, ибо нас никто не принуждает произносить тебе хвалу, но тебе по необходимости приходится ее слушать.

Часто я, сенаторы, молча, сам с собою, размышлял над тем, какими качествами должен обладать тот, беспрекословной власти которого подчиняются моря и земли и от кого зависят мир и война. Однако, как я ни старался создать образ принцепса, которому подобает равная почти с бессмертными богами власть, мне даже в мыслях никогда не удавалось приблизиться к тому образцу, который мы имеем перед глазами. Иной, отличившись на войне, потом потерял свой блеск в обстановке мира; другого прославила тога, но не далось ему в то же время военное искусство, один заставил себя уважать, действуя страхом, другой снискал любовь унижением, тот в общественной деятельности не смог сохранить доброй славы, сложившейся за ним на основании его семейной жизни; другой, наоборот, в кругу своей семьи запятнал славу, приобретенную на общественном поприще: не было еще до сих пор человека, у которого его доблести не затмевались бы от близкого соседства с какими-нибудь пороками. Наоборот, какое удивительное согласие всяких похвальных качеств, какое гармоническое сочетание всяких доблестей видим мы в нашем принцепсе! Ни

жизнерадостность его не вредит строгости его нравов, ни простота в обращении не умаляет его достоинства, ни гуманная его снисходительность не идет у него в ущерб его величию. А его бодрость, а статная фигура, величественная голова и полное достоинства лицо и ко всему этому цветущий возраст, без физической слабости, но в то же время не без некоторых ранних признаков старости, дарованных ему богами как бы нарочно для того, чтобы придать больше величия его царственной осанке! Разве все это не делает для всех очевидным, что он истинный, прирожденный государь?

5. Таким должен быть, поистине, государь, возвысившийся не в пылу гражданской войны и не в момент стеснения государства оружием, но данный внявшими молениям земли богами-покровителями, в момент глубокого мира, через усыновление. Да и можно ли допустить, чтобы не было отличия у императора, посланного богами, от других, поставленных людьми?

<...>

(44). Ты знаешь и сам испытал, насколько ненавидят дурных принцев даже те, которые их портили. Ты помнишь, чего ты привык вместе с нами желать, на что жаловаться. Теперь ты сам, будучи принцем, руководишься мнениями частного лица, проявляешь себя с лучшей стороны, чем государь, какого бы восхваляли. Поэтому мы так теперь избалованы, что если раньше самые большие наши пожелания сводились к тому, чтобы иметь принца лучше самого плохого, теперь не можем мириться ни с каким, как только с наилучшим. Нет никого, кто настолько не знал бы самого себя и тебя, чтобы желать занять твое место после тебя. Легче будет фактически найтись преемнику тебе, нежели встретить такого человека, который бы этого для себя желал. Кто добровольно возьмет на себя всю тягость твоих забот? Кто не побоится сравнения с тобой? Ты сам испытал, как тягостно быть преемником хорошего принца, и пытался отказаться, уже будучи усыновлен. Разве легко и малый составляет труд подражать тебе в том, чтобы никто не платил за свою безопасность позором? Всем обеспечена жизнь и притом достойная, и не считается больше мудрым и не вызывает восхищения тот, кто проводит жизнь в безопасности. При таком принце награды добродетелям даются такие же, как при свободе [т. е. республике]; и вознаграждение за добрые поступки человек находит не только в своем сознании. Ты любишь стойкость граждан; правдивых и деятельных ты не подавляешь и не стесняешь, как другие, но поддерживаешь и возвышаешь. Полезно быть добродетельным, если считается вполне достаточным для человека, чтобы он не вредил. Таким лицам ты раздаешь почетные и жреческие должности, провинции, они процветают от дружбы с тобой, от высокого твоего мнения о них. Подобные награды за усердие и бескорыстие возвышают людей, подходящих к этим качествам, а неподходящих заманивают. Воздаяние за добро и за зло делает людей добрыми или дурными. Немногие настолько сильны духом, чтобы – везет им в жизни или нет – добиваться доброго или избегать дурного; остальные, поскольку ценою отдыха является труд, ценою сна – бодрствование, а роскоши – воздержание, добиваются всех этих благ такими же средствами, какими видят,

что добиваются другие, и каковы те, таковыми же хотят быть и казаться и сами, а стремясь к этому, такими и становятся.

45. И прежние принцепсы, исключая твоего отца, да еще одного или двух, – и то я много сказал – больше радовались порокам, нежели добродетелям граждан; во-первых, потому что каждому нравится в другом узнавать свои свойства, наконец, они считали более выносимыми для рабства таких людей, которым и не подобает быть ничем другим, как рабами. В их руках они сосредоточивали все блага, людей же благонамеренных, державшихся в стороне от дел и в бездействии и как бы заживо погребенных, они возвращали в общество и в свет, только чтобы подвергать опасности доносов. Ты же выбираешь себе друзей из наилучших; и клянусь Геркулесом! справедливо, чтобы дороже всего хорошему принцепсу были те, кто был ненавистен дурным. Ты хорошо знаешь, как различны по своей природе деспотия и принципат; итак, именно тем особенно дорог принцепс, кто больше всего тяготится деспотом. Поэтому ты выдвигаешь на видные места в качестве образцов и примеров тех людей, образ жизни которых и характер тебе особенно нравятся, и потому до сих пор не брал на себя ни цензуры, ни надзора за нравственностью, что тебе больше нравится воздействовать на наши сердца своими благодеяниями, нежели исправительными средствами. Да я и вообще не знаю, не больше ли приносит пользы нашим нравам тот принцепс, который позволяет людям самим исправляться, чем тот, который принуждает к этому. Мы легко поддаемся, в какую бы сторону нас ни вел принцепс, и даже – я бы сказал – мы во всем следуем за ним. Мы стремимся быть дороги именно ему, стремимся заслужить одобрение именно с его стороны, на что напрасно бы рассчитывали люди другого склада, и следовательно, оказывая ему такое послушание, мы приходим к тому, что почти все живем согласно нравам одного. К тому же не так уже плохо мы устроены, чтобы, умея подражать дурным принцепсам, мы не смогли подражать хорошему. Продолжай только, цезарь, действовать так же, и твои предложения, твои действия приобретут значение и силу постановлений цензуры. Ведь жизнь принцепса – та же цензура и притом непрерывная: по ней мы равняемся, она нас ведет, и мы не столько нуждаемся в применении власти, сколько в примере. В самом деле, страх – ненадежный учитель правды. Люди лучше научаются примерами, в которых главным образом хорошо то, что они доказывают на деле, что может осуществляться все то, чему они учат.

[59]

Плутарх. Наставления о государственных делах

2. Первое условие, как бы надежная и устойчивая основа для государственных трудов: чтобы решение заняться ими проистекало из разумного выбора, а не из обуянности тщеславием или задором или из недостатка в иных занятиях. У кого нет приличного дела дома, тот без всякой нужды проводит большую часть времени на площади; так же точно есть люди, которые от того, что не имеют, чем бы им заняться всерьез, бросаются в общественные дела, превращая их в некий род препровождения времени.

Многие также впервые прикоснулись к таким делам по прихоти судьбы, но позднее, когда пришло пресыщение, им уже нелегко выйти из игры; и это все равно, как если бы кто вошел в челн, захотев покачаться на волнах, но был вынесен в открытое море – и теперь мучился бы морской болезнью, оглядываясь в испуге по сторонам, но принуждаем оставаться в челне и терпеть все, что может с ним приключиться. <...>

Вот такие люди и говорят больше всех худое про участь государственного мужа, а побуждают их к тому раскаяние и досада: ведь они либо понадеялись на славу, а получили бесславие, либо думали, что будут грозны другим, а взамен того сами терзаются тревогами и хлопотами. Напротив, кто по зрелом размышлении взял на себя заботу об общем благе, как самое подходящее ему и благородное дело, тот ничему не позволит отвлечь себя от этого дела и поколебать в своем решении.

Не должно также приступать к общественным делам в надежде на обогащение и наживу, как Стратокл и Дромоклид, звавшие друг друга к «золотой жатве», как они шутики ради называли ораторскую трибуну, или дать увлечь себя опрометчивому порыву, как Гай Гракх, который поначалу, пока скорбь о братнем злосчастьи была еще свежа, избегал общественных дел, но затем, взбешенный хулой и обидами, чинимыми памяти брата, с горячностью устремился в эти дела; очень скоро он был по горло сыт и положением, и славой, но, как ни стремился уйти на покой, как ни тосковал по иной, безмятежной жизни, у него уже не было возможности сложить с себя не в меру большую власть, и гибель его упредила.

Ну а кто, уподобляясь лицедеям, наряжающимся к выходу, ищет красоваться и домогаться славы, тех-то уж неминуемо постигнет разочарование: один у них выбор – либо ходить в рабах у тех, над кем думали властвовать, либо наживать себе врагов среди тех, кому желали угодить.

Я сравню попечение о государственных делах с колодцем. На долю тех, кто ринется туда очертя голову и вслепую, достанутся страх и боль падения; но те, кто войдут с умом, приготова себя, будут во всех обстоятельствах соблюдать меру, ни от чего не теряя мужества, ибо единственная цель их усилия есть нравственное благо.

3. Вот, однако, внутреннее решение выношено и утверждено надежно и неизбежно; теперь необходимо обратиться к познанию нрава сограждан и паче всего уяснить себе, каким он проявляется и действует во всеобщем смещении. Ведь что до попыток самому воздействовать на нравы и пересоздавать естество народа, то это дело не легкое и не безопасное, но требующее долгого времени и великой мощи. Погляди, как вино поначалу подвластно нраву пьющего, однако исподволь само меняет его нрав и по-иному его настраивает, соделывая в нем теплоту и благорастворение; вот так и государственному мужу до той поры, покуда его слава и народное к нему доверие не дадут ему силы вести других, лучше сообразовываться с наличными нравами и принимать их в расчет, зная, что народ любит и чем его удобно увлечь. <...>

Придворные льстецы, обманом вкрадываясь в доверие государей, словно птицеловы, подражают голосам и перенимают повадки тех, на кого охотятся;

что до государственного мужа, то перенимать народный нрав ему, конечно, не пристало, но знать надо, чтобы с умением подойти к каждому. Ведь и в гражданских делах отсутствие такта ведет к ошибкам и провалам не менее тяжким, чем в близком общении с царями.

4. Пытаться изменять общественные нравы к лучшему, и притом берясь за дело спокойно и осмотрительно, как мы уже сказали, можно лишь тому, кто забрал большую силу и завоевал доверие сограждан; перевоспитывать целый народ – дело хлопотное. Но куда спеши развить и украсить твой собственный характер, затем что тебе предстоит жить, словно в театре, на глазах у зрителей. Если же тебе чересчур трудно до конца извергнуть из души твоей порочные наклонности, отсекай и устраняй хотя бы то, что лезет в глаза. <...>

(10) Нынешнее положение наших городов, однако, не предоставляет случая отличиться при военных действиях, свержении тирана или переговоров о союзе; как же государственному деятелю начать свое поприще со славою и блеском? Остаются всенародные суды и посольства к императору, для которых тоже нужен человек, соединяющий горячность и решительность с умом. Можно привлечь к себе внимание, выступив восстановителем добрых, но забытых обычаев, каких немало было у наших городов, или искоренителем порочных привычек, распространившихся на позор или во вред городу. <...>

15. Что касается государственных дел, некоторые самолично готовы входить во всякую их часть, полагая, как Катон, что нет такого труда и такой заботы, которые не взял бы на себя хороший гражданин. Хвалят и Эпаминонда за то, что когда фиванцы из зависти и в насмешку избрали его таксиархом, он не счел это ниже своего достоинства, но сказал: «Не только должность делает честь человеку, но и человек – должности». И этой службе, которая до него сводилась к надзору за уборкой мусора и стоком воды, он сумел придать значительность и достоинство. Надо мной самим, наверное, посмеиваются люди, посещающие наш городок, когда видят меня на улицах за такими занятиями. Но здесь мне кстати приходит на ум одно изречение Антисфена: когда кто-то удивился, что он сам несет по рынку солонину, он возразил: «Ведь для себя!» Я же, напротив, если будут меня порицать, что мне приходится заботиться о размере черепицы и о доставке известки и камня, отвечу так: «Ведь не для себя, а для моего города!» В самом деле, человек, входящий в такие дела, являет смешную мелочность лишь в том случае, если идет на это ради своей корысти; если же он печется об общественной пользе и нуждах города, это похвальное усердие, и здесь лучше не забывать даже о мелочах. <...>

Добрая воля и попечительность государственного мужа должны не чураться ни одной области дел города, но принадлежать им всем и ведать каждую в отдельности; и вовсе не нужно, чтобы сам он был изъят из употребления, словно священный якорь на корабле, сохраняя себя лишь для чрезвычайных нужд и бед отечества. Нет, подобно тому, как кормчие что-то делают своими руками, а что-то выполняют через помощников и посредством орудий, сами восседая наверху, и прибегают к содействию матросов, рулевых, начальников

над гребцами, порой подзывая то одного, то другого из них на корму и на время доверяя ему руль, – так государственному мужу прилично уступать и другим участие в управлении, приветливо и благосклонно приглашая их на место для ораторов, и не щититься направлять все дела города собственными речами, постановлениями и определениями, но, подобрав людей надежных и достойных, давать каждому из них поручение сообразно его способностям; например, Мениппа Перикл послал в поход стратегом, через Эфиальта сломил мощь Ареопага, через Харина провел постановление против мегарян, через Лампона вывел колонистов в Фурии. Польза тут двоякая: кажется, что власть поделена между многими, и это облегчает бремя зависти, а дела между тем делаются более исправно. Как разделение руки на пальцы отнюдь ее не ослабило, но, напротив, сделало ловчее и пригоднее к употреблению, так правитель, приобщающий к государственным заботам других, достигает совместностью усилий большего успеха. <...>

16. Далее, следует иметь в виду, что всякая демократия относится к государственным деятелям недоверчиво и предубежденно, а потому, если полезные решения приняты без споров и борьбы, возникает подозрение о предварительном сговоре; такой навет тяжелее всего поражает сообщества и дружеские кружки. Настоящего раздора и разноречия в собственной среде допускать не следует: правда, хиосский народный вождь Ономад, придя к власти во время смуты, не дозволил изгнать всех противников поголовно, дабы, как сказал он сам, «за недостатком врагов не начать ссориться с друзьями», – но то были слова вздорные. Раз уж, однако, толпа с недоверием встречает что-нибудь великое и полезное, приверженцам начинания благоразумнее выступать не слишком дружно, словно спевшись; хорошо, чтобы двое или трое спокойно возражали своим друзьям, а потом как будто дали себя переубедить доводами и увлекли за собой народ, убежденный, что ими руководят соображения общего блага. А в делах менее важных, не касающихся главного, друзьям не худо и вправду поспорить, придерживаясь каждый собственного мнения, дабы ясно было, что их единомыслие по вопросам наибольшего значения – не подстроенное, а подлинное.

17. По устройению природы государственный муж есть правитель для сограждан, как матка для пчел; памятуя об этом, он не должен выпускать дела города из своих рук. Но что до так называемых чинов и выборных должностей, не надо домогаться их чересчур рьяно или часто, ибо сосредоточение многих должностей в одном лице некрасиво и народу не нравится; впрочем, не следует и отказываться от должности, если народ в законном порядке зовет занять ее, даже тогда, когда она ниже общественного положения приглашенного на нее и притом за нее еще приходится вступать в соперничество. Ведь справедливо, чтобы тот, кому принесли честь более высокие должности, в свою очередь принес честь более низким; и если обремененному особо важным саном, каковы должности стратега в Афинах, притана на Родосе и беотарха у нас, нужно проявлять скромность и всячески сбавлять тон, то должностям меньшего значения хорошо прибавить веса, чтобы первые не вызывали чересчур много зависти, а вторые – презрения.

Но в какую бы должность кто ни вступал, ему придется, иметь в уме не только те мысли, какие напоминал себе Перикл, надевая хламиду: «Помни, Перикл, ты правишь людьми свободными, правишь эллинами, правишь афинскими гражданами». Он должен сказать себе и нечто иное: «Ты правишь, но и тобою правят, и город твой подчинен проконсулам, цезаревым наместникам!» Тут тебе не «копье, что владычит над землями», не древние Сарды, не держава лидийцев. Попроще надо шить хламиду, не забывать о преторе, стоя на месте для ораторов, и не возлагать непомерных горделивых упований на свой венок, видя римский сапог над головой. Подражай лучше актерам, которые влагают в представление свою страсть, свой характер, свое достоинство, но не забывают прислушиваться к подсказчику, чтобы не выйти из меры и границ свободы, данной им руководителями игр. <...>

18. Но мало являть себя и свой город без вины перед высшей властью; полезно всегда иметь наверху влиятельного друга как надежную опору для своих действий, тем более что сами римляне охотно идут навстречу политическим пожеланиям своих друзей. Кто пожнет плоды высокой дружбы, как пожали их Полибий и Панетий, благодаря личной благосклонности к ним Сципиона сделавшие много добра для своих родных городов, получит награду не бесцельную. Когда Август взял Александрию, он вступил в город, держа за руку Ария и разговаривая с ним одним из всех присутствовавших; видя это, александрийцы ожидали для себя невозможного зла, но император, выслушав их мольбы, объявил, что дарует им пощаду, во-первых, ради величия их города, во-вторых, из почтения к Александру, его основателю, а в-третьих, – примолвил он, – чтобы сделать подарок вот этому моему другу».

Возможно ли сравнить с таким подарком бешеные деньги от наместничества и управления провинцией, за чем охотятся столь многие, оставляя дела родного города и доживая до старости подле чужих дверей? Уж не исправить ли нам Еврипида, твердившего и в речи, и в песни, что если вообще стоит проводить ночи без сна, хаживать ко двору сильнейшего и проводить время в его обществе, благороднее брать это на себя ради отечества, в остальном же следует предпочитать и хранить справедливую дружбу между равными?

19. Но как бы ни приходилось нам заботиться, чтобы родина наша была послушна высшей власти, нет нужды прибавлять к этому еще и унижение. Когда нога в оковах, нечего надевать цепь на шею; а именно так поступают иные, обращаясь к наместникам по любому поводу и без повода и делая несвободу нашу позорной, вернее же сказать, уничтожая всякую гражданскую жизнь собственной запуганностью, робостью и полнейшей несостоятельностью. Есть люди, которые приучили себя не поесть и не вымыться без указки врача, и они не дают себе воспользоваться хотя бы той мерой здоровья, которую природа им уделила; так и те, которые для каждого решения, или заседания, или оказания милости, или хозяйственного распоряжения ищут заручиться предварительным согласием наместника, вынуждают его быть по отношению к ним большим деспотом, чем хотел бы он сам.

Виною тому более всего алчность и раздоры первенствующих граждан; причиняя вред слабейшим, они вызывают бегство из города, а когда спор идет между ними самими, ни один из них не хочет уступить согражданину, но втягивает в дело вышестоящие власти, от чего и Совет, и народ, и судейские коллегии, и все вообще городские должности теряют значение.

Нужно поэтому успокаивать простых граждан равным ко всем отношением, а людей влиятельных – взаимной уступчивостью, удерживая всех в верности городу и без большого шума разрешая запутанные споры, словно врач, пользующий тайные недуги. Для самого себя государственный муж обязан считать предпочтительнее поражение от сограждан, нежели победу ценой насилия и урона для городских установлений, а что до прочих, каждого из них следует упрашивать и увещевать, указывая ему на последствия раздоров. Ныне же люди, связанные принадлежностью к городу, принадлежностью к филе, соседством, родством, вместо того чтобы ко благу и чести для себя же самих явить друг другу взаимную уступчивость, толпятся у дверей ораторов и отдают свои разногласия в руки стряпчих, готовя себе и вред, и срам.

Если врач не в силах до конца искоренить недуг, он стремится вывести его наружу и дать ему выявиться вовне; напротив, политик, если он не может совершенно оберечь свой город от борьбы и тревог, попытается совершить труд исцеления и уладить беспокойные вопросы внутри круга сограждан, только бы не прибегать к врачам и лекарствам извне. Его целью да будет сохранение безопасности города и отказ от бурь и безумств тщеславия, как то разъяснено выше. Но к такому образу мыслей необходимо принадлежит также смелая решимость <...> и готовность поспорить и побороться с неблагоприятными положениями и обстоятельствами. Не должно самому накликать бурю, но если она разразилась, нельзя отступать; не должно подталкивать город к падению, но когда он падает и находится в опасности, необходимо прийти ему на помощь, словно пускаемый, наконец, в дело священный якорь, и выказать среди самых больших опасностей неустрашимость речи.

[60]

Элий Аристид. *Похвала Риму*. 34-71.

Теперь же я скажу о том, что прекрасней всего, удивительней всего и зовет нас к благодарности словом и делом. Ведь вы, кому принадлежит эта великая держава, управляете ею уверенно и властно; именно в этом вы достигли высшего успеха, и он принадлежит только вам.

Вы единственные из всех правите свободными людьми. Это не Кария, отданная Тиссаферну, Фригия – Фарнабазу, а Египет – кому-то еще. Нельзя сказать, что народ этой страны кому-то повинует, словно отданный в рабство тому, кто и сам не свободен. Но как граждане одного города назначают правителей, чтобы они защищали и заботились о них, так и вы, управляя всем населенным миром, как единым городом, назначаете ему правителей на основании выборов для защиты и заботы, а не для того, чтобы слыть его господами. Так что когда кончается срок службы одного, то он уступает свое

место другому без сопротивления, даже не дожидаясь встречи со своим преемником и не споря с ним о земле, которая ему не принадлежит.

Апелляции в высший суд подаются с такой же легкостью, как и апелляции от округов в местный суд, и кто вынес несправедливый приговор, тот боится высшего решения не меньше, чем приговоренный. Поэтому можно сказать, что наместники ныне правят так, как сами бы хотели быть управляемыми.

Это ли не та полная демократия, которая существовала в прежние времена? Более того, тогда на приговор городского суда нельзя было искать управы у других судей и приходилось смиряться с местным решением – кроме разве жителей маленьких городов, которые были вынуждены обращаться к иногородним судьям. А бывало и так, что истец не получал желаемого даже после выигранного им дела. Однако теперь есть иной, высший Судья, мимо которого никогда не проходит ни одно справедливое требование.

В этом Городе существует безграничное и прекрасное равенство ничтожного человека с великим, бесславного со знаменитым, бедного с богатым и знатного с безродным. <...>...он, судья и правитель сразу, поступает только по справедливости, словно ветер в парусах корабля, который не сопутствует богатому больше, чем бедному, но равно благоприятен для всякого. <...>

И вот все, что ускользало, так сказать, от всех прежних поколений, ныне оставлено вам одним, чтобы вы его открыли и совершенствовали. И это не удивительно. Ибо как во всех других областях сначала накапливается материал, а затем приходит искусство, так и здесь, когда явилась величайшая и сильнейшая держава, тогда, прилагаясь к ней, развилась и наука управления, и они укрепили одна другую. Огромная держава дала опыт в управлении, а искусство управлять законно и справедливо дало вырасти самой державе.

Но что больше всего заслуживает внимания и восхищения, так это вопрос о гражданстве и широта вашего взгляда на него, ибо нет на свете ничего подобного этому. Всех, кто есть в вашей державе, разделили вы на две половины, а держава ваша – это весь населенный мир; и одной ее половине вы даровали свое гражданство, более прекрасное, благородное и могущественное, чем любое родство, а оставшуюся половину сделали покорной и подвластной себе.

И ни морские, ни земные просторы не помеха для вашего гражданства, и между Азией и Европой в этом нет никакого различия, ибо всё в вашей державе доступно всем. Ни один человек, достойный власти и доверия, не остается в стороне, но под властью единого наилучшего правителя и блюстителя утверждается общее равноправие на всей земле. Жители державы словно собираются на единой площади, чтобы получить то, чего каждый из них заслуживает.

Как любой город имеет свои границы и земли, так и вот этот Город границами и землями своими имеет весь населенный мир и как будто предназначен быть общему столицею этого мира. Хочется сказать: все окрестные жители собираются на этом едином для всех Акрополе.

Силы Города никогда не истощаются, но как земная твердь все выносит, так и он приемлет людей всей земли. И как море приемлет реки, будучи общим для

них всех, и не делается больше от их притока, словно это судьба его такая – не меняться, сколько бы ни прибывало воды, а вбирать все реки в свои заливы и скрывать в своей глубине, – так и этот Город не становится больше из-за прибывающих в него людей.

Раз уж я завел эту речь, я хочу добавить к сказанному еще несколько слов. Я сказал уже: вы великодушны и великодушно даруете гражданство. Вас восхваляют и вашим гражданством восхищаются не потому, что вы отказываете в нем остальным, а потому, что вы ищете ему достойное применение. Слово «римлянин» вы сделали именем не жителя города, а представителя некоего общего племени, и это племя – не одно из многих, а объединяет все остальные, вместе взятые. Вы не делите людей на эллинов и варваров, а то разделение людей, которое вы ввели, не столь смехотворно. Даровав гражданство стольким людям, что их больше, чем все эллинское население, вы в свою очередь разделили мир на римлян и не-римлян – столь далеко вынесли вы это имя за пределы Города.

И с тех пор, как вы разделили их таким образом, многие люди в каждом городе стали вашими согражданами в той же степени, в какой они – сограждане своих сородичей, хотя некоторые никогда не видели этого Города. Вам не нужны никакие гарнизоны, чтобы охранять ваши крепости, ибо в каждом городе самые сильные и лучшие мужи берегут свое отечество для вас. Вы же окружаете каждый город двойной заботой – как с вашей стороны, так и со стороны его жителей.

Никакая зависть не проникает в вашу державу, так как вы первые отреклись от нее, открыв перед всеми одинаковые возможности и предоставив тем, кто на это способен, быть попеременно не только правыми, но и правящими. Более того, эти правящие не вызывают ненависти у остальных. Из-за того, что законы в этой державе общие, как в едином городе, естественно, что правители управляют державой не как чужим, а как собственным добром. Кроме того, по этим законам всем дана свобода прибегнуть к вашей защите от произвола сильных: если последние осмелятся нарушить какой-нибудь закон, то их немедленно постигнет ваш гнев и наказание.

Таким образом, нынешний порядок, понятным образом, удовлетворяет и устраивает как бедных, так и богатых. И по-другому жить невозможно. В ваших законах существует единая и всеобщая согласованность. И что прежде казалось невозможным – управлять державой, и такой большой державой, властно и по-доброму – пришло в ваше время.

Поэтому города свободны от гарнизонов. Нескольких пеших и конных отрядов достаточно для того, чтобы защищать целые народы. И они не размещены по городам, но рассеяны по всей стране, так что многие народы не знают, где сейчас находится их охрана. Если же какой-то город так вырос, что способен сам у себя поддерживать порядок, вы не отказали в этом его жителям из зависти, что они будут о нем заботиться и его блюсти.

Но у кого для этого нет достаточных сил, тем управлять небезопасно. Довериться руководству более опытных людей – это, как говорится, «второе плавание». А довериться вашему руководству – как оказалось ныне – даже

первое. Поэтому все ваши подданные крепко держатся за вас и не раньше вас покинут, чем пловцы – своего кормчего. Как летучие мыши в пещерах крепко цепляются друг за друга и за камни, так все люди льнут к вам в великом страхе и заботе, чтобы никто не оторвался от этого союза. Они скорее будут бояться, чтобы вы их не оставили, чем сами оставят вас.

Поэтому все города отсылают вам ежегодную дань с большей радостью, чем иные сами собирают ее с других. И это справедливо.

Нет больше споров о власти и первенстве, из-за которых раньше вспыхивали все войны. Вместо этого одни города наслаждаются покоем, как река в бесшумном течении. Они рады, что освободились от страданий и бедствий, так как поняли, что сражались с бесплотными призраками. Другие же не знают и не вспоминают о том, чем они владели прежде: эти города, охваченные когда-то смутой и взаимной враждой, вдруг возродились на погребальном костре, как в мифе памфилийца или, может быть, Платона, и все разом достигли превосходства. Как это случилось, они объяснить не могут, а могут лишь восторгаться своим нынешним состоянием – как будто они проснулись и увидели, что сон их стал явью и они в нем живут.

Войны, даже если они когда-то и велись, кажутся теперь неправдоподобными, и большинство людей воспринимает рассказы о них, как мифы. А если где-нибудь на границах и возникнет война – что естественно в такой огромной державе, когда геты безумны, ливийцы злополучны, а народы у Красного моря злонравны и не способны наслаждаться тем, что имеют, – то и сами эти войны, и слухи о них вскоре, конечно, проходят без следа, подобно мифам.

Вот какой прочный мир вы всюду поддерживаете, несмотря на то, что привыкли

воевать.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ПЕРЕВОДОВ

- Антология кинизма. Фрагменты сочинений кинических мыслителей. М.: Наука, 1996.
- Аристотель. Политика. Афинская полития. М.: Мысль, 1997.
- Гай. Институции / Пер. с латинского Ф. Дыдынского / Под. ред. В.А. Савельева, Л.Л. Кофанова. М.: Юристъ, 1997.
- Геродот. История в девяти книгах / пер. и прим. Г.А. Стратоновского. Л.: Наука, 1972.
- Гомер. Илиада / Пер. Н. И. Гнедича. Л.: Наука, 1990.
- Гомер. Одиссея / Пер. В. Вересаева. М., 1949.
- Деяния божественного Августа // Шифман И. Ш. Цезарь Август. Л.: Наука, 1990. С. 189-199.
- Дигесты Юстиниана. Т.I / Отв. ред. Л.Л. Кофанов. М.: Статут, 2002.
- Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / Общ. ред. и вступит. статья А.Ф. Лосева. М.: Мысль, 1979.
- Закон о власти Веспасиана // Хрестоматия по истории Древнего Рима. / Под ред. С. Л. Утченко. М., 1962. С. 535-536.
- Исократ. Речи. Письма; Малые аттические ораторы. Речи / Изд. подготовил Э.Д. Фролов. М.: Ладомир, 2013.
- Ксенофонт. Воспоминания о Сократе. М.: Наука, 1993.
- Маковельский А. Софисты. Выпуск 2. Баку, 1941.
- Материалисты Древней Греции. Собрание текстов Геаклита, Демокрита и Эпикура. М.: Госполитиздат, 1955.
- Письма Плиния Младшего. М.: Наука, 1984.
- Платон. Собрание сочинений. В 4-х т. М.: Мысль, 1990-1994.
- Плутарх. Наставления о государственных делах / Пер. С.С. Аверинцева // Плутарх. Сочинения. М.: Художественная литература, 1983.
- Полибий. Всеобщая история в сорока книгах / Пер. Ф.Г. Мищенко. Т. 2. СПб.: Наука, Ювента, 1997.
- Порфирий. Сочинения / Пер. Т.Г. Сидаша. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2011.
- Секст Эмпирик. Сочинения в двух томах. Общ. ред. А.Ф. Лосева. М.: Мысль, 1976.
- Фрагменты ранних стоиков. Т.III. Ч. 1 / Пер. и комм. А.А. Столярова. М.: Греко-латинский кабинет Ю.А. Шичалина, 2007.
- Фукидид. История / пер. Г.А. Стратоновского. М.: Ладомир, 1999.
- Цицерон. О государстве. О законах. О старости. О дружбе. Об обязанностях. Речи. Письма. М.: Мысль, 1999.
- Элий Аристид. Священные речи. Похвала Риму. М.: Ладомир, Наука, 2006.
- Эллинские поэты VII-III вв. до н.э. Эпос. Элегия. Ямбы. Мелика / Отв. редактор М.Л. Гаспаров. М.: Ладомир, 1999.

Учебное пособие

**ХРЕСТОМАТИЯ ПО ИСТОРИИ
ПОЛИТИЧЕСКОЙ МЫСЛИ
АНТИЧНОСТЬ**

Рубцов Павел Владимирович

Редактор: М.А. Арапова

Компьютерный набор и верстка: К.С. Гаврилова

Подписано в печать «__» _____ 20__ г. Формат
60х84

Бумага для множительных аппаратов. Усл. печ. л. 10

Тираж ____ экз. Заказ _____

Уральский государственный педагогический университет
620017, Екатеринбург, пр. Космонавтов, 26